

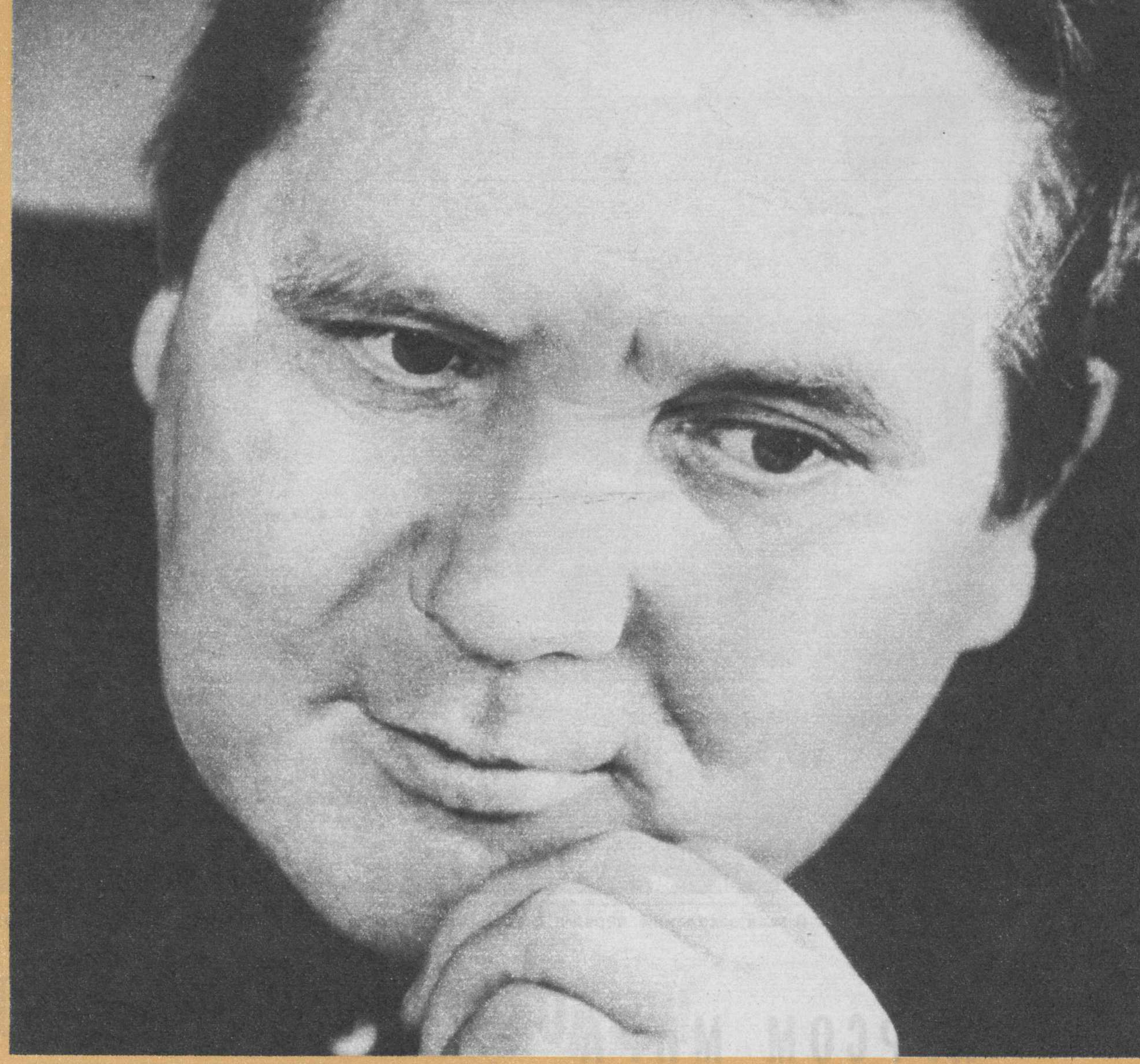
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 14 МАРТ 1985
БЫЛЬ О ТРЕХ ТАНКИСТАХ
ДАВИД СИКЕЙРОС — ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК МЕКСИКИ
ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ЮРИЯ БОНДАРЕВА «ИГРА»

На новой сельской улице.

Перед концертом — колхозные артисты.

Председатель колхоза «Заветы Ильича» В. А. Александров.

КРУГЛЫЕ ПЯТЕРКИ

См. стр. 4.

Юлий ФАЛАТОВ

Фото Б. ИВАНОВА (газета «Советская Чувашия») и Ю. ДМИТРИЕВА

В правлении сейчас хозяйничает сторож дед Калистрат. Когда-то он в здешних местах проводил коллективизацию, потом руководил полеводческой бригадой. А когда вышел на пенсию, пришел к председателю: «Александрыч, поручи какое-никакое дело». Вячеслав Александрович определил старика на должность — «ночным председателем» в правлении. Но деду и этого мало: в сенокос мечет стога, на току присматривает, чтобы к ворохам скотина не подошла. А сломается веялка — починит.

...Стемнело. Ночной хозяин придвинул настольную лампу, поправил абажур.

— Как работает Александрыч?— переспрашивает он, пристально глядя на меня.—Гоже, даже очень гоже. Полюбили его у нас люди. Колхоз при нем в гору пошел.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (3011)

30 МАРТА — 6 АПРЕЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

Москва, Кремль. В зале заседаний первой сессии Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

КУРСОМ МИРА И СОЗИДАНИЯ

26 марта в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась первая сессия Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя встретили депутаты и гости товарищей М. С. Горбачева, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, М. С. Соломенцева, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, В. М. Чебрикова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Е. К. Лигачева, Н. И. Рыжкова.

Депутаты утверждают повестку дня сессии. В нее включены следующие вопросы: избрание Мандатной комиссии Верховного Совета РСФСР, избрание Президиума Верховного Совета республики, образование постоянных комиссий Верховного Совета РСФСР, утверждение Указов Президиума Верховного Совета РСФСР, образование Совета Министров РСФСР, образование Комитета народного контроля РСФСР, избрание Верховного суда РСФСР, о мерах по усилению организаторской работы советских и хозяйственных органов РСФСР по осуществлению Долговременной программы мелиорации, повышению эффективности использования мелиорированных земель в свете решений октябрьского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ДЕПУТАТСКОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ
№ 0001
19 СОЗЫВ
ЛЕНИН
Владимир Ильич

БЕССМЕННЫЙ ДЕПУТАТ МОССОВЕТА

По сложившейся традиции в начале каждого нового созыва Московского Совета депутатское удостоверение № 1 выписывается на имя Владимира Ильича Ленина. На первом заседании исполкома Моссовета девятнадцатого созыва состоялось торжественное оформление ленинского мандата.

Славная традиция родилась свыше шести десятилетий назад в соответствии с постановлением пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 7 февраля 1924 года, принявшего решение: «...Оставить В. И. Ленина навсегда в списках членов Моссовета, как депутата трудящихся Москвы...».

ЗАБОТА О МОЛОДЕЖИ

23 марта в Москве состоялось заседание комиссии по проведению Международного года молодежи в СССР. На нем выступил председатель комиссии, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев.

Оратор выразил уверенность, что проведение Международного года молодежи в СССР станет подлинным смотром наших социальных достижений, всего, что сделано и делается в Советской стране для юношества.

Были заслушаны сообщения о ходе подготовки к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

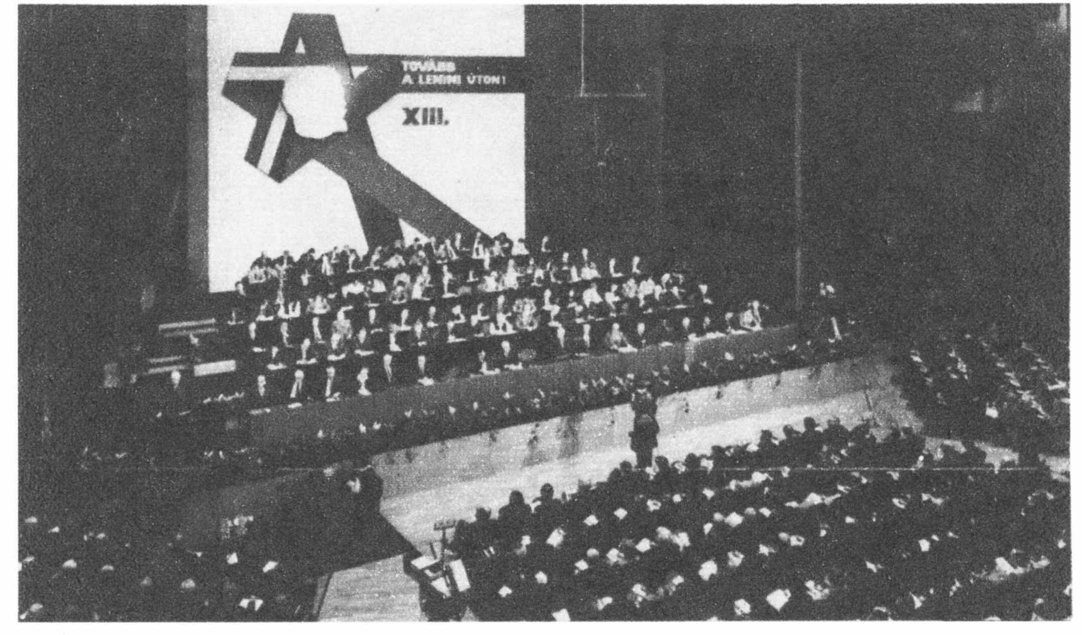
Участники заседания обсудили и одобрили план работы комиссии и план мероприятий по проведению Международного года молодежи в СССР.

Встреча советской и английской молодежи в московском интерклубе «Диалог».

Фото С. Петрухина

ФОРУМ ВЕНГЕРСКИХ КОММУНИСТОВ

Во время открытия съезда. Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС)

25 марта в Будапеште начал работу XIII съезд Венгерской социалистической рабочей партии. В работе высшего форума венгерских коммунистов принимает участие около 50 зарубежных делегаций.

Собравшиеся тепло встретили появление в президиуме съезда Первого секретаря ЦК ВСРП Я. Кадара, других руководителей партии. Вместе с ними были глава делегации КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Г. В. Романов, главы делегаций других братских партий.

В повестке дня съезда — отчет Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии по выполнению решений XII съезда ВСРП и задачи партии; изменения в уставе ВСРП; отчет Центральной контрольной комиссии ВСРП; выборы членов ЦК и Центральной контрольной комиссии ВСРП. Отчет ЦК в письменном виде был роздан заранее делегатам съезда.

Первый секретарь ЦК ВСРП товарищ Я. Кадар выступил на съезде с речью, в которой развернута панорама деятельности партии, сделан анализ процессов социалистического развития страны, раскрыта сущность очередных задач ВСРП.

ДЕЙСТВОВАТЬ НУЖНО СЕГОДНЯ!

В суете будничных дел и забот люди не так уж часто задумываются о том, сколько стоит мир, в котором мы живем. Вернее, какой ценой он оплачен.

Что взять за точку отсчета? Вернее всего войну, ту, что грохочет еще в памяти миллионов ее участников,— вторую мировую.

Тысячи разрушенных городов и сел. Пятьдесят миллионов павших на полях сражений и в движении Сопротивления, замученных в концентрационных лагерях, погибших в газовых камерах и под бомбежками, ставших жертвами голода и лишений вдали от фронта...

Страшной ценой оплатило человечество мир, в условиях которого мы живем. Сорок лет прошло с той поры, как закончилась эта по нынешней терминологии «обычная» война. Но все эти годы империализм ведет подготовку к новой войне, ядерной. Прогнозы всех серьезных специалистов однозначны: в случае возникновения такой войны человечество погибнет, оплатить мир будет нечем!

Проблеме сохранения жизни на нашей планете, борьбы против опасности всемирного апокалипсиса была посвящена работа сессии Президиума Всемирного Совета Мира, которая проходила с 22 по 25 марта в Москве в залах «Совинцентра». Сотни ее участников, съехавшиеся из разных стран, представляли широкое и массовое антивоенное движение, в котором сейчас активно действуют люди различного социального положения, политических взглядов и идейных убеждений.

Одно из заседаний привлекло к себе наибольшее внимание ее участников и представителей многих советских и зарубежных средств массовой информации, освещавших работу сессии. Оно было посвящено предотвращению гонки вооружений в космосе. И это не случайно. Лихорадочные усилия нынешней американской администрации направлены на то, чтобы сделать космическое пространство ареной военного противоборства. Это грозит катастрофой — и не какой-то отдельной стране, а всему человечеству. В выступлениях председателя Совета мира ГДР профессора Гюнтера Дрефаля, президента Института по безопасности и сотрудничеству в космосе Кэрол Роузин (США) и ряда других участников сессии прозвучали убедительные, научно обоснованные заключения о том, что планы создания системы противоракетной обороны с элементами космического базирования есть не что иное, как попытка добиться такого положения, при котором США могли бы нанести по СССР ядерный удар первыми, не опасаясь возмездия за это.

«Вопрос о космосе стал ключевым сегодня»,— подчеркнул во время своей пресс-конференции, устроенной для советских и иностранных журналистов, президент Всемирного Совета Мира Р. Чандра. Вся работа сессии — прямое подтверждение этих слов. Не умаляя значения других тем, таких, как солидарность с борьбой народов за национальное освобождение или рассмотрение социально-экономических последствий гонки вооружений, можно без преувеличения сказать, что тема борьбы за мирный космос была ведущей.

«...Сегодня проблемы использования космоса перекочевали со страниц журналов известных только специалистам журналов на первые полосы газет всего мира,— сказал заместитель председателя Советского комитета защиты мира, летчик-космонавт СССР Г. М. Гречко,— но это не радует нас. Не киношное, а реальное зло в лице администрации Рейгана выступило со «стратегической инициативой» в космосе... Если же... ядерные бомбы, боевые, а не фантастические лазеры повиснут над головой каждого человека... то не будет далеких от нас войн, уносящих жизни людей где-то там на берегах других морей, знакомых нам только по глобусу. Война встанет у порога каждого дома. И никто не сможет удержать ее за порогом, так как никто уже не успеет практически за оставшиеся секунды отличить случайный инцидент от запланированного нападения.

Но не рано ли мы беспокоимся, не далекий ли это от нас XXI век, а сейчас предусматриваются только научно-исследовательские работы?»

Нет, не рано! Таково мнение Г. М. Гречко. Не рано — считают участники сессии Президиума Всемирного Совета Мира. И в принятом ими призыве к народам мира говорится, что, если планы «звездных войн» не будут остановлены сегодня, завтра может быть поздно.

Нравится ли это апологетам космических, «ограниченных» или иных войн или нет,— но сегодня движение сторонников мира превратилось в крупнейшее на нашей планете. За последние годы неизмеримо вырос как международный авторитет, так и активность его участников. Прошедшая в Москве сессия еще раз продемонстрировала их единодушие в подходе к главной проблеме современности, твердость и решимость отстаивать дело мира в каждой стране, в каждом регионе, на всей планете.

А. СОКОЛОВ

Во время открытия сессии. Фото В. Егорова и А. Яковалова (ТАСС)

Хорошо у нас в «Родничке»!

См. 2-ю стр. обложки.

КРУГЛЫЕ ПЯТЕРКИ

Такой же отзыв я слышал и на фермах, и в мастерских, и в Доме культуры. Да, Александров пришелся ко двору в «Заветах Ильича». До него здесь председатели менялись часто. Хозяйство хирело, год от года росли долги. В ту пору Вячеслава Александрова назначили в колхоз «Заветы Ильича» главным агрономом. Он окончил Чебоксарский сельскохозяйственный институт и успел пять лет проработать по специальности.

Колхозное правление тогда возглавлял человек, который специального образования не имел. В первое время он взялся за дело горячо и кое-что сделал, чтобы вытянуть хозяйство из прорыва. Развернул строительство, приступил к борьбе с оврагами.

Потом его стало заносить не в ту сторону. Слишком зауважал себя, к людям спиной повернулся. Не поладил и с главным агрономом. Тот все старался, чтобы зерна побольше было в амбаре, а председателю лишь бы первым рапорт подать в район...

Все это на отчетно-выборном собрании председателю колхозники напомнили. Больше половины голосов он недосчитался. Когда же назвали кандидатуру Вячеслава Александровича Александрова, поднялся лес рук.

Было это более двадцати лет назад. Встав «на капитанский мостик», новый председатель велел собрать колхозный актив, депутатов сельского Совета, пригласить стариков, которые в округе знают каждый клочок земли. Много дельного сказали на том собрании. Вячеслав Александрович разговор подытожил и тут же развернул перед колхозниками ясную программу, как повысить плодородие почвы, поднять продуктивность ферм. Кто-то предложил было взять у государства ссуду под роскошный комплекс. Александров подошел к делу с другого конца: вот окрепнем, встанем прочнее на ноги, тогда и можно дворец для коров возводить. Пока же подновим старые фермы.

В колхозе есть, например, такие три деревни — Васькино, Сеткасы, Янгиреево. Там раньше свой колхоз был, а потом объединили его с «Заветами Ильича». Объединить-то объединили, но должного внимания им не уделяли, и деревни стали хиреть. Естественно, и фермы в них пришли в запустение. Вячеслав Александрович предложил скотные дворы отремонтировать и разместить в них коров.

Председатель с первых шагов невзлюбил слова «неперспективные деревни». Если переселить всех жителей на центральную усадьбу, построить им дома, надворные постройки, возить их за несколько километров на работу, в какую же сумму это обойдется? А не проще ли, рассудил Вячеслав Александрович, «неперспективные деревни» сделать перспективными? Проложить туда надежные дороги, открыть клубы, магазины, и тогда в них потянутся люди.

Вячеслав Александрович побывал в лучших чувашских хозяйствах. Это ему пригодилось, когда архитекторы из Чебоксар стали составлять проект застройки центральной усадьбы в селе Кукшумы.

Я побывал в Васькине, Сеткасах и Янгирееве. Стоят деревни, ровно игрушки. Дома чистенькие, на задах огороды, в центре магазин, рядом клуб. Молодежь теперь не уезжает в город. А для чего? Работа под боком. Зарабатывают колхозники хорошо, у доярок и механизаторов по 250 рублей в месяц выходит. Да и личное подсобное хозяйство — великое подспорье.

Колхоз «Заветы Ильича» из убыточного хозяйства стал прибыльным. В минувшем, нелегком для земледельцев году с каждого гектара собрали по тридцать центнеров зерна, картофеля — почти по двести центнеров. В среднем за последние четыре года урожайность зерновых составила 27,7 центнера. Удвоились и удои коров.

...А начал Вячеслав Александрович свою председательскую деятельность с выговора. Подошла пора озимые сеять, а стоит страшная сушь. Из района требуют: пускай сеялки, но он медлит, ждет, когда дождь на землю прольется.

Александрова вызвали на «ковер» и всыпали на полную катушку. Однако он все-таки сумел доказать свое: когда дождь промочил землю, тогда и посеяли. И прав оказался. В «Заветах Ильича» по двадцать пять центнеров пшеницы на круг в тот год собрали.

...Дед Калистрат затушил папиросу, помолчал, глянул на часы: «Задерживается наш хозяин. Обещал к десяти быть». И тут у здания правления остановилась «Волга». Послышались тяжелые шаги. В комнату вошел широкоплечий человек, представился: «Александров, председатель колхоза».

— Как съездили, Александрыч? — поинтересовался дед.

— Спасибо, Калистрат, хорошо,— отозвался Александров и, обращаясь ко мне, спросил, имея в виду сторожа.— Не давал вам скучать дед Калистрат? Он у нас вроде ходячей энциклопедии, в курсе всех колхозных дел...

— А вот ведь не открыл приезжему, зачем в Чебоксары вы ездили,— нашелся старик.

— Какой же это секрет?—председатель сел.— В Союз художников ездил. Попросил, чтобы портреты наших передовиков нарисовали...

Вячеслав Александрович первой назвал Ольгу Ивановну Иванову. Коммунист, бригадир передовой в районе полеводческой бригады, награждена орденом Октябрьской Революции. Достойна портрета. Главный агроном колхоза Петр Иванов завел такие сорта зерновых, что в любую непогоду выручают колхоз. Как такого человека не поощрить! Или вот механизаторы Валерий Терентьев, Арсений Иванов, Никита Фадеев — они фермы кормами обеспечивают бесперебойно. Пусть их портреты все увидят! Николаю Александрову любое дело поручи — не подведет. Сейчас работает оператором в цехе витаминной муки. Григорий Нарядов колхозный лес выращивает. Татьяне Никитиной доверено специализированное звено, это она с оврагами борется. Она не раз получала медаль Выставки достижений народного хозяйства в Москве. Тоже кисти художника достойна!

— Вот и попросил мастеров написать портреты,— говорил председатель.— Будет тогда у нас аллея передовиков.

Вячеслав Александрович помолчал немного, потом как бы про себя сказал:

— Боятся иные за новое браться. Привыкли к старинке. Бульдозером не стронешь... Сеют старые сорта, считают, что лучших и нет. А ведь это не так! Не так... Мы нашли перспективные сорта. Нельзя жить по инерции, земля не прощает.

Председатель раскрыл небольшой мешочек:

— Вот наша надежда. Из Чебоксарского сельхозинститута прислали.— Он отсыпал в ладонь несколько крупных желтых горошинок.— Урожай дает до пятидесяти центнеров с гектара! И не полегает. А созревает на две недели раньше районированных сортов. Конечно, поле испытает гостя. Урожай — лучшая реклама.

Александров поднял глаза:

— Горох — белок. Белок — молоко и мясо. Истина, которую теперь знают даже горожане. И все-таки приходится ее повторять, а до претворения в жизнь азбучных истин еще далеко...

— Александрыч, вы про секретный участок расскажите,— подсказал сторож.

— Калистрат имеет в виду мои опыты.— Председатель был явно смущен.— Давно с рожью работаю. Хочу морозостойкость повысить. Одолеть бы и склонность к полеганию...

— А получается?

— Поживем — увидим,— улыбнулся Александров.

Утром я побывал на планерке. Бригадиры и специалисты докладывали немногословно: за минувший день сделано столько-то, нынче люди будут заняты тем-то. Вячеслав Александрович не перебивал, но чувствовалось, что положение дел он знает. Ибо поднялся, как всегда, с восходом солнца, успел побывать на фермах, в поле, на угодьях, где была в разгаре заготовка кормов.

— Жухнет трава на неудобьях и в лесу,— торопил он,— нужно быстрее косить. Попросите пенсионеров, старшеклассников! Попросите, не откажут. Попросите и заинтересуйте.

Когда три года назад Вячеслав Александрович впервые завел речь о пользе мякины и предложил для ее хранения построить склад, то многие недоумевали: жадность, мол, председателя обуяла. Но такого за Александровым не наблюдалось. Он хлебосолен, гостеприимен. Только когда речь идет о колхозной копейке, семь раз отмеряет. Это не жадность и не скупость, это расчет. Умение, чтобы вложенные в дело деньги приносили как можно больше барыша. А уж на какое дело рубли тратить, Вячеслав Александрович знает. Поэтому-то и удивились правленцы, когда впервые услышали о мякине. О таком корме давно не слышали. Но Александров стоял на своем. До жатвы хлебов возвели склад и заготовили более трехсот тонн прекрасного корма. Зимой мякину термически обработали, и скот охотно ее поел. Вот и нынче председатель повел разговор о том же резерве: «Давайте вместе подумаем, как побольше собрать мякины...»

Колхоз «Заветы Ильича» ежегодно получает более миллиона рублей прибыли. Поэтому всегда тут есть деньги на хозяйственное и культурно-бытовое строительство. Возведены здесь детский городок, Дом культуры, первые дома для молодоженов. Вернулся человек из армии и женился — получай ключи от квартиры.

Из колхоза «Заветы Ильича» я уезжал вечером. В домах колхозников горели яркие электрические огни. К машине подошел дед Калистрат и полушепотом сказал: «Школьникам за учебу оценки ставят. Я бы нашему Александрычу круглые пятерки поставил».

Чувашская АССР.

На суд колхозников привезли свои картины художники республики.

В ПОДАРОК ВЕСЕННЕЙ СТРАДЕ

Фото М. Шарапова

Хороший подарок весенней страде сделали труженики ленинградского объединения «Кировский завод» — с главного сборочного конвейера сошел 300-тысячный «Кировец».

●

Ярким солнцем, цветами, улыбками тысяч людей, собравшихся на торжественный митинг, встретили юбиляра. Встретили, чтобы сразу же проводить в дальнюю дорогу — на поля колхоза «Путь к коммунизму» Степновского района Ставропольского края. Хозяином машины стал передовой механизатор, кавалер ордена Октябрьской Революции Г. В. Шаламыгин. Этой чести он удостоен по праву — на своем «Кировце» вырабатывает за год свыше полутора норм. И вот теперь, получив новый трактор, намечает превзойти и этот высокий рубеж. Отметим кстати, что в колхозе проходит испытание еще более мощный, надежный К-701М, серийный выпуск которого начнется в двенадцатой пятилетке.

Ну, а ключи от следующей машины, открывающей четвертую сотню тысяч, были вручены знаменитой Камшат Доненбаевой из совхоза «Харьковский» Кустанайской области. Восемь лет назад здесь же она получила трактор за номером 150 000 и отработала на нем более десяти тысяч часов без капитального ремонта.

Да, резервы у «Кировца» есть, и немалые. Не слишком заметно изменяясь внешне, он тем не менее год от года становится совершеннее прежде всего потому, что совершеннее становится само производство, более качественным, энергичным труд создателей. Если раньше один рабочий тракторостроительного производства в среднем делал за год пять машин, то сейчас, обогащенный опытом, оснащенный новейшей техникой,— более двадцати.

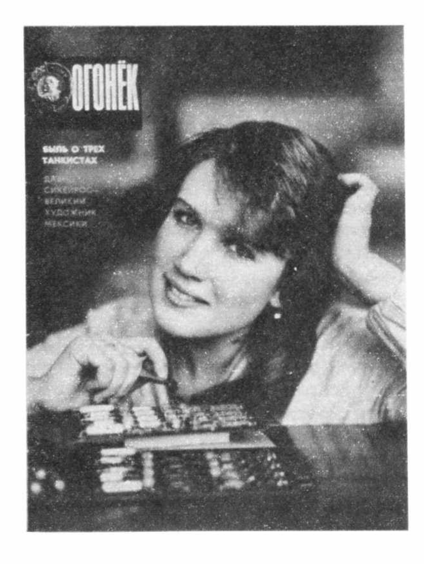
Такова динамика роста. Весома и отдача. Полностью завершив переход на выпуск машин с увеличенным с шести до восьми тысяч часов моторесурсом, здесь получили экономический эффект, превышающий тридцать пять миллионов рублей в год.

Досрочная сдача юбилейной машины стала важным рубежом в социалистическом соревновании в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, за достойную встречу XXVII съезда КПСС. В приветствии ЦК КПСС труженикам коллектива это событие отмечено как пример практического осуществления курса партии на непрерывный рост энерговооруженности сельскохозяйственного производства, конкретный вклад в реализацию Продовольственной программы.

— Приветствие ЦК КПСС мы, рабочие, воспринимаем как боевой призыв партии трудиться еще лучше, еще эффективнее,— отметил на митинге бригадир слесарей-сборщиков Герой Социалистического Труда И. В. Захаров.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

КАК И МЕЧТАЛОСЬ...

— Наташа! Ну давай пойдем на швей учиться, самые модные платья будем шить.

— Нет, Ленка, я уже выбрала десятое СГПТУ. Буду монтажницей. Мне больше техника по душе. Ты же знаешь мою страсть — приемники чинить...

С тех пор третья весна наступила. Наташа Мясковская и Лена Сазыкина заканчивают учебу в ПТУ. Одна будет швеей, другая — монтажницей. Как и мечталось.

— Недавно встретились мы с Леной и пошли в гости к своей любимой учительнице. Пили чай и наперебой расхваливали свои профессии. Тамара Илларионовна порадовалась за нас обеих,— рассказывает Наташа.

Мы познакомились с ней на Московском заводе счетно-аналитических машин имени В. Д. Калмыкова. Здесь она проходит практику. Сюда придет работать, получив диплом.

— Скорее бы лето,— торопит Наташа,— сдадим экзамены — и прощай, ПТУ. Здравствуй, завод, взрослая жизнь... Правда, и с училищем расставаться жаль. Очень много дали мне да и другим ребятам наши учителя-наставники. Знаю, непременно буду вспоминать о мастере производственного обучения Владлене Степановиче Дмитриеве.

— Очень требовательный, наверное?

— И добрейший при этом! Мы к нему все тянулись. Владлен Степанович учил нас не только работать руками, но и мыслить, разбираться в людях, не давать оценки сгоряча.

— Наташа, а кто твои наставники на рабочем месте?

— Это прежде всего бригадир Александр Васильевич Грибков. Он у нас самый старший, ему за сорок. Всем остальным — до тридцати, а я младшая, мне еще нет восемнадцати. И оттого меня опекают больше других. У Валерия Васильевича Иванникова, мы с ним рядом сидим за монтажным столом, я учусь аккуратности. Собирать вычислительные машины, выполняющие миллионы операций в секунду, очень непросто. Скажем, в жгут увязано шестьдесят проводов самых разных расцветок, а сам жгут имеет более полутора десятков ветвей. И нельзя ошибиться, куда какой проводок припаять.

— Как же ты справляешься?

— Первое время у меня никак не получалось, что-нибудь да напутаю, а все оттого, что хотелось скорее сделать. «Не торопись, будь внимательна,— поучал меня Валерий Васильевич,— а скорость сама придет». Сейчас из двадцати операций освоила на «хорошо» почти половину. Уже не в одном десятке вычислительных машин есть маленькая частица моего труда. Бывает, читаю книжки об электронике, вижу нашу продукцию по телевизору, и даже не верится, что и я принимаю участие в создании четвертого поколения умнейших машин.

— Наташа, вот ты уже почти монтажница, а что дальше?

— Очень рада, что мне нравится мое дело, рабочий коллектив, что и я пришлась ко двору. Пока год-другой поработаю. Присмотрюсь, подучусь. Потом пойду по специальности в техникум, может, в институт. Многие заводские парни и девчата успешно учатся без отрыва от производства, есть у нас бригады, где все поголовно студенты — вечерники и заочники. Главное, мне кажется,— продолжает Наташа,— я нашла свою звезду. Вхожу в проходную — и душа поет, настроение поднимается. Опять увижу уже ставшую за три года практики родной бригаду, где все умеют отлично трудиться и меня готовы научить всем тонкостям монтажного дела; где есть Александр Васильевич, с которым можно поделиться самым заветным, даже доверить тайну: без сомнения, поймет как надо. С Валерием Васильевичем можно обсудить фигурное катание, разговор о музыке непременно поддержит Олег Чуприков... И все дружны, во всем заодно.

З. КРЯКВИНА

ПРАВДА ВСЕГДА ОДНА

Юрий НОВИКОВ,
фото автора

...Подпевали все: и верующие, и неверующие, и хозяева, и гости, благо ноты лежали на каждом сиденье. Невозможно было, слушая массовое исполнение спиричуэлс в церкви при Говардском университете в Вашингтоне, наблюдая за ритмичными раскачиваниями прихожан, ощущая их музыкальность и пластичность, не поддержать бесхитростную, но искреннюю мольбу о ниспослании добра и мира людям...

Потом были вопросы к членам нашей небольшой советской делегации, в которую входили пять служителей культа, представлявших различные религиозные направления. Как удалось достичь социального равенства народов нашей страны? Как относятся к неграм в СССР? Правда ли, что в Советском Союзе все религии равны перед законом?

Члены советской делегации вместе с американскими сторонниками мира в г. Найак (штат Нью-Йорк).

Когда уже в конце поездки по Соединенным Штатам духовных лиц спрашивали о впечатлениях от США, шейх-уль-ислам Закавказья изумлялся: как мало, а точнее, ничего не знают мусульмане США о жизни их единоверцев в СССР, вообще о советских людях! То же могли бы сказать и пастор баптистов, и представители православной церкви. В «Доме Дэвиса», доме приемов вашингтонской общины квакеров, Джеймс Ленд сказал, что ложь о притеснениях верующих в Советском Союзе все еще звучит с экрана и с газетных полос. Писатель Майкл Паренти, недавно побывавший в нашей стране, автор книги «Из России без ненависти», заявил, что видел своими глазами: никакого угнетения религиозных меньшинств, о котором трубят, нет и в помине.

В Вашингтонском кафедральном соборе состоялась всеобщая месса верующих — за мир, единение всех честных людей во имя жизни, дарованной каждому один раз. Присутствовали представители всех церквей Америки: русской православной, епископальной, англиканской, римско-католической, баптистской, методистской. «Что может быть желаннее мира!» — воскликнул в середине проповеди настоятель собора, тем самым вступив в противоречие с некоторыми известными высказываниями, раздававшимися неподалеку. После службы настоятель устроил прием, на котором были традиционный обмен речами и снова вопросы, вопросы...

— Почему в обществах дружбы с СССР так мало или почти совсем нет молодежи? — в свою очередь, интересовались мы. Помимо религиозных деятелей, в состав нашей делегации входили врачи, журналисты, директор ресторана, педагог, ученый, профессор-строитель, певица. Свой вопрос мы задавали и в Вашингтоне, и в Филадельфии, и в Питтсбурге. Ответы были разные. «Потому что они не хотят рисковать работой», «Они душой с нами, но не решаются прийти», «Они более легкомысленны, эти современные молодые люди» — в этих ответах, видимо, была доля истины. Но не все так уж легкомысленны в молодой Америке. Борьба за мир, за разоружение, а нынче, в пору обострившейся обстановки, просто за взаимопонимание охватывает все новые круги молодежи. Нора Эллет и Фред Хаст в Найаке (штат Нью-Йорк), Тина Толль в Вашингтоне, Кэтрин и Боб в Филадельфии, другие юноши и девушки — новое пополнение рядов борцов за мир — понимают всю меру опасности современной ситуации. Помимо уже известного общества «Граждане США против ядерной войны», организаций «Общество примирения», «Общество Поля Робсона» и других, создаются новые.

Однако что же мешает сделать это движение поистине массовым? Отсутствие информации, считают многие наши собеседники. «Американцам, чтобы они поняли серьезность ситуации, надо предоставить больше информации о сути дела», — сказала госпожа Толль, а уж она, секретарь организации «Кампания за ядерное разоружение», знает, о чем говорит. Находясь в США, убеждаешься, что граждане этой страны знают мало не только о положении верующих в другой стране, но о многих аспектах межгосударственных отношений, о жизни, труде и чаяниях советского народа.

Мы были в Америке как раз в те дни, когда компания Эн-би-си передавала каждое утро синхронные репортажи из Москвы (в нашей столице это было время от половины четвертого до четырех дня). Комментатор Брайан Гамбл, сидя на балконе гостиницы «Россия», откуда по желанию можно выбрать фон в виде Кремля, храма Василия Блаженного или набережной Москвы-реки, беседует с различными деятелями культуры, науки нашей страны. Вот сюжет «Женщины в СССР». Предваряют его кадры телехроники, сделанные загодя. Дряхлая старуха, сгорбившись, везет по траве косилку; работницы в грязных халатах, неопрятного вида усаживаются на перекур на груде бревен; некрасивые лица, уродливые фигуры, выхваченные из толпы телеобъективом... Но вот наконец на экране деятельница из Комитета советских женщин. Не успевает она в ответ на вопрос Гамбла в течение пяти секунд перечислить права советских женщин, закрепленные Конституцией СССР, как кадр меняется — теперь уже на экране диссидентка, выливающая ушат грязи на только что сказанное интервьюируемой, потом появляется американка-«советолог», тоже, естественно, не остающаяся в долгу, а затем кадр делится на три части: в нижней продолжает говорить представитель Комитета советских женщин, над нею в студии сидят «специалистки», иронически качают головами и бросают язвительные реплики, которые сидящая на балконе в Москве, конечно, слышать не может... Легко представить, какая каша остается в голове телезрителя после этого оригинального «интервью» «из Москвы»...

Во всех городах американцы тепло встречали певицу Анну Литвиненко, выказывая свое порой основательное знакомство со старой русской культурой. Но когда речь заходила о современности, о сегодняшней жизни советских граждан, об общих заботах о мире, наступало неловкое, подчас мучительное молчание или вздохи «увы, не знаем», «не слыхали» и т. д. Но сердиться за это на рядовых американцев не приходится — настолько они искренни в своем сожалении по поводу незнания нашей жизни. Владелец ресторана в Филадельфии Говард Матл сказал: «Никогда не думал, что встречусь с русскими. Они обыкновенные, нормальные люди! Мы, американцы, привыкли считать, что все у нас самое лучшее, в этом наша ошибка... Хотел бы побывать в СССР».

Американцы, которым довелось побывать в СССР, говорили о незабываемом впечатлении от поездок, от встреч с советскими людьми. Лишь один священник-баптист посетовал, что «слишком много памятников о прошедшей войне» в СССР. Оказалось, он имел в виду надгробия вдоль дорог в центральной России. Что было сказать гражданину страны, на территорию которой не упал ни один снаряд?

«Как вы попали в Америку?», «Почему вы приехали именно сейчас?» — такие вопросы не раз приходилось слышать, а отвечали на них по очереди все члены делегации. Интересовалась нами и пресса, правда, иногда больше для вида. В Вашингтоне в корпункт АПН на встречу с советской делегацией поначалу настроилась и Эн-би-си: зал был уставлен аппаратурой, софитами. Однако за пять минут до начала по телефону журналистами было получено указание свернуть все и сматываться. Чтобы не очень явно походило на бойкот, в зале остались корреспондент Джоэль Бринкли из «Нью-Йорк таймс» и представитель херстовского газетного концерна Кен Огэст. Посидели несколько минут, пофотографировали шейха-уль-ислам, задали по вопросику и удалились. В Питтсбурге местное телевидение записывало прямо в номере гостиницы импровизированную пресс-конференцию, в которой принял участие автор этих строк. Среди прочего меня спрашивали о еженедельнике «Огонек» и других органах печати, а последний вопрос звучал так: «Сейчас Америка переживает трудное время. Усилились гонения на профсоюзы, в частности в прессе. О России раздувают слухи, один страшнее и нелепее другого. Что бы вы могли тут посоветовать американцам?»

Я вспомнил, как одна из встреч в Филадельфии в Доме дружбы с заграницей началась с извинений перед советскими гостями за демонстрацию в городских кинотеатрах стряпни под названием «Красный рассвет», где кубинцы и русские убивают американских школьников на американской земле, творят насилие и произвол во имя «советизации» Америки, вспомнил очаровательную Джейн Поли, диктора Эн-би-си, «вводившую» в эфир Брайана Гамбла... И ответ получился сам собой:

— Главное — стараться узнавать правду.

Похоже, что сейчас среди рядовых американцев наступает период нового интереса к Советскому Союзу. Как ни пытаются средства массовой информации играть в объективизм с помощью полиэкрана, правда-то все равно бывает одна, и американцы начинают это понимать, а кто понял раньше других, просвещает остальных. В Рокленд-сити на встрече нашей делегации с жителями города некая Мэри-Энн Кромбелл задавала вопросы, которые удивляли своей наивностью. Позже Мэри-Энн призналась: «Я задавала эти вопросы не для вас, а для американцев, чтобы еще раз показать, как тревожно время, в которое мы живем, как опасна пассивность...»

Нью-Йорк — Москва.

ЭПИЛОГ К ПАНИХИДЕ

В самый канун 1985 года в американской печати проскользнуло официальное сообщение министерства обороны США о том, что в Форт-Беннинге, штат Джорджия, разместилась «школа Америк». Среди миллионов читателей американской печати мало кто обратил на это внимание. Однако сообщение заслуживает особого разговора, который следует начать с другого события, происшедшего чуть ранее, и в другом государстве, в Панаме.

...«Вынос тела» не сопровождался рыданиями, не терзали душу звуки траурного марша —«покойница» удалялась на собственных ногах под грохот армейских барабанов. Опубликованный местными газетами «некролог» начинался отнюдь не традиционной фразой: «Наконец-то она покинула нас навсегда!» «Она»— это убравшаяся с территории Панамы, из Форт-Гулика, школа «Лас-Америкас».

38 лет «дрессировщики» из Пентагона и ЦРУ натаскивали в ней офицерские кадры разного калибра, присылавшиеся туда диктаторскими и иными провашингтонскими режимами Центральной и Южной Америки. За этот период наставники-янки «промыли мозги» 45 331 курсанту.

На занятиях курсантов обучали «искоренять», то есть физически уничтожать, носителей не только «коммунистической крамолы», но и любых идей об освобождении народов Латинской Америки от экономического и военно-политического засилья американского империализма. Вашингтон заботливо растил в школе Форт-Гулика свою заграничную «черную гвардию».

«Мы помогаем правительствам Южной и Центральной Америки держаться у власти» — так открыто сформулировал задачи школы один из ее преподавателей, американский майор Питтс. Руководство Пентагона уточнило суть этой «помощи»: «Военные — это действующие или наиболее вероятные вожди своих наций. Дружба с ними — бесценное сокровище для США».

В цементирование специфической «дружбы» Вашингтона и его подручных из «банановых республик» школа в Форт-Гулике внесла немалый вклад — недаром Белый дом «всадил» в нее 300 миллионов долларов. Инвестиции принесли Вашингтону определенные «дивиденды»: как сообщала печать, еще совсем недавно трудно было встретить хотя бы одного офицера в штабах южноамериканских стран, не прошедшего «повышение квалификации» по пентагоновским инструкциям в Форт-Гулике. Подавляющее большинство военных путчей в странах Южной Америки совершалось местными военными, вышколенными по наставлениям ЦРУ в этой школе.

...Более десяти лет душит народ Чили фашистская хунта Пиночета — выпускника «академии диктаторских кадров», в Парагвае стоит у власти другой ее выкормыш — Стресснер. Их однокашник по Форт-Гулику, генерал Уго Бансер, с 1971 по 1978 год правил в Боливии. В последние годы, когда все более мощные «подземные толчки» национально-патриотических сил сотрясали Центральную Америку, школа ускоренно и во все возраставших количествах выпускала офицеров-карателей для «опорных хунт» Вашингтона. Сальвадорскому правящему режиму, творящему геноцид в своей стране, начиная с 1979 года она поставила три тысячи карателей «повышенной квалификации»; репрессивному режиму в Гватемале — 1571; правителям Гондураса — почти две с половиной тысячи.

Но сегодня даже невооруженным глазом видно, что помощь вашингтонским холуям в Центральной Америке все более напоминает припарки мертвому. Не избежать им судьбы Батисты — бывшего диктатора Кубы, трон которого не сумели оградить от революционного народа девятьсот подготовленных в Форт-Гулике отъявленных головорезов.

Пять лет назад никарагуанцы выбросили со своей земли диктатора Сомосу — одного из наиболее кровавых подручных Вашингтона. А ведь для сохранения его режима «школа Америк» поставила абсолютный рекорд по числу выпускников. 4693 сомосовских палача, в том числе сын диктатора, прошли там расширенный курс «противоповстанческой войны».

Зря потратили время и деньги в Форт-Гулике на переподготовку кадров для диктаторских хунт Боливии и Уругвая. В 1982 году пришел конец почти беспрерывному восемнадцатилетнему господству боливийских военных режимов; в ноябре 1984 года вырвана власть из рук реакционной военщины Уругвая, хозяйничавшей в стране одиннадцать лет.

Похоже, что и бывший отличник этой бандитско-террористической «академии» Аугусто Пиночет втайне уже подыскивает себе убежище: нарастающие волны народного гнева ему уже трудно сдерживать «обычным» террором, и в ноябре 1984 года он объявил в Чили осадное положение, бросив против народа солдат, танки, бронетранспортеры и вертолеты. Так что «школа Америк» в Панаме все очевиднее становилась малорентабельной.

На «панихиде» в Форт-Гулике начальник школы полковник из Техаса Михаэль Сьерра смущенно умолчал о том, что первый импульс к изгнанию школы из Панамы был дан одним из ее бывших курсантов. Постигая в ней основы американского государственного терроризма, он в полной мере осознал гнусность политики Белого дома, всеми силами стремящегося удержать Южную Америку на положении «хозяйственного подворья» монополий США. Он понял, что школа служит Вашингтону в качестве одного из крупных рычагов неоколониализма. Окончив ее, этот бывший курсант Форт-Гулика — генерал из Панамы Омар Торрихос — совершил политический поворот на 180 градусов: он возглавил силы национального патриотизма.

Торрихос погиб в авиакатастрофе, к которой, по мнению многих, причастно ЦРУ. Но Панама продолжает его дело по укреплению национальной независимости. И хотя на ее земле еще торчат бетонные чудища военных баз США, ликвидация «школы Америк» — явление в жизни страны знаменательное.

Все эти события выстраиваются вместе с другими аналогичными фактами в один ряд, в цепную реакцию развала бастионов США на южноамериканском континенте.

Том ЕМЕЛЬЯНОВ

Давид Сикейрос

Василий ЧИЧКОВ

Впервые я встретился с Давидом Сикейросом почти тридцать лет назад на похоронах великого художника Мексики Диего Риверы. Тысячи мексиканцев со слезами на глазах провожали тогда своего любимого художника в последний путь.

— Коварная штука смерть,— сказал в тот день Сикейрос.— Художник только-только успевает познать жизнь, открыть для себя законы искусства. Ему бы трудиться и трудиться. Но приходит смерть, и художник уносит с собой тайны, добытые капля по капле.

После смерти Клементе Ороско и Диего Риверы из трех знаменитых мексиканских художников-монументалистов остался Сикейрос. Вокруг него и стали группироваться молодые художники.

Я не раз бывал в его мастерской. До города Куэрнавака час пути от столицы. Очаровательные пейзажи открываются вокруг: за окном горы, сосновые леса. Где-то внизу в голубоватой дымке будто нарисованные луга. Наверное, такой и должна быть дорога к дому художника.

За высокой оградой — двухэтажный дом с брезентовым козырьком от солнца, газон с коротко подстриженной травой, бассейн, в котором вода, как небо.

С гигантских полотен, расставленных вдоль стен, на тебя обрушивался каскад удивительных красок, каких-то смещенных линий, человеческих лиц, реальных и фантастических, доведенных художником до кричащих символов. Чем внимательнее вглядываюсь в огромные росписи, тем явственнее ощущение, что уже нет мира за стенами мастерской, есть только этот, он подчиняет, будоражит воображение.

Я стоял как околдованный, теряя счет времени, и не заметил, как в мастерскую вошел Сикейрос. Он обнял меня, по мексиканскому обычаю слегка похлопал по спине.

Передо мной был все тот же нестареющий Сикейрос. Высокий лоб, на который спадала седеющая прядь, чуть с горбинкой нос, резко очерченные губы и упрямый подбородок с небольшой ямочкой посредине. И глаза! Кажется, они каждую минуту открывают что-то новое во всем, что есть вокруг, даже в обычных вещах, в знакомых лицах.

Сикейрос привычным жестом извлек из кармана сигарету, прикурил и, жадно затянувшись, подошел к одной из работ, постучал согнутым пальцем: тонкая цементная плита, новинка,— в глазах художника было восхищение.

— Первый раз в жизни я разрисовываю стены гигантского здания у себя дома, в мастерской. Потом эти плиты будут перенесены в Полифорум и установлены в зале. Идея композиции — победный марш человечества, начавшийся на заре цивилизации.

Сикейрос говорил о своей работе влюбленно и страстно, как будто за его плечами не было семидесяти лет жизни. Цифра «семьдесят» очень не подходила к облику художника, к его спортивной фигуре, молодцеватой походке, энергичным жестам. «Я хорошо сохранился,—

смеясь, говорил Сикейрос,— потому что в детстве играл в бейсбол, а в годы революции скакал на коне».

Когда мы вышли из мастерской, художник подвел меня к столику, стоящему под навесом около бассейна. Я был еще в мире тех красок и образов, которые только что окружали меня. Мы присели у стола. Глаза не могли свыкнуться с зеленой лужайкой, голубой и ровной, как зеркало, с водой в бассейне. Цвета этого мира были слабее красок того, который я только что покинул.

Откуда-то появился пес Питука. Он радостно повертелся у ног художника, потом положил голову на его колени и поглядывал то на меня, то на него. Ко мне он был настроен равнодушно, в этом доме каждый день бывает так много посетителей...

— Конечно, я не мог бы один выполнить такую гигантскую работу,— говорил Сикейрос.— У меня есть бригада молодых художников, которые помогают мне и учатся. Нас воодушевляет искусство древних обитателей Мексики, но также все достижения мировой культуры. Живопись — явление сложное, в ней переплетаются эмоциональность и наука. Надо обязательно знать законы природы, химии, перспективы, движения в пространстве, понимать характеры зрителей. Ты видел мои новые краски. Они будут служить десять — пятнадцать веков.

Настенная живопись существовала в Мексике еще до нашей эры. Хорошо известны прекрасные фрески в древних индейских городах Чичен-Ица, Паленке, Ушмаль.

Однако в начале XVI века, когда на землю индейцев майя и ацтеков вступили испанские завоеватели, искусство индейцев было предано забвению. Испанским грандам нужны были художники, которые украшали бы салоны их богатых дворцов.

Вероятно, настенная живопись в Мексике никогда бы не возродилась, но в 1910 году началась буржуазно-демократическая революция, которая в 1917 году закончилась разгромом клерикально-помещичьей диктатуры. Была утверждена конституция, создавшая реальные предпосылки для развития национальной культуры.

Художники Мексики, среди них Клементе Ороско и Диего Ривера, созвали в 1918 году конгресс. Давид Сикейрос, в то время капитан революционной армии, приехал на конгресс в военной форме, при оружии. Здесь, на конгрессе, и родилось их содружество — Диего Ривера, Клементе Ороско и Давид Сикейрос. Они создали союз художников и скульпторов и так определили свое кредо: «Мы поможем нашим рабочим и крестьянам в преобразовании родины. Наша цель состоит в том, чтобы всей красноречивой, всей убеждающей силой своего искусства способствовать дальнейшему развитию мексиканской революции».

Вскоре появились произведения этих трех мастеров росписи, здесь не было нарядных господ и пышных экипажей. Художники сосредоточили свое внимание на тех, кто свершил революцию, кто стоит у станка на заводе, кто растит хлеб и воспитывает детей.

В 1923 году на стенах Национальной подготовительной школы в Мехико появилась роспись Давида Сикейроса, которую он назвал «Стихии». В центре — индейская женщина, которая всем своим образом выражает трагическую судьбу мексиканских индейцев. Фигура ее наклонена чуть вперед, будто она хочет шагнуть из далекого прошлого в наш сегодняшний день.

Критика воинственно восприняла эту работу Сикейроса. Долго звучали гневные слова в его адрес. Но эта роспись еще больше утвердила художника в его правоте. Он верил, что новое направление в искусстве найдет своих сторонников.

Так и случилось. Его популярность росла год от года, и не только в Мексике. В начале тридцатых годов Сикейрос был приглашен в Соединенные Штаты. В Нью-Йорке на стенах Музея современного искусства появляются его фрески. На коленях с опущенной головой стоит обнаженная женщина, руки и ноги которой крепко скручены толстой веревкой — «Жертва. Пролетариат». У многих в Нью-Йорке эта фреска вызвала возмущение. Не того ожидали от Сикейроса те, кто пригласил его.

Когда художник прибыл в другой американский город, Лос-Анджелес, ему предложили создать роспись в Центре искусств на определенную тему — «Тропическая Америка». Заказчики рассчитывали увидеть на стенах Центра экзотику, но Сикейрос нарисовал тюремную дверь и индейца, распятого на кресте. Разгневанные «отцы города» приказали загородить изображение, потом его уничтожили.

— Все мы тогда были молоды,— говорил Сикейрос,— и готовы драться за свои идеалы. А драться было необходимо. Я твердо убежден, что художник обязательно должен быть политическим борцом. Искусство, не обладающее силой идеологического воздействия, всегда превращается в игрушку для увеселения состоятельных дам и господ...

В жизни Сикейрос никогда не отступал от своих убеждений. Как только фашизм поднял голову в Европе, художник возглавил Национальную лигу борьбы против фашизма и войны. А когда начались бои в Испании, отправился добровольцем в революционную армию. Может показаться невероятным: художнику присваивают звание полковника, и он командует воинскими соединениями, считая, что человек, любящий свободу, должен сражаться за нее там, где ее порабощают. Лучшие картины Сикейроса относятся к временам его наиболее активной общественной и политической деятельности. Именно тогда он наполняет свои картины новым содержанием, хотя форма остается прежней, я бы сказал, гиперболической, метафоричной: чудовищное в ней переплетается с прекрасным, реальное с невероятным.

Две росписи того периода особенно поражают воображение. Одна из них — «Взрыв в городе». Взлетели на воздух дома, люди. Застыла в небе черная, страшная туча. О, как похожа она на тот атомный гриб, который человечество увидит через десять лет после появления на свет росписи! Другая называется «Эхо плача». На развалинах города видна гигантская голова плачущего в смертельном испуге ребенка. Из его открытого рта виден еще один ребенок, точь-в-точь такой же. Он тоже плачет и тоже боится войны. Кажется, что это происходит в 40-е годы в разрушенной Европе: все здесь напоминает то страшное время. Но произведение было создано художником еще в 1937 году и прозвучало как предостережение безумцам, развязывающим бойню.

Когда отгремели залпы войны, Сикейрос создал во Дворце изящных искусств гигантскую по своим масштабам фреску «Новая демократия». Центральная фигура — полуобнаженная женщина-мать, с могучими, вытянутыми вперед руками. Разорвана цепь, которой они были скованы, и теперь в одной из них факел. Он освещает людям жизнь. Фигура женщины находится в таком неодолимом стремлении вперед, что кажется, никакая сила неспособна снова заковать эти руки в цепи.

Много сил художник отдал работе в замке Чапультепек, который стоит на горе в огромном парке. Раньше это была резиденция правителей Мексики, теперь здесь музей.

Когда я подъехал к замку, солдаты у ворот скрестили передо мной оружие. Но откуда-то выскочил мальчишка и крикнул:

— Этого сеньора ждет маэстро!

Мальчишка толкнул передо мной дверь. Сикейрос с кистью в руке стоял у дальней стены и работал. Вид у него был несколько франтоватый. На нем был свитер с высоким воротником, лихо заломленная шляпа с пятнами краски на полях, плечи молодцевато развернуты, в левой руке сигарета.

Мы встали посреди зала. Передо мной была новая композиция. И опять я испытал изумление. Поразительно искусство этого художника. Для него главное — символ, и символы Сикейроса ошеломляют. Одни из них традиционны для мексиканского искусства еще с древних времен, другие найдены художником сейчас.

— В этом зале откроют музей революции,— сказал художник.— Но никаких экспонатов, только моя экспозиция. Главная тема — забастовка в Кананеа в 1906 году. Она была потоплена в крови американскими войсками, которые вторглись на нашу землю. Забастовка явилась прологом буржуазной революции 1910 года.

Я знал, что эта роспись особенно дорога Сикейросу. Со многими, кто изображен здесь, он был лично знаком в годы революции. Слева на стене среди убитых повстанцев нарисован отец жены художника, сеньор Ареналь.

Сикейрос взял меня под руку и повел вдоль стены. С каждым шагом композиция открывалась передо мной новыми гранями. Будто оживали люди, шагающие в плотном строю с красным знаменем в руках, среди которых Маркс, Кропоткин, Бакунин...

— Это история,— продолжал Сикейрос, закуривая очередную сигарету.— Сюда придут дети, и они должны знать всю правду.

Вдруг художник остановился, внимательно посмотрел на стену и, макнув кисть в краску, провел линию по стене. Мне показалась эта линия странной и даже инородной. Но кисть уже несет к стене другой цвет и рядом с первой линией оставляет другую. Обе они соединились и ожили. А художник наносит линии еще и еще, и я чувствую, как серая шероховатая цементная поверхность начинает говорить, она смеется, плачет. Сикейрос отходит на шаг, внимательно смотрит на стену, делает несколько глубоких затяжек и снова устремляется к ней с кистью в руке. На моих глазах мертвый цемент превращался в живую ткань фрески.

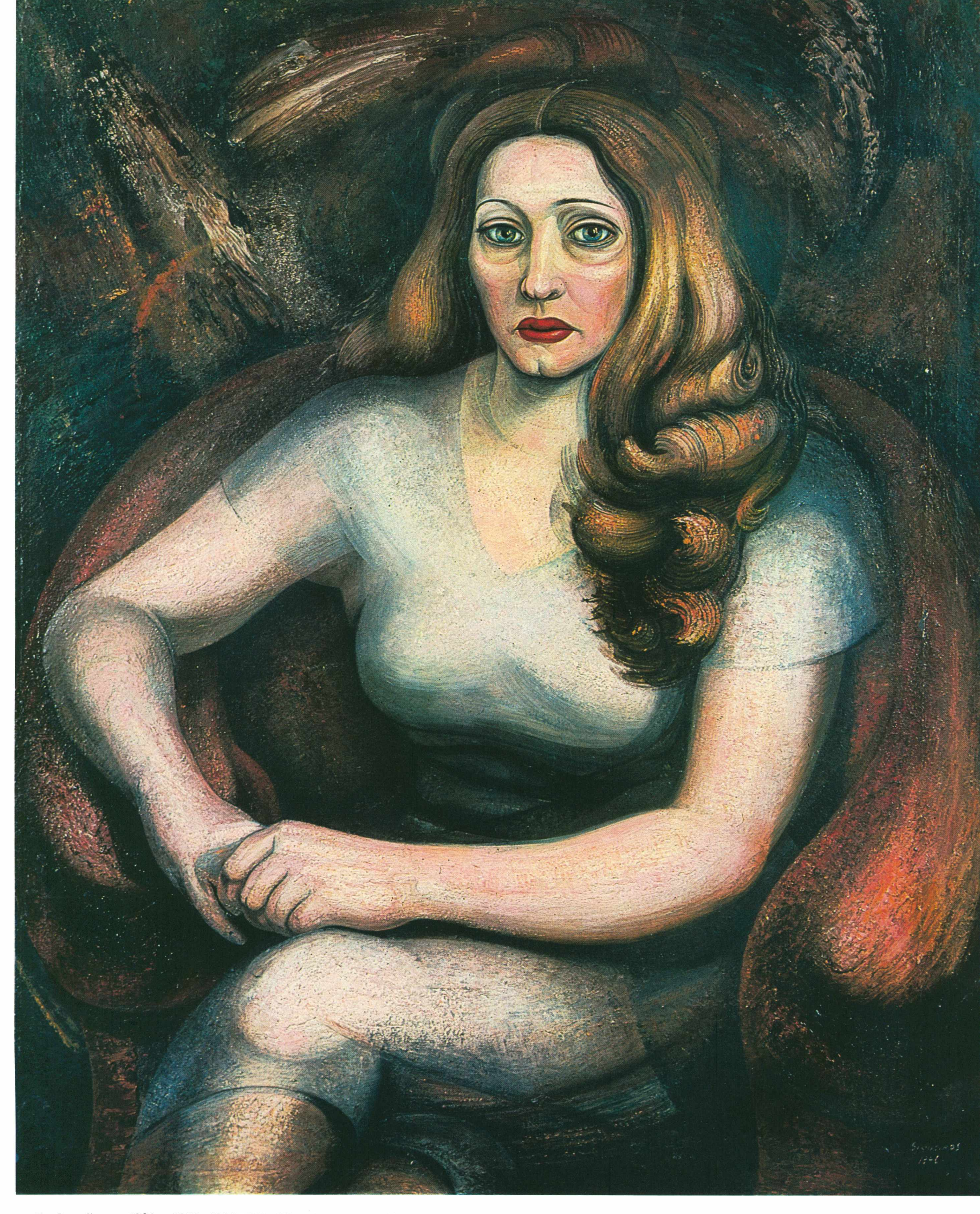
Это была моя последняя встреча с Сикейросом. Но с его работами я встречался еще много, много раз. Через несколько лет после его смерти я прилетел в Мексику и отправился в Полифорум, где воплотилось все то лучшее, что было в его творчестве. Здание в парке де ла Лама поражает своими архитектурными формами. Это двенадцатиугольник. Двенадцать девятиметровых граней здания не стоят на земле, они подняты над ней, и потому Полифорум похож на распустившийся цветок. Каждая его грань покрыта скульптурными и живописными композициями, которые перекликаются с теми, что украшают интерьер здания.

Давид Сикейрос отдал здесь дань учителям и предшественникам, Ороско и Ривере. Их огромные портреты установлены рядом с Полифорумом, неотделимы от него. Художник хотел показать, что Полифорум воплощает в себе все лучшее, что создано мексиканскими монументалистами. Удивительное чувство испытывает человек, войдя в это здание. Он встает на медленно вращающийся круг пола, и начинается его движение вдоль стен, с которых обрушивается поток поразительных красок. Первая часть этой огромной художественной галереи названа мастером «Марш человечества к буржуазно-демократической республике». Здесь много трагических эпизодов: мать с голодным ребенком на руках, пытки героя революции, безжалостное бичевание негра, демагоги, произносящие пышные речи.

Вторая часть —«Марш человечества к революционному будущему». Здесь уже нет того безысходного трагизма, который мы видели вначале. Человек обрел силу, он борется за свое право на жизнь. Оптимизм пронизывает сюжеты этих фресок, хотя и здесь есть жертвы революции, герои, замученные в тюремных застенках.

В третьей части Сикейрос показал «Победный марш человечества». Найденные им символы красноречиво говорят о новом обществе, где торжествуют равенство, братство и свобода.

Он создал Полифорум через пятьдесят лет после своей первой росписи в Национальной подготовительной школе. Это венец творчества великого художника, неповторимый памятник мексиканской монументальной живописи.

Д. Сикейрос. 1898—1974. ПОРТРЕТ СЕНЬОРЫ КАРРИЛЬО ХИЛЬ. 1946.

Д. Сикейрос. ДЕТИ

4 АПРЕЛЯ — 40 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ ОТ ФАШИЗМА

УСТРЕМЛЕННОСТЬ

Н. КРЫЛОВА,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

4 апреля исполняется 40 лет со дня освобождения Венгрии от фашизма. 194 дня вела Советская Армия тяжелые бои на венгерской земле, прежде чем фашисты были выбиты из последнего населенного пункта. «Сыны Великого Октября — советские люди освободили нашу родину от ига немецко-фашистских оккупантов. День полного освобождения Венгрии — 4 апреля 1945 года — в жизни нашего народа представляет собой историческое событие такого значения, что память о нем никогда не потускнеет, оно навеки стало прочной основой венгеро-советской дружбы»,— сказал Первый секретарь ЦК ВСРП товарищ Янош Кадар.

В тот апрельский день началась новая история Венгрии. За сорок лет страна добилась впечатляющих успехов в строительстве социализма.

Широкое обсуждение планов и проблем развития страны — в центре внимания XIII съезда ВСРП, который открылся в канун знаменательного юбилея.

Венграм есть чем гордиться. С 1961 по 1981 год национальный доход вырос в 2,7 раза, а промышленное производство — в 3,2 раза. Страна вышла на одно из первых мест в мире и на первое место среди стран СЭВ по производству сельскохозяйственной продукции на душу населения. Повсюду в республике чувствуется атмосфера борьбы за эффективность, рентабельность, экономное хозяйствование.

В НАДУДВАРЕ УМЕЮТ СЧИТАТЬ

Надудвар — это большое село посреди ровной, как стол, Хортобадьской степи. Живут в нем десять тысяч человек. В туристическом справочнике сказано о здешних местах: «Тут есть чарда, знаменитая тем, что упоминалась еще в 1699 году, пастушеский музей и уникальный девятипролетный мост, у которого ежегодно устраивается ярмарка — неповторимый хортобадьский аттракцион».

Но главная достопримечательность этого края сегодня — известный всей стране сельскохозяйственный кооператив «Красная звезда». Объект сей не уникален — в том-то его и ценность! Чем же он так прославился и что это за надудварский метод, который здесь родился?

Так началась наша беседа с председателем кооператива Иштваном Сабо. Весной сорок пятого он, батрак, получил по аграрной реформе землю, в пятьдесят первом вступил в кооператив, который объединил тогда 17 семей. Было у них четыре вола и несколько лошадей. Иштван окончил к тому времени сельскохозяйственные курсы, а уж потом получил аттестат зрелости и диплом сельскохозяйственной академии.

Мы встретились с ним в Будапеште, в Совете кооперативов, который товарищ Сабо возглавляет. Он член ЦК ВСРП, депутат Государственного собрания.

— Родился я в Надудваре, там и сейчас живу, там моя семья, мой дом. И там главное дело его жизни.

— Самое трудное было убедить людей, что, только объединив свои усилия, можно выбраться из нужды,— вспоминает председатель.— Сейчас даже трудно вообразить, какие мы были бедные. Подумать только, ни одного трактора! Чтобы заинтересовать людей, мы решили: кто как работает, так и получает. Сколько кукурузы собрал, сколько молока надоил, столько и получишь. Вот и весь надудварский метод. И дело пошло.

...Сейчас в кооперативе 3170 членов, 21 тысяча гектаров земли, из них 16 тысяч — пахотных. Есть и животноводство: коровы, свиньи, овцы, индейки, даже фазанов разводят. Урожаи здесь очень высокие: пшеницы свыше 70 центнеров, кукурузы 100 центнеров с га, сахарной свеклы 550, картофеля 400 центнеров.

Как все это стало возможным?

— Индустриальная технология, химия, выбор сортов, последнее подчеркните четыре раза,— говорит мне секретарь партийной организации кооператива Шандор Гонда, который встретил нас в Надудваре. Перво-наперво он повел нас в клуб. Гордость кооператива, недавно показывали по телевидению. Действительно, прекрасное здание современной архитектуры. Стены зрительного зала раздвигаются, в амфитеатре пол можно опустить. Библиотека, кафе, кегельбан. В фойе фотовыставка — каким было село раньше. Дома под низко надвинутыми крышами, деревянная соха, пахота на волах.

В клубе мы видели фильм о сегодняшнем дне хозяйства. Чем больше всего впечатляют эти кадры — обилием самой современной техники. Много машин зарубежных марок.

— Покупаете на валюту?

— Да. Еще в 70-х годах государство согласилось купить для нас именно те машины, которые нам требовались, чтобы получить гарантированную прибавку урожая,— отвечает товарищ Гонда.— И это оправдалось. Наша продукция идет на экспорт, и затраты быстро окупились.

Когда знакомишься с хозяйством «Красной звезды», поражает поистине заводская точность на всех этапах сельскохозяйственного производства. Ничего «на глазок», все как на самом современном заводе — касается ли это приготовления кормов, ухода за скотом, возделывания почвы, внесения удобрений. Даже дренажные трубы укладывают в землю под контролем лазера.

И еще здесь очень любят и умеют считать. При всем богатстве не пренебрегают мелочами. Например, молоко охлаждается в специальных танках. Отдаваемое тепло используется для подогрева воды, которой моют вымя коровам перед дойкой.

В прошлом году доход «Красной звезды» составил 790 миллионов форинтов. Треть этой суммы получили члены кооператива. После уплаты подоходного налога государству останется 350 миллионов на развитие.

— На что собираетесь их истратить?

— Расширим свиноферму, построим новый молочный завод, мороженое начнем делать, овцеводство тоже будем расширять, выгодное дело. Ну и машины новые покупать,— ответил товарищ Гонда.

«Красная звезда» — сильное, богатое хозяйство, известное всей стране. Но суть не в этом. Главное в том, что венгры нашли эффективный способ, как распространять, размножать опыт «маяков», подобных надудварскому. Нашли они такой золотой ключик. Называется он сельскохозяйственная производственная система. Что это такое, поясню на примере «Красной звезды».

Здесь, как я уже упоминала, научились выращивать очень высокие урожаи. А умение — это капитал, который можно вложить с пользой для обеих сторон. Именно это — свой опыт, отлаженную технологию индустриального производства сельскохозяйственной продукции — «Красная звезда» готова продать всем желающим. Продать с гарантией, что покупатель получит такие же высокие урожаи!

Сейчас 400 хозяйств входят в производственную систему, где «Красная звезда» является головным. А сама система называется сокращенно КИТЭ. Штаб-контора этого добровольного объединения — в Надудваре. Здесь я познакомилась с Иштваном Шубой, заместителем директора КИТЭ. Он прекрасно говорит по-русски. Учился в Ленинграде, на практику трижды ездил в колхоз имени Буденного на Одесщине, к знаменитому Макару Посмитному, постигал там азбуку руководства крупным коллективным хозяйством, каких тогда еще не было в Венгрии.

— Итак, что предоставляет участникам объединение КИТЭ?

— Прежде всего разработанную на строго научной основе технологию возделывания той или иной культуры.

— Как это выглядит на практике?

См. стр. 24

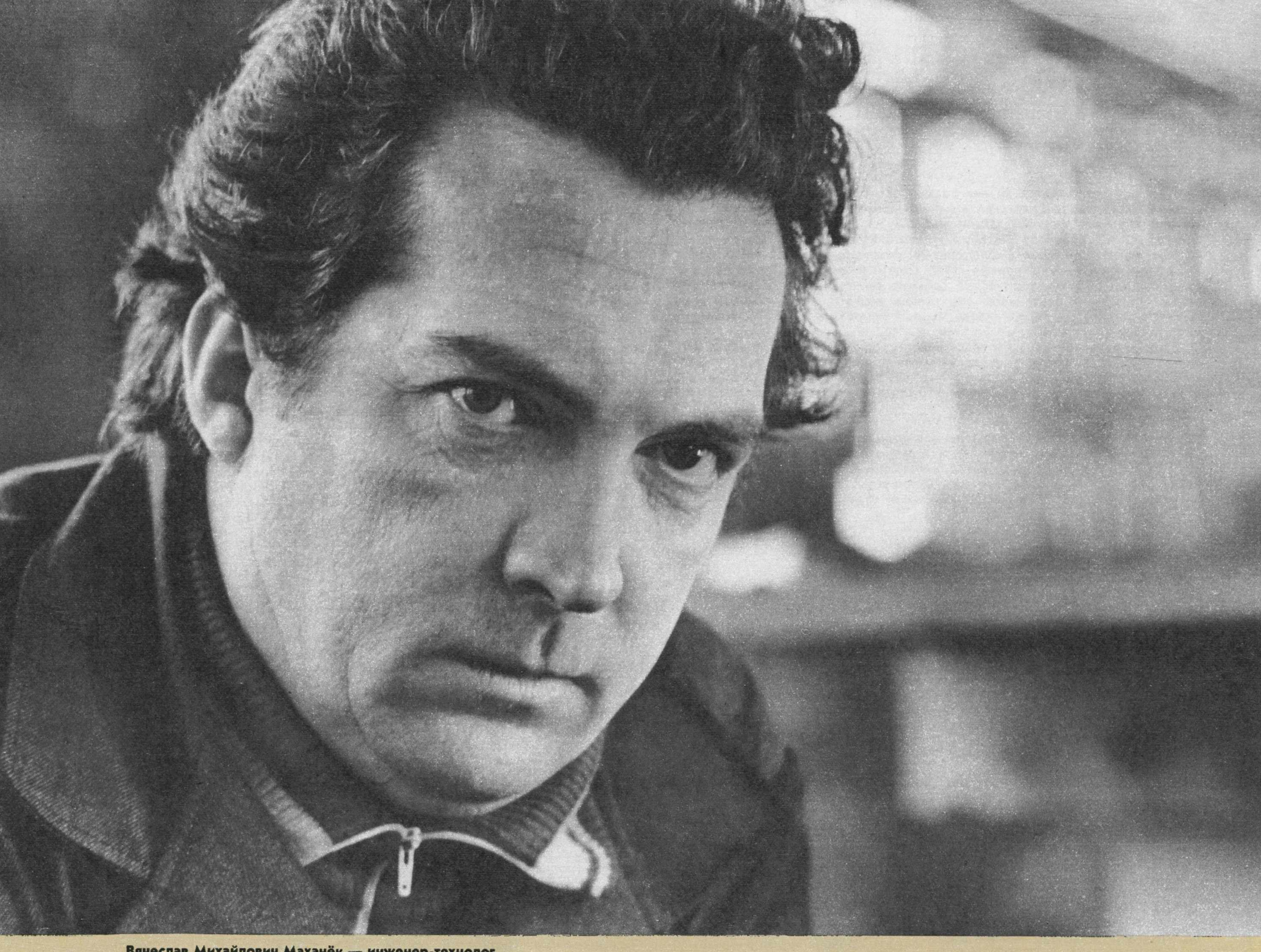

Будапешт освобожден. Фото Я. Рюмкина

НА ПЕРВОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Здание парламента в Будапеште * Специалисты сельскохозяйственного объединения КИТЭ * На улице Надудвара.

НА ВТОРОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Бригадир электромонтажников крано- и судостроительного завода Йожеф Пек.

Вячеслав Михайлович Маханёк — инженер-технолог.

Фото М. САВИНА

КАКИМ БЫТЬ

Представляю моего собеседника: Андрей Петрович Таракин, генеральный директор могилевского производственного объединения «Стромавтолиния». Должность эту занимает тринадцать лет. Прежде, получив профессию инженера, работал в Калининграде — помощник мастера и мастер цеха, начальник цеха, начальник производства, заместитель директора завода «Стройдормаш». Награжден орденами, депутат Верховного Совета БССР.

Разговор с Таракиным — о месте инженера на современном предприятии, о его заботах и возможностях; о его роли в подготовке дня завтрашнего; о факторах и обстоятельствах, ему помогающих, и помехах в работе.

Начинает беседу Андрей Петрович:

— Говорят об инженерах много. Понятно почему: бурный технический прогресс; интенсификация производства как единственный путь к ближним и дальним рубежам; общий подъем культуры, непрерывно повышающий требования к специалистам,— все это ставит инженера в ряд людей остро нужных и особо ответственных. В то же время, по моим наблюдениям, в отношении к инженеру, в оценке его положения, в условиях, ему создаваемых, далеко не все соответствует критериям, какими измеряют спрос. Конкретнее? Пожалуйста. Я имею в виду и тех, кто готовит инженеров, и тех, кто сотрудничает с ними потом на производстве. Взять планирование и подготовку инженеров современных профилей. На предприятиях все больше станков с программным управлением. Для их обслуживания нужны специалисты по электронике. А готовят их ничтожно мало. Как нам жить? Вынуждены брать инженеров-электриков и посылать их доучиваться и переучиваться на электронщиков. Волынка, лишние расходы, трата времени. Еще путь — переманивать с других предприятий, идти на сделку с совестью. Ну, а почему возник дефицит? Объясняют: отстали в планировании, в расчетах. Значит, кому-то позволена безответственность, а мы, промышленники, расплачиваемся, искупаем чужие грехи?!

Иного порядка пример. Поступает команда: надо помочь строителям, подошлите людей. «Каких?» «Скажем, двух плотников, трех каменщиков, остальных можно инженеров». Вот так! Я к чему подвожу разговор. На инженера не все смотрят как на фигуру стержневую, незаменимую. Рассуждают подчас так: раз завод продукцию отгружает, значит, процесс там налажен, выходит, без инженера можно, во всяком случае,

Подумал и отказался: «Пока здесь я нужнее». «Может, отдел создадим, возглавишь?» Подумал и ответил: «Не вижу смысла идти в отдел главного технолога. Оставаться в группе целесообразнее...» Я ценю, когда человек соотносит все с интересами дела, не рвется без оглядки к руководящему креслу.

(Чуть позже Андрей Петрович скажет о воспитании личным примером. Я же, забегая вперед, сообщу читателю, что самому Андрею Петровичу уже несколько раз предлагали солидные посты в министерстве; он просил оставить его на заводе, поскольку убежден, что здесь он полезнее и не отдал еще того, что способен отдать.)

— Иные утверждают, что завод не детский сад, тут работают, а не нянчат...

— Грешен, иногда сам такую фразу оброню. И тут же от нее отказываюсь. На самом же деле любой трудовой коллектив, если он зрелый,— и школа, и детский сад, и даже, коли хотите, ясли. Конечно, воспитание воспитанию рознь. Я понимаю воспитание как влияние на образ мышления, на поступки. Но ведь бывает и по-другому. Пришел человек в коллектив и присматривается, как тут живут, каких норм придерживаются, что ценят, за что осуждают. И видит: тут играют в государственный подход к делу, в заботу о людях, в доверие к ним! Играют... И только. И приглашают подчиненных принимать участие в такой игре. Иногда удается нажить капитал, прославиться. И не очень это трудно. А кому нужно такое «воспитание»?!

Или видит человек, что называется, невооруженным глазом, что слова одни, а поступки другие. Чему я научу подчиненных, если на совещании буду распинаться о том, как важно создавать условия для творческого роста, и в то же время отвернусь от специалиста, у которого есть надобность высказать директору наболевшее? Я против показухи в воспитании, против дешевой декларативности, против демагогии...

— Ваши принципы?

— Прежде всего обеспечить человека интересной работой, которую он обязан выполнять. С этого начинается, по-моему, процесс воспитания хорошего производственника. Дальше — требовательность. Меня иной раз упрекают в жесткости, бескомпромиссности. Я же на том стою: что положено с подчиненного требовать, требую без всяких скидок. Если убежден, что надо наказать, накажу без колебаний. И строго. Как-то лишили мы месячной премии работника за то, что тот ушел с завода на пять минут раньше положенного. Наказываем за опоздание на планерку. Начальников цехов предупреждаю: не будете строго спрашивать с рабочих, ответственность ляжет на вас. Тех, кто не хочет трудиться с полной отдачей, не признает наших требований, освобождаем от обязанности находиться в коллективе. Воспитание справедливой требовательностью никогда во вред не идет. Вот вам пример. На других заводах города не хватает станочников, «Строммашина» же в них не нуждается. Идут к нам охотно. Разумеется, мы сочетаем требовательность с заботой.

Скажу еще раз о важности обеспечить специалиста работой по душе. Отношу сюда создание

Конструкторы Евгения Барская и Владимир Бочков.

ИНЖЕНЕРУ?

какое-то время обойтись, а он кого-то на стройке выручит. Ничего, если в подшефный колхоз поедет не затем, чтоб помочь отладить техническую службу, а убирать сено или копать картошку. Сколько же можно повторять, что инженер, если, понятно, он толковый и разумно используется, каждый день готовит завтрашнее нашей индустрии: ищет, конструирует, планирует. А там, где используют его плохо, там вольно или невольно нарушают диалектику технического развития завода, объединения, отрасли. Не знаю, есть ли смысл вспоминать, во что нам в разное время это обходилось.

— Страдает же престиж инженера.

— А как же! К слову, престиж профессии инженера у нас ниже допустимого уровня. Он нередко принижается не только тем, что инженера заставляют заниматься по отношению к его квалификации делом нецелесообразным. А разве правомерно, что зарплата инженера чуть ли не вдвое ниже заработка рабочего среднего разряда?!

— Андрей Петрович, у вас-то в объединении, в частности на головном заводе «Строммашина», мне известно, инженеры не в забвении, не в обиде. Растят их, ценят.

— Я начал с критических размышлений не потому, что мы бедны хорошим. Плохо больное раньше просится. Нам вообще-то грех жаловаться. Объединение работает стабильно. Вовремя рассчитываемся с потребителями, занимаемся реконструкцией, решаем социальные проблемы. Что касается инженеров, стараемся сделать все, чтобы люди раскрывали все свои лучшие задатки, становились творцами, а не механическими исполнителями обязанностей. Известно, что если человеку интересно работается, если он видит перспективу, он охотнее, полнее отдает делу и способности, и накопленные знания, и время, смелее вторгается в неведомое, отважнее рискует, не боится отвечать за неудачи. Мы доверяем тем, кто заслуживает, выдвигаем тех, кто оправдывает доверие.

Несколько лет назад среди защищавших дипломы в Могилевском машиностроительном институте обратил на себя внимание студент Валерий Козлов. Я возглавлял там государственную экзаменационную комиссию. Сразу после защиты пригласил Валерия на завод. Он обещал подумать: ему предлагали аспирантуру. Пришел он все же к нам. Назначили его технологом. Качества молодого специалиста раскрылись быстро. Пытлив, добросовестен, не признает работы «от сих до сих». Кому, как не таким, давать дорогу! Дали. Доверили ему техбюро цеха. Справился. Теперь руководит заводской группой по освоению новых станков. Увлечен сам, увлекает коллектив. Как-то я предложил ему повышение—заместителем главного технолога завода.

условий и стимулирование поиска: загрузите конструктора «под завязку», но если он будет сидеть сиднем в конструкторском бюро, он поневоле ограничит свой кругозор. Мы посылаем конструкторов на предприятия, где пускают оборудование, в создании которого они участвовали. Там они непременно столкнутся с чем-то поучительным. Проводя аттестацию инженеров, всегда нацеливаемся открыть в людях что-то до тех пор не открытое; выбирая нагрузки, стараемся не поручать того, что не увлечет, не поможет подняться хоть на ступеньку выше.

Я приводил в пример Валерия Козлова, которого заметил еще в институте. Не подумайте, что у нас на виду самые способные. Присматриваемся ко всем инженерам — и к тем, кто приходит из института, и к тем, кто, работая на заводе, оканчивает заочное или же вечернее отделение. С помощью совета молодых специалистов, комсомольской организации, опытных наставников стараемся разглядеть в каждом хорошие задатки, сильные стороны, тяготение к той или иной области инженерной деятельности и терпеливо, прилежно пестуем. Бывает, ошибаемся, не без этого. Однако в поле зрения условия роста каждого. Приведу в пример несколько иную, чем у Валерия Козлова, судьбу. Николай Чупринский начинал у нас токарем, заочно окончил техникум, вскоре поставили его мастером. Окончил вечернее отделение института, сейчас заместитель главного технолога завода. Без пяти, как говорится, минут начальник цеха Юрий Гречихин... Так что могу еще раз подчеркнуть: у нас есть система воспитания инженеров, и мы ее бережем и развиваем.

Забота не кончается и за проходной. У нас и загородная база отдыха, и пионерские лагеря, и самодеятельность, и спортивные секции, команды.

Стараюсь воспитывать своим отношением к делу, к человеку. Учу говорить правду в глаза. Однажды пришел рабочий и говорит: «Я окончил вечернее отделение института, получил диплом, дайте инженерную должность». Отказал и обосновал почему. «Вам,— говорю,— пятьдесят лет. Вы не пришли ко мне, когда собирались поступать в институт, не просили, чтоб я подумал о вашем выдвижении и дал вам возможность расти как командиру производства. Вы заточником много зарабатывали и не захотели на какое-то время потерять в заработке. Вы для меня сегодня квалифицированный рабочий, вашей инженерной перспективы я не вижу, а без перспективы назначить на инженерную должность не в интересах завода».

— Убедили?

— Думаю, да. Проверяю себя оценками других. Когда директор созданного сравнительно недавно лифтостроительного завода попросил, чтобы наши начальники цехов взяли на практику его работников, то для меня это прозвучало высокой оценкой всего коллектива.

— И наставничество начальников цехов оказалось успешным?

— Лифтостроители удовлетворены. И наши начальники цехов сразу на голову выше себя почувствовали: с ними советуются, к их манере общения с людьми приглядываются, обыденной жизнью интересуются, потому что в конечном счете все оттуда растет... Вообще подчеркну еще раз: специалист должен каждодневно убеждаться, что его место котируется по самому высокому номиналу. Мы программируем и формируем такой подход. К сожалению, нередко возникают помехи. Таким, например, образом. Требуют сокращать управленческий аппарат. Мы подчиняемся, сокращаем. Но параллельно требуют увеличивать отчетность. Кого сажать за бумаги? Инженера. И вот он, вместо того чтобы проводить день у кульмана, мозговать над расчетами, читать новинки технической литературы, целыми днями заполняет «простыни» отчетов. Что ни инстанция — своя форма... Хоть бы унифицировали, что ли!

Я не против сокращения в каких-то звеньях. Но я за то, чтобы сокращать ради совершенствования системы. Согласитесь, превращать технолога в делопроизводителя — это не прогресс; заставлять конструктора выполнять обязанности машинистки — это не шаг вперед.

А сколько времени отнимают у технического персонала разного рода проверки, комиссии, ревизии из бесчисленных инстанций. Пусть бы полезные... Проверяло однажды Министерство финансов расход драгоценных металлов. Упрекнули в том, что не оформлены документы на расход в основном фотоматериалов, где, как известно, содержатся серебро и другие драгоценные металлы, которые применяются при изготовлении оборудования. Всего на сумму в 800 рублей. Мы тут же подсчитали, что для скрупулезного учета надо посадить по крайней мере пятерых специалистов, израсходовать 45 тысяч рублей в пятилетку на оплату их труда. Деньги большие, да и работников у нас в стране не избыток. Нам не возразили, однако подчеркнули: зато не будет нарушений инструкций.

— Андрей Петрович, давайте вернемся к проблеме подготовки инженеров. Как вы оцениваете систему вечернего и заочного обучения?

— Положительно. При том условии, что мы перестанем гнаться за формальным охватом. Диплом нужен тому, кто использует его в интересах государства. Помню, защищалась студентка, претендовавшая на звание инженера-машиностроителя. Знания обнаружила весьма скудные. Задаю вопрос: «Кем работаете?» «Табельщицей в стройтресте». «Вы пресс хоть раз видели?» «Нет». Короче, защиту отложили, предложили ей перейти на завод станочницей. Перешла. И позже защитила диплом. Хочется верить, что инженерная должность ее найдет.

Самой щедрой моей поддержкой пользуются те, кто, обнаружив у себя способности к инженерному труду, стремятся доказать это и поступают в институт ради приобретения знаний, повышения квалификации. Диплом ради диплома, диплом для статистики на общие весы можно и не класть.

Беседу вел А. ЩЕРБАКОВ.

Могилев.

среди книг

ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ

Со стороны казалось, что беседуют двое добрых друзей. Такими они и были сорок лет назад. Но крутой водораздел развел их жизни по разным руслам, одну наполнил сильным, могучим течением, другую иссушил до дна. И сегодня встретились два человека — несоединимых, не понимающих друг друга. По одну сторону стола сидел столичный журналист Александр Петров. По другую — осужденный Сергей Солодов.

Журналиста привело в колонию стремление понять, как происходит, с чего начинается распад человеческой личности.

Эпизод в колонии происходит в заключительной части романа В. Голубева «За поворотом поворот». Но в нем сконцентрирован напряженный драматизм ситуаций и диалогов, присущий всей атмосфере произведения. Повествование начинается с детства героев. Это не сюжетный, а скорее психологический прием писателя, ведь в будущей жизни детские годы сказываются порой неожиданно. Деревенское детство Сергея и Александра, несмотря на тяготы 20-х годов, вспоминалось им счастливой порой. Их дружбе не мешало, что у Петрова отец был безлошадный крестьянин, а у Солодова — крепкий хозяин, лесник, который держал еще и небольшую лавку, где приторговывал самогоном и необходимыми в деревне разностями. Родители для детей всегда мудрые, честные, сильные. Нормальные дети не способны и не должны судить их. Но, может быть, именно образ жизни родителей перерабатывается в тот фундамент характера, который вершит судьбу выросшего сына?

Журналист Петров деликатно начинает свое расследование, вызывая Солодова на исповедь. Ведь, осознавая собственную историю, человек постигает самого себя, свой характер. Ему самому да и другим тоже легче понять скрытые мотивы дальнейших поступков.

Друзья почти в одно время покинули деревню. Александр Петров уехал на стройку пятилетки. Сергей Солодов поступил в техникум, затем в вуз. Анализируя сейчас свои первые самостоятельные поступки, он сам сознает, что им двигал расчет. Порывы искреннего энтузиазма Александра были чужды ему. Тот же расчет заставляет его предать любимую девушку, когда он узнал о неожиданном аресте ее отца. Солодов даже не ждет конца следствия. Он решает на всякий случай не портить биографию и расчетливо устраивается зятем в семью видного ученого. Дальновидный карьерист?

Но крутой поворот событий сбивает логику рассуждений журналиста Петрова. Сергей Солодов с честью прошел войну, и тем страшнее выглядит последующий распад его личности. Какой губительный процесс разрушил его, привел к должностному преступлению?

«Я не верю, что вы — коммунист, ветеран войны, имеющий награды, крупный хозяйственный работник — польстились в корыстных целях на деньги»,— напрямую говорит журналист Солодову. И добавляет: «Чаще всего люди отступают от совести под влиянием своих убеждений». Вот он, главный вопрос романа В. Голубева: что же это такое — жить по совести?

Жил ли Солодов по совести? — задумывается Петров. И тут выясняется, что понятие «совесть» у каждого из них свое. Петров пришел в жизнь, чтобы действовать. Для него жить по совести — быть там, где ты нужнее Родине. Это человек, не помышляющий о легком пути в жизни. Для Солодова жить по совести — найти самооправдание любому нечестному поступку, совершенному ради собственной выгоды. Очередной жизненный ход он тщательно выверяет по своей шкале ценностей — что это даст прежде всего лично ему.

Психологическая драма в романе В. Голубева развертывается на фоне острого детективного сюжета. На заводе жалеют умного, знающего директора Солодова, все уверены, что привела его на скамью подсудимых вторая жена, Елена, непомерные рваческие аппетиты которой требовали и машину с гаражом, и особняк, и дачу. Сам же он знает то, что не видно постороннему глазу: с женой их объединяет духовное уродство, которое сам он тщательно скрывал все годы...

Заслуженное наказание — осуждение и заключение в колонии Солодов отбыл с полным сознанием своей вины перед обществом, перед собой. Именно там он впервые подумал о себе: «Недобрый и непорядочный ты человек, Солодов». Израненная сомнениями вера его в себя пробуждается: «Во мне всю жизнь два человека жили и между собой боролись,— говорит он Петрову.— Один правдивый, другой лживый. И второй всегда побеждал. А вот здесь все переменилось».

Солодов, испытавший всю горечь падения, вдруг понял, почему друг детства Александр Петров, ставший известным журналистом, разыскал его в колонии. Жить по совести — это и другим помогать.

Надежда ИЛЬИНСКАЯ

Василий Голубев. За поворотом поворот, М., «Современник», 1984, 367 стр.

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА

Директор Государственного музея изобразительных искусств И. А. Антонова, заместитель министра культуры СССР Е. В. Зайцев и И. С. Зильберштейн на открытии выставки.

Фото Д. Дебабова

С доктором искусствоведения, лауреатом Государственной премии СССР И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНОМ беседует корреспондент «Огонька» А. БАСМАНОВ.

15 марта в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, открылась выставка, которая как для знатоков художества, так и для самой широкой публики стала безусловным откровением. Выставка эта — так называемая «русская часть» (в диапазоне от Боровиковского до Сомова) собрания коллекционера Ильи Самойловича Зильберштейна.

Нет нужды говорить читателю, что Зильберштейн не только весьма известный коллекционер, но и инициатор, создатель, редактор также всемирно известных томов «Литературного наследства», выходящих уже полвека, гордости нашей филологической науки — об этом издании много писалось, пишется и будет писаться. А еще он является и искусствоведом, работами которого восхищались в свое время сами Александр Бенуа и Игорь Грабарь.

28 марта доктору искусствоведения, лауреату Государственной премии СССР И. С. Зильберштейну исполнилось восемьдесят лет.

Последние лет тридцать его жизни прошли в доме на Лесной улице, в квартире, утонувшей под книгами: они в шкафах и на шкафах, стопами на столах и столиках, на стульях и табуретах, на старом кожаном диване и даже на полу. Когда-то производила квартира на входящего неизгладимый эффект: над горами книг по стенам ввысь, до потолка сплошным ковром без зазоров «Репины и Шишкины», «Серовы и Бенуа»; теперь синие крашеные стены с прострелами от бывших гвоздей, со свисающими голыми шнурами — все «у Ирины Александровны Антоновой», как говорит Зильберштейн, в музее на Волхонке.

— Что будет с собранием дальше, Илья Самойлович?

— Если создадут наконец музей личных коллекций, отдаю!

Зильберштейн любит восклицательные знаки. Он часто ставит их в статьях, полемизируя ли с кем по поводу литературоведческих ошибок или исторических бестактностей, взывая ли к созданию Государственного музея личных коллекций. В разговорной же лексике он любит словечки вроде «выбить», «выколотить», «раздобыть», но ведь за ними — десятки тысяч страниц «Литературного наследства», состоящих из великого множества неведомых ранее материалов по истории отечественной словесности и общественной мысли.

Это — его главное дело, то, с которого Зильберштейн начал еще совсем молодым, положив в 1930 году на стол Михаилу Кольцову, возглавлявшему крупнейшее издательское объединение, проект выпуска документальных сборников по русской литературе, должных расширить, а подчас и коренным образом изменить представление о ее прошлом, о том, что было по тем или иным причинам не напечатано, запрещено цензурой, забыто, затеряно, спрятано. Одним словом, тогда он предложил то, чем занимается с рвением и по сей миг, по его же определению, вырабатывая —

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НЕДРА

Не будем повторяться, но все-таки напомним, что масштабы «Литературного наследства» поражают воображение: фолианты эпистолярных, поэтических, прозаических текстов классики, извлеченной из небытия, и статей о классике на самом высоком научном уровне — труд сотен составителей и филологов, обогативший наше представление о литературе как таковой от XVIII века до современности, тома, посвященные Пушкину, декабристам, Лермонтову, Гоголю, Достоевскому, Тургеневу, Островскому, Гете, Толстому, Чехову, символистам, Маяковскому, Блоку. Это тома, задуманные и вместе с коллегами по редакции подготовленные Зильберштейном, а сегодня — лесковский, горьковские, ахматовский, цветаевский.

Тут — поиск длиной в полстолетия, но я прошу Илью Самойловича вспомнить теперь о каком-либо одном, конкретном элементе этого поиска, чтобы, воссоздав его и помножив на тысячи подобных элементов, представить всю картину грандиозного предприятия, им задуманного и осуществленного.

— Люблю письма,— говорит Зильберштейн,— и часто цитирую по этому поводу Герцена: «Письма больше чем воспоминания: на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное». Хочу рассказать о судьбе одной связки писем Горького.

Благодаря вниманию зарубежных филологов я на протяжении многих лет получал каталоги фирм, продающих автографы выдающихся писателей, общественных деятелей, художников, музыкантов, иногда целыми коллекциями. Нередко в этих каталогах встречались сведения и о письмах Горького, одно же из них представляло исключительный интерес.

Письмо, о котором идет речь, входило в состав знаменитой коллекции Альфреда Дюпона, подробно описанной в связи с аукционом 1962 года в пяти выпусках. Адресовано это письмо было Зиновию Пешкову, человеку необычной биографии, крестному сыну Алексея Максимовича. О письме я сообщил в Архив Горького при Институте мировой литературы, и благодаря содействию иностранного отдела АН СССР автограф был приобретен на аукционе и прислан в Москву.

В начале 1966 года я приехал во Францию для поисков реликвий русской культуры, затаенно мечтая о личной встрече с Зиновием Пешковым. Однако, хотя была у меня к нему записка от Марфы Пешковой, внучки великого писателя, Зиновий Алексеевич от встреч уклонялся, боясь, видимо, тревожить свою душу воспоминаниями о родине. Но все-таки эта встреча состоялась.

Он встретил меня холодно, но каково же было мое удивление, когда, открыв том «Горький и Леонид Андреев», принесенный ему в подарок, он зарыдал, увидев фотографию, на которой рядом с Горьким был запечатлен и сам шестнадцатилетним. Потом оказалось, что он никогда не видел этой фотографии, напомнившей ему теперь о безрадостном детстве, о решающей вехе в жизни — знакомстве в нижегородской тюрьме с Горьким.

Потом они долгое время были неразлучны. С 1906-го по конец 1913 года Горький жил за границей, и Зиновий был там его секретарем. В 1914 году началась мировая война, и Пешков-младший из писательских секретарей вступает добровольцем во французскую армию. Он участвовал в кровавой битве при Аррасе, проявлял на поле боя чудеса храбрости и был тяжело ранен; ему ампутировали правую руку. Потом в парижском госпитале его навещал Луначарский, знакомый с ним еще по Капри,— Анатолий Васильевич описал свои встречи с Зиновием Пешковым в специальном очерке.

За прошедшие с той поры пятьдесят лет, к моменту наших с ним свиданий, Зиновий Алексеевич проделал фантастическую военную карьеру, достигнув высших чинов и став кавалером такого количества орденов, как никто другой во всей Франции.

Так вот. В то первое наше свидание он показал мне книгу «Детство» Горького и его фотографию, полученные в разные годы в подарок от писателя. На книге надпись: «Духовному сыну моему... Зиновию Алексееву Пешкову. М. Горький—несчастный отец. 25.VII.17». А на фотографии: «Дорогому моему Зине отец Алексей Пешков — М. Горький он же. 15.VIII.26. Соренто».

Зиновий Алексеевич был поражен, узнав, что свыше семидесяти его писем сохранилось в бумагах Горького; а на мой вопрос о судьбе ответных писем Пешков ответил, что он сохранил их всего лишь сорок. О том, как одно из утраченных им писем попало в коллекцию Дюпона, Зиновий Алексеевич не имел ни малейшего представления.

Разрешив переснять обе дарственные надписи, Пешков назначил день нашей второй встречи. На нее-то я захватил с собой уже

другой, семидесятый том «Литературного наследства» — «Горький и советские писатели. Неизданная переписка». А подарив его не без умысла, сказал, что если бы письма Алексея Максимовича поступили в Архив Горького, то в одном из наших дальнейших томов мы могли бы опубликовать их переписку.

Третья наша встреча состоялась 22 марта, и этот день я никогда не забуду: в ответ на обращение к нему Марфы Пешковой я получил от Зиновия Алексеевича завещательное письмо, в котором говорилось: «Дорогая Марфа. Отвечаю на Ваше письмо. Все письма А. М. у меня в сохранности. После моей смерти все будет передано Советскому правительству для Института. Сердечный привет Вам и маме. Пешков».

Спустя восемь месяцев Зиновий Алексеевич скончался, а еще через несколько недель через Министерство культуры СССР в Архив Горького поступили автографы сорока писем Алексея Максимовича к Зиновию Пешкову; и, чтобы понять, кем был для писателя этот человек, достаточно процитировать строку одного из них: «Ты должен знать, что какой-то кусок моего сердца сросся с тобою».

Большое количество фотографий автографов, оставшихся у нас неизвестными творческих рукописей и писем А. М. Горького, хранящихся в заграничных архивах и в частных владениях, а также их публикации, там появившиеся, присылались мне на протяжении ряда лет из разных концов мира. О том, к каким результатам привели эти поиски, расскажу вкратце.

Так, мне удалось получить фотографии 93 писем Горького к Леониду Андрееву, автографы которых принадлежат Колумбийскому университету в Нью-Йорке, а также 10 писем Горького к тому же адресату, хранившиеся в Женеве у Вадима Андреева, старшего сына писателя. Эти 103 письма и составили первооснову 72-го тома «Литературного наследства» — «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка».

По своей яркости, содержательности и большому историко-литературному значению эта переписка занимает одно из первых мест в эпистолярном наследии каждого из них. Писательница Мариэтта Шагинян так отозвалась об этом нашем издании: «В 1965 году вышла книга, очень помогающая хорошо понять Горького и любовь к нему Ленина. Это семьдесят второй том «Литературного наследства», содержащий неизданную переписку Горького с Леонидом Андреевым. Трудно найти еще пример в мировом эпистолярном наследии, где было бы больше блеска, остроумия, веселой молодой жизнерадостности и — драматического развития конфликта двух разных индивидуальностей» (**Мариэтта Шагинян.** Четыре урока у Ленина).

Из того же Колумбийского университета, где хранятся автографы 93 писем Горького к Леониду Андрееву, в недавние годы мне удалось получить фотокопии 26 писем Алексея Максимовича к Г. А. Алексинскому, а также копии еще четырех его писем к другим адресатам.

Во время своего первого пребывания в Париже я познакомился с живущим там В. С. Познером, участником французского Сопротивления. Он хранил 12 писем, адресованных Горьким его отцу, издателю С. В. Познеру. Я, естественно, просил Владимира Соломоновича отправить эти письма на Родину. И он позже это свое обещание выполнил.

В Париже я побывал и в семье известного издателя З. И. Гржебина, с которым Горький долгие годы дружил. Его письма к Гржебину давно разошлись по свету. Но в семье, кроме автографа одного письма Горького, сохранились фотоснимки и копии еще десяти писем. Все это я привез в Архив А. М. Горького.

Наконец, в Париже удалось получить фотоснимки писем Горького к А. М. Ремизову и В. П. Крымову, к прогрессивному бельгийскому литератору Францу Элленсу, девяти писем к художнику Борису Григорьеву, к историку С. С. Ольденбургу, к переводчикам П. Г. и А. Я. Ганзенам, Л. Б. Берштейну, а также ко многим другим зарубежным корреспондентам Горького. Удалось выявить и получить фотоснимки тринадцати рецензий Алексея Максимовича на рукописи, поступившие в редакции журналов, одним из редакторов которых был Горький. Наконец, надписи Горького на книгах, подаренных им друзьям и знакомым, в том числе Ф. К. Татариновой, Андрею Шайкевичу и Нине Тихоновой.

Следующее пребывание во Франции ознаменовалось рядом интереснейших находок, в числе которых было два автографа В. И. Ленина и автограф письма, отправленного ему в 1908 году А. М. Горьким. Дело в том, что за период времени с 1907 по 1916 год до нас дошло 47 писем Владимира Ильича, адресованных Горькому, а ответных писем того же времени известно всего лишь три. Отысканное мною четвертое письмо Горького тем более интересно, так как на него имеется обстоятельный ответ Ленина. Оба автографа Владимира Ильича и этот автограф Горького поступили в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а сообщение об этой находке дано в статье В. Молчанова «Письмо с Капри» («Правда», 1976, № 128, 7 мая).

В недавние годы я получил фотографии еще 60 неизданных писем А. М. Горького, автографы которых хранятся в Колумбийском и в Стенфордском университетах. Впервые эти письма будут обнародованы в одном из томов «Литературного наследства».

В различные годы путем переписки со многими моими зарубежными корреспондентами я получал оттиски напечатанных за границей писем Горького к различным литераторам. Это прежде всего его 32 письма к Владиславу Ходасевичу, в дальнейшем я установил местонахождение у нас фотографий тех же писем. Мне были присланы и публикации писем Алексея Максимовича к литераторам Льву Лунцу, Гайто Газданову, Екатерине Кусковой, Алексею Ремизову, а также к композитору и пианисту Исаю Добровейну.

Всего же удалось вернуть на Родину около трехсот подлинников, фотографий и копий писем Горького...

Сейчас, перебирая в памяти тома «Литературного наследства», отчетливо сознаешь, что, наверное, треть их построена на так называемых заграничных материалах. Хочется, например, привести замечательный документ, подаренный Зильберштейну в Париже,— письмо Марины Ивановны Цветаевой, полное трагизма и горечи в связи с ее пребыванием на чужбине.

«Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
31-го янв(аря) 1933 г.

...Обращаюсь к Вам с большой просьбой,— не поможете ли Вы мне получить деньги с Писательского вечера? Руднев передал мое прошение когда и куда следует,— недели три назад — но это было уже давно, и никакой присылки не последовало.

Дела мои ужасны, все притоки прекратились, перевожу, но больше даром, и часто — зря, т. е. на авось. Есть еще переводы анонимные, вернее перевожу — я, а подписывает другой. Получила за 60 стр. (машинных) художественного перевода — 150 фр. Словом, бьюсь и, временами, почти разбиваюсь.

Алины заработки (figurines) тоже прекратились, зарабатывает изредка фр. по 30, по 50 маленькими статьями (франц.) в кинематографических журналах, пишет отлично, но тоже нет связей. Рисование идет отлично (гравюра, литография, иллюстрация), даже блистательно, но кроме похвал — ничего.

Таковы наши безысходные дела. Группа уцелевших друзей собирает 250 фр. в месяц, но нас четыре человека — и сколько, этими деньгами, попреков!

Очень, очень прошу Вас, расскажите хотя бы часть из этого писателям, т. е. тем, кто ведает раздачей.

Сердечный привет, Люду и Наташу целую. Скажите Вере, что Муру завтра, 1-го, восемь лет.

М. Ц.»

Письмо это, уверен Зильберштейн, безусловно, украсит сотый том «Литературного наследства», который он мечтает создать, посвятив его Цветаевой. Вообще, считает Илья Самойлович, неиссякаема эта золотоносная жила, именуемая —

РУССКИЕ ПАРИЖАНЕ

— Что запомнилось вам еще в ваших одиссеях?

— Сильно запомнился книжный аукцион века в Монте-Карло. До сих пор стоит перед глазами нервное и бледное лицо Лифаря, знаменитого в прошлом танцовщика, а потом балетмейстера, владетеля бесценной дягилевской библиотеки. Дягилев — организатор «Мира искусства», зачинатель потрясших Европу «Русских сезонов» — был блистательный человек. Николай Рерих говорил, что «он совершал большое русское дело». Очень показательно, что Дягилева в последние годы потянуло к библиофильству, словно он почуял, что нужно спасать и окружить особою бережностью.

За последние годы жизни Дягилев собрал потрясающую библиотеку. Достаточно сказать, что ни в одном из крупнейших книгохранилищ мира, включая библиотеку имени В. И. Ленина, не было знаменитой «Азбуки» первопечатника Ивана Федорова, а у Дягилева была. Были старопечатные книги, было два экземпляра первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева — и так две тысячи книжных редкостей. Но главное — подлинники пушкинских писем. Наследником всего этого и стал Сергей Михайлович Лифарь, человек, который как ни один из русских парижан одарил свою Родину таким количеством реликвий отечественной культуры. Это именно он прислал в Пушкинский Дом автограф предисловия Пушкина к не осуществленному тогда отдельному изданию «Путешествия в Арзрум» — девять страниц, исписанные пушкинской рукой.

В августе 1975 года я получил от него письмо, которое заканчивалось: «С грустью извещаю, что мою Дягилевскую библиотеку (с XVI до XIX века) — 2000 томов я вынужден «разбазарить» с торгов. На ее содержание не имею средств!» О предстоящем аукционе я сообщил академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР академику М. Б. Храпченко. Этим важным делом заинтересовалось Министерство культуры СССР, срочно командировавшее меня в Монако и Париж; когда же я показал каталог будущего аукциона директору библиотеки имени В. И. Ленина профессору Н. М. Сикорскому, выяснилось, что даже в этой самой богатой русскими изданиями в мире библиотеке нет шестнадцати названий из тех, что описаны в каталоге. Сикорский просил сделать все возможное, чтобы приобрести и отправить на Родину эти книги.

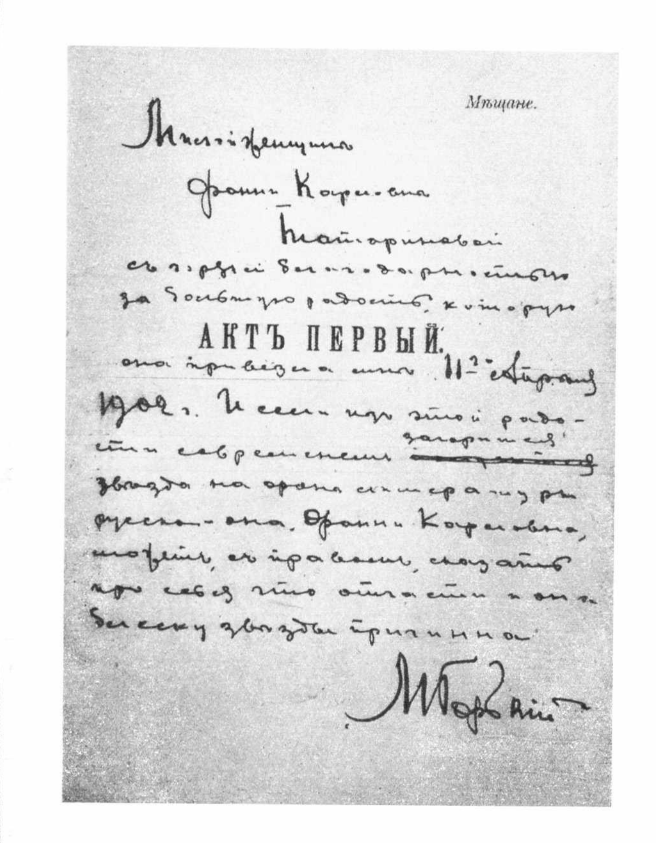
И все же из-за неладов с авиарасписанием я опоздал на аукцион на день, и шесть книг из шестнадцати, отсутствующих в наших фондах, к сожалению, были уже проданы. В последующие дни удалось приобрести семь названий нужных книг: «Триодь» (Венеция, 1561 г.), «Требник» (Киев, 1703 г.), «Октиох» (Львов, 1715 г.), «Искусство явиться в свет с успехом» (СПб. 1774 г.), «Новейший полный письмовник, или Всеобщий секретарь» (СПб, 1807 г.), А. К. Толстой «Князь Серебряный» (М., 1862 г., с дарственной надписью автора), А. К. Толстой «Князь Серебряный» (СПб, 1863 г., с дарственной надписью автора).

А еще два нужных нам издания Сергей Михайлович Лифарь снял с аукциона и передал в дар — знаменитые двенадцать томов «Минеи», изданных в 1666 и 1724 годах; другое же издание — может быть, единственный в мире экземпляр книги «Петербургские трущобы из трущоб», напечатанной в 1870 году.

От себя добавим, что подобные одиссеи Зильберштейна беспрецедентны в своем роде. Около двадцати лет назад он отыскал во Франции и привез в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР 12(!) тысяч первостепенных документов. Значение этого дела было понято, его поддержала общественность, лучшие люди нашей науки и культуры. Вот строки из письма П. Капицы, С. Коненкова, Л. Леонова, Г. Улановой, Д. Шостаковича и И. Эренбурга, опубликованного в печати: «Немало нынешних владельцев ценнейших рукописных материалов и архивов уехало за рубеж, в частности во Францию, еще детьми. Многие эмигранты, которые сознательно покинули Россию в 1917 году, не приняв Великой Октябрьской социалистической революции, на протяжении последующих десятилетий изменили свое отношение к нашей стране. В большинстве — это люди, с любовью относящиеся к русской культуре, и не сомневаемся, что многие из них будут рады отправить на Родину хранящиеся в их архивах реликвии...»

Теперь привезенные Зильберштейном из нескольких поездок документы и произведения русской живописи хранятся не только в ЦГАЛИ, но и в Центральном партийном архиве, в Музее Л. Н. Толстого, в Третьяковской галерее, в Музее изобразительных искусств, в музее Репина «Пенаты», в Театральном музее имени А. А. Бахрушина, в Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки, в Государственном музее А. С. Пушкина, в музее «Домик М. Ю. Лермонтова» в Пятигорске, в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Это и есть те самые «Парижские находки», которым «Огонек» чуть ли не двадцать уже лет предоставляет свои страницы.

— Илья Самойлович, но ведь с этими вашими находками в определенном смысле у вас частично связана докторская диссертация, да и вообще добрая половина всех искусствоведческих работ, серию которых можно было бы назвать —

Мѣщане.

Милой женщинѣ Фанни Карловнѣ Татариновой съ горячей благодарностью за большую радость, которую

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

она привезла мнѣ 11-го Апрѣля 1902 г. И если изъ этой радости со временемъ загорится звѣзда на фонѣ литературы русской — она, Фанни Карловна, можетъ, съ правомъ, сказать про себя что отчасти и она блеску звѣзды причина

М. Горькій

Дарственная надпись А. М. Горького на книге «Мещане», вышедшей в Петербурге 12 марта 1902 года:

«Милой женщине Фанни Карловне Татариновой с горячей благодарностью за большую радость, которую она привезла мне 11-го Апреля 1902 г. И если из этой радости со временем [получится] загорится звезда на фоне литературы русской, она, Фанни Карловна, может, с правом, сказать, про себя, что отчасти и она блеску звезды причина

М. Горький»

Воспроизводится впервые. Приобретено в Париже у антиквара Клода Герена.

ОТ БЕСТУЖЕВА ДО БАКСТА

— Это так. Отыскав в 1945 году считавшуюся утраченной портретную галерею декабристов и декабристок, созданную Бестужевым на каторге, состоявшую из 76 акварелей и принадлежавшую ему самому, я впервые рассказал о своей находке в конце 1950 года в «Огоньке» в связи со 125-летием со дня декабристского восстания. Но важнее то, что мои поиски других художнических работ Бестужева увенчались успехом. И в 1956 году в виде второй книги 60-го тома «Литературного наследства» появилось первое издание моего исследования.

Я счастлив, что вышедшее в 1977 году второе, дополненное издание этой работы, для которого провел поиски акварелей Бестужева, начиная от Кяхты и кончая Парижем, отмечено несколько лет назад высокой наградой — Государственной премией СССР.

Вообще мне очень повезло: я встречал в жизни замечательных людей, которые способствовали осуществлению моих исследовательских работ по русскому изобразительному искусству. Это и замечательный искусствовед А. А. Сидоров, и культурнейший исследователь В. Н. Лазарев, но прежде всего это Игорь Эммануилович Грабарь. Я познакомился с ним в Ленинграде, на заре «туманной юности», и с тех пор вплоть до своей смерти он опекал меня. В 1947 году я предложил Грабарю по типу «Литературного наследства» создавать в его Институте истории искусств тома «Художественного наследства» и первые два тома посвятить Репину. Он принял это безоговорочно.

А в 1948 и 1949 годах этот двухтомник под редакцией Грабаря и моей уже увидел свет. Там было напечатано около десятка фундаментальных исследовательских работ общим объемом свыше двадцати авторских листов. В издании впервые обнародовано свыше ста пятидесяти неведомых ранее произведений Репина. Эти два тома и явились началом дальнейших томов, которые мне удалось подготовить.

— Какие тома последовали за репинскими?

— Это великолепный по материалу том воспоминаний Валентины Семеновны Серовой «Как рос мой сын» — о сыне, выдающемся художнике. А затем мы вместе с В. А. Самковым сделали двухтомник, где собрали также воспоминания множества людей, знавших Серова: сто четыре мемуарных, дневниковых, эпистолярных текста друзей, знакомых, моделей и учеников живописца, причем подавляющая часть этого наследия была нами впервые отыскана. Кроме того, специально для этого издания были написаны мемуары Ф. Ф. Юсуповым и А. Н. Бенуа.

Книгами, которыми смею гордиться, являются еще наши тома «Константин Коровин вспоминает» и «Александр Бенуа размышляет» (совместно с А. Н. Савиновым) — в каждой из них те или иные неожиданности, связанные с этими замечательными именами.

— Да, я вспоминаю, что книгу Коровина многие восприняли как откровение. Художники, литераторы спрашивали друг друга: Коровина читали? И вправду, это великолепная проза, он открылся еще и как настоящий писатель. Недавно точно таким же событием в культурной жизни стал выход подготовленного вами же двухтомника, посвященного С. П. Дягилеву,— книга, написанная им и о нем, первая у нас книга об этом блистательном и разностороннем человеке. А что, Илья Самойлович, теперь в работе?

— Передо мной верстка переписки опять же Валентина Серова, которая выйдет вскоре в двух томах, и одновременно собираю материалы для издания, связанного с именем одного из самых моих любимых художников — Льва Бакста.

— Действительно, это поистине виртуозный живописец и декоратор, и жаль, что он редок в экспозициях Русского музея и Третьяковской галереи. Но зато на вашей выставке Бакст представлен чрезвычайно веско. Вообще, рассматривая выставку, поражаешься ее тематической широте. И это только «русская» часть, а ведь известно, что в вашем собрании имеется множество образцов западноевропейского изобразительного искусства. Невольно думаешь и о том, как складывалась и, главное, как сложится в дальнейшем то трепетное, важнейшее для всякого собирателя, меняющееся во времени, растущее или, наоборот, безвозвратно утрачивающееся, то, что мы называем —

ЖИЗНЬ КОЛЛЕКЦИИ

— О том, как складывалась и из чего состоит моя коллекция, я уже рассказывал недавно на страницах «Литературной газеты». Теперь хочу вспомнить несколько имен, несколько прекрасных людей, с кем свело меня собирательство, на которое уходили буквально все мои средства.

Случилось так, что с юных лет я был одержим любовью к русской литературе и русскому изобразительному искусству, уже с той поры ставшими для меня бескрайним океаном прекрасного: с семнадцати лет я стал собирателем.

Помню двадцатые годы, родную Одессу, помню букиниста Б. М. Ходорова, одарившего меня комплектами «Старых годов» и «Аполлона», где я впервые прочитал статьи Александра Бенуа и Сергея Эрнста; они так захватили меня, что я решил точно — стану взрослым и соберу работы (хоть по одной) всех восхитительных «мирискусников». Потом помню дом крупнейшего пушкиниста Павла Елисеевича Щеголева в Ленинграде, где я бывал и где познакомился с «живым» Яремичем, помню и ленинградскую квартиру Анны Андреевны Сомовой-Михайловой, сестры знаменитого художника Константина Сомова, именно ей я обязан, что в моей коллекции появились первоклассные сомовские листы, а также акварели Фрагонара и Гюбера Робера.

Часто радовал мою коллекционерскую душу один из наиболее просвещенных букинистов, А. С. Молчанов, которому обязан тем, что имею в своем собрании графику Валериани, Тома де Томона, Кваренги, Гонзаго, Патерсена, так полюбивших свою вторую родину — Северную Пальмиру. А от замечательного знатока старины И. С. Наумова «пришли» ко мне акварели француза де ла Траверса, жившего в восемнадцатом веке в России и срисовывавшего виды архитектурных ансамблей. В каком восторге был от этих акварелей академик Грабарь и как он обрадовался, когда увидел среди них много лет разыскиваемый им общий вид построенной Кокориновым подмосковной усадьбы Разумовского в Петровском.

Никогда не забуду искусствоведа и библиографа П. Д. Эттингера, столь помогавшего мне, не забуду прекрасного собирателя и лермонтоведа, энциклопедиста Н. П. Пахомова, а также превосходного искусствоведа Н. В. Власова. В моем коллекционировании меня обогащали духовно не только сами произведения живописи, но и высокой культуры люди, общение с ними.

И вот на чем хочу остановиться. Ни один истинный коллекционер не может быть безразличен к дальнейшей «жизни» своего собрания. Между тем подавляющая часть личных коллекций, к тому же нередко первоклассных, существовавших в Москве и Ленинграде, подверглась в наше время бездушному распылению, превращаясь для наследников и родственников лишь в ценность материальную. Поэтому единственный правильный вывод, который может сделать коллекционер: позаботиться самому о том, что он в течение десятилетий с такой любовью отыскивал. Тут почти неизбежно лишь одно решение: коллекция должна стать собственностью Родины. Вот и я пытаюсь теперь добиться учреждения Государственного музея личных коллекций, куда отдам свою коллекцию первым. И дело это для меня не менее важное, чем новые тома «Литературного наследства» и «Художественного наследства»...

Я сижу в рабочей комнате Зильберштейна, заваленной книгами, смотрю на этого человека, замышляющего такое количество планов, словно ему двадцать лет, у меня перед глазами еще цветной радугой беспрецедентная по числу собранных и сохраненных им шедевров выставка в Пушкинском музее, я воображаю его в молодости, разговаривающего о чем-то с Бонч-Бруевичем и спорящим с Михаилом Кольцовым, я вижу его в последней убогой парижской квартире Феликса Юсупова, убеждающего князя вернуть в Россию какие-то важные документы, вижу распечатывающим очередной конверт от Александра Бенуа, держащим в руках очередной, свежий том выпущенного издания, я вспоминаю десятилетней давности письмо к нему Юрия Александровича Завадского, сказавшего об этом удивительном человеке так: «Я преисполнен к Вам, поверьте,— бесконечного уважения, более — преклонения. Вам дарованы судьбой талант редкостный, ум всеохватный, работоспособность беспредельная. Вами живет наша великая культура в ее истинно непреходящем значении.

Много Вам лет жизни, неутомимости, столь Вам свойственной, здоровья,— пусть не покидает Вас великая вера, и мы вместе с Вами, благодаря Вам все будем с глубочайшей признательностью открывать все новые страницы познания.

Я одних с Вами взглядов. Народу нашему надо нести только самую глубокую, тонкую,— умную, высокую культуру...»

Я думаю: он занимался всю жизнь только тем, к чему лежала душа; думаю: он сделал очень много. Счастливая судьба.

Берлин. Знамя Победы.

ИЗ ФРОНТОВОЙ ФОТОЛЕТОПИСИ

Фото О. КНОРРИНГА

Олега Кнорринга часто вспоминают все, кто знал его, особенно товарищи по фронтовым дорогам. Он начал свою фотолетопись Великой Отечественной как корреспондент газеты «Красная звезда» в первый день войны и закончил в Берлине, сделав снимок на крыше рейхстага.

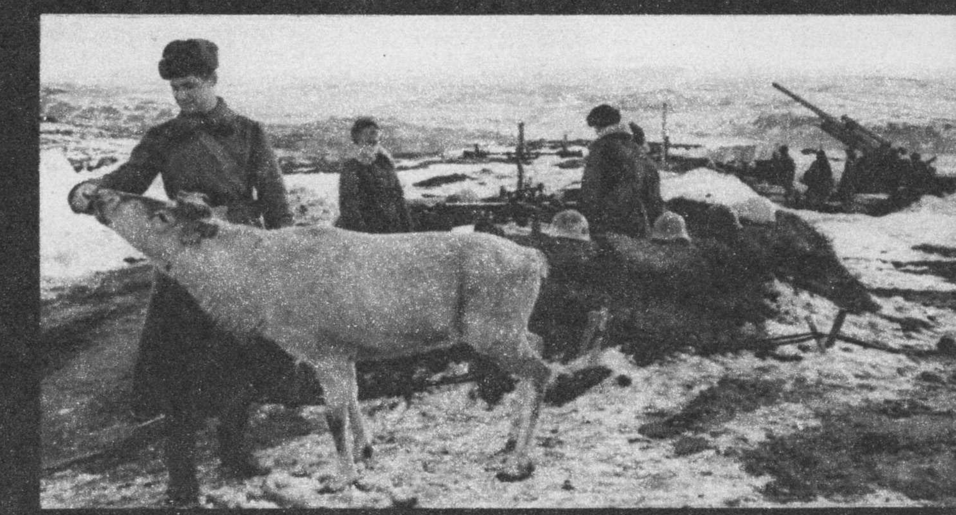
Кнорринг был добродушным, открытым, по-детски непосредственным человеком, и эти черты характера проявлялись в профессиональной работе — будь то на фронте или в командировках от «Огонька», где он работал долгие годы.

Страдая болезнью сердца, О. Кнорринг не давал себе поблажки. После его преждевременной смерти остался огромный фотоархив. Сегодня мы публикуем несколько его снимков, прежде никогда не появлявшихся в печати.

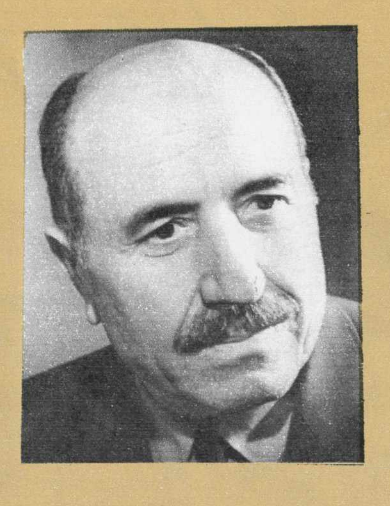
Жители Орла встречают освободителей.

Ратный труд.

Встречи на дорогах войны.

Олень на батарее.

В освобожденном селе.

Кайсын КУЛИЕВ

Любовь навсегда остается

* * *

Я мог бы из освенцимской трубы
Всклубиться тоже дымом над землею,
Пасть пеплом страшной той порой былою...
О, тишь Чегема — щедрый дар судьбы!

А чем я лучше превращенных в дым
Тех жизней молодых?.. Порой, слабея,
В мой тяжкий миг: «Крепись! — твержу
себе я,—
Ты жив, а мог сгореть бы молодым...»

* * *

Я видел Веймар... Черепичных горок
Уютное скопление кругом...
С какой любовью я смотрел на город —
Старинный Шиллера и Гёте дом.

Но черное извечно с белым рядом,
Как искони твердят про рай и ад.
И в душу мне дохнул кромешным адом
Раскинувшийся близко Бухенвальд.

Глядел я, и глаза мои болели,
И плакала душа у тех печей,
Где превращалась в пепел жизнь... Ужели
Все это в жизни видел я своей?!

Как ввергнуть мог людей в такие муки
Двадцатый век?!. На дьявольском пиру
Как здесь могли любимые мной буки
И зеленеть, и тень бросать в жару?!

Уже стучит в мои ворота тоже
Непоправимая беда моя.
Но вспомню буки те — мороз по коже...
И вновь над пеплом павших плачу я...

* * *

Те, штыковые, помню я бои...
И если думаете вы, врачи,
Что смерть близка — я снова в штыковую
Пойду в последний раз, последний раз!
Мы потягаемся еще, мы в схватку
Ворвемся, хоть и знаем — враг сильнее.
Но с той же яростью мы будем биться,
Как сорок лет назад, в тех рукопашных,
Неравных тех ночных боях с безглазой.
Мы с ней знакомы... Малодушье прочь!
В последний раз? Ну, что ж! Но — в бой
со смертью!

СВЕТИ, ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ!

Стало много прощающих Каина
И о «братстве» толкующих так,
Что любая на свете окраина
Может ввергнуться в каинов мрак.

Каин что? Дилетант неприкаянный,
Хоть и первый из братоубийц.
Вот живут современные каины,
И их каинству нету границ.

Смерти мрак... Но земле в пустоте его
Не погаснуть вовек — не дадим...
Так свети ж нам, душа Прометеева,
Озаряй же нас светом своим!

Посвящай в беспримерное таинство
Так светить нам самим, чтоб никак
Не свершилось всемирное каинство,—
Помогай нам рассеивать мрак!

Места нет на планете для Каина.
Мы хотим, чтобы это постиг
Мир, где точек горячих окалина
Может вызвать пожар что ни миг.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Жизнь прекрасна моя, если в нашей судьбе
Есть тоска по тебе среди ночи и дня.
По далеким путям возвращаться к тебе
Каждый раз было радостью для меня.

Повторяет кукушка вечность подряд
Свое звонкое имя опять и опять.
Мы не вечны. Но и уходя в свой закат,
Не устану я имя твое повторять.

Миг разлуки — как жизни огромный пробел.
Но и в нем — жил, тобою себя осеня.
Что остался живым и вернулся к тебе —
Есть ли благостней благо теперь для меня?!

Смолкли ветры, что выли, листву теребя.
В нашем дворике с летом — любовь
да совет...
Если ночи и дни мои возле тебя —
Значит, снова к душе возвращается свет!

* * *

Упорно к труду приучает себя человек,
К терпеливости сердце, к прозорливости
душу.
И ко многим другим приучает себя он
вещам,
Где в основе — любимое дело,
порядочность, честь.
Если б смог научиться еще
ничего не бояться,
Особенно смерти!
Если б смог научиться он этому,
Как замечательно было бы, как хорошо!..

Под больничным окном
Как спокойно чинара стоит
в ожидании ночи!..

СЛОВА

Люблю я слово «луг».
И потому
Слово «кладбище» я не терплю.
Не терплю, хоть знаю — края нет,
Где без кладбищ жили б на земле.
Слово «радость» я люблю.
И потому
Слово «горе» не приемлю я,
Хоть и ведаю, что на земле
Горе рядом с радостью — как тень.
Слово «роза» я люблю.
И потому
Горько пахнет слово «пепел» мне.
Слово «жизнь» люблю.
И потому
Слово «смерть» так ненавижу я:
Это слово черного черней,
Горше горечи любой земной...

Осените ж в мой тяжелый час
Мою душу, вещие слова:
«Свет, весна, деревья, радость, жизнь!..»

ЛЮБОВЬ ОСТАЕТСЯ

Любовь растоптать никакая на свете война
Во все времена не сумела. Живет и смеется
В лицо всем смертям, пуль сильней
и снарядов, она.
Уходит война. А Любовь—навсегда остается.

Ах, эта попытка расправиться с нею стара.
Не может высокое небо Любви расколоться
И меркнет, и гаснет под ним, словно темень
с утра —
Уходит война. А Любовь—навсегда остается.

Любовь — словно крепость, какую вовек
не дано
Ни взять, ни разрушить войне:
никому не сдается.
Так было всегда. Как корабль проигравший
на дно,
Уходит война. А Любовь—навсегда остается.

Любовь и в кровавых одеждах всегда
на коне,
Хоть радости конь задыхается, еле плетется,
Веками влюбленных сжигая на страшном
огне,
Уходит война.
А Любовь — навсегда остается.

Играйте ж бесстрашно
на все молодые лады,
Свирели весны,
что Любовью от века зовется.
Какие б ни дули свирепые ветры беды —
Все беды уходят. Любовь —
навсегда остается.

Перевел с балкарского
Даниил ДОЛИНСКИЙ.

ТЕ САМЫЕ ТАНКИСТЫ...

Зоя ЗОЛОТОВА,
Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Мы спрашивали их:
— Это про ваш экипаж сложена известная песня «Три танкиста, три веселых друга», которая впервые прозвучала в кинофильме «Трактористы»?
И каждый из них отвечал:
— Почему только про наш? Про всех танкистов, которые участвовали в разгроме самураев у озера Хасан...
Обратимся и мы к событиям уже почти полувековой давности.

Снимки 1935—1938 годов, во время прохождения службы на Дальнем Востоке.

Итак, знакомьтесь.

Василий Михайлович Агарков: «Я коренной оренбуржец, тут родился, тут учился, тут работать стал».

Николай Сергеевич Житенев: «Я из Урюпинска, автотракторную школу кончал в Сталинграде».

Сергей Михайлович Румянцев: «Я из деревни Бортники, в Калининской области, а начал работать в ЦАГИ, в Москве».

Год 1938-й. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ

Не случайное стечение обстоятельств, а воинский долг привел на Дальний Восток сначала Василия Агаркова и Николая Житенева, а годом позже по той же святой обязанности приехал в Уссурийск и Сергей Румянцев.

Познакомился он с Агарковым и Житеневым уже как с наставниками в полковой школе. А через год аттестовали на командира танкового экипажа и его самого. Новые его товарищи пожелали остаться на сверхсрочную, и Сергей был рад этому обстоятельству. Их быстроходные БТ-7 стояли рядом. Вместе на учении, вместе на отдыхе. В свободные часы играли в бильярд, пели про амурские волны и «Варяга». При этом у Агаркова непременно оказывалась гитара, которую он привез с собой.

Но не в тот памятный день 29 июля. Тогда было не до гитары. Ночью всех подняла боевая тревога. Ночью японские войска внезапно вторглись на территорию СССР у высоты Безымянной. Были отброшены, но стало ясно, что враг предпримет новые попытки.

Утром, когда все танки выстроились в походную колонну, был зачитан приказ. Нескольким экипажам, в том числе и Василия Агаркова, предписывалось остаться в военном городке и нести караульную службу. Надо ли говорить, какие чувства овладели теми, кто остался!

— Я был возмущен,— вспоминает Агарков.— Стоять и ждать, когда там идет сражение!

— Мы все тогда рвались в бой,— дополняет Румянцев.— Помню, сидели на бруствере возле столовой, читали свежий номер «Тихоокеанской звезды», в котором были опубликованы сообщения с места действий. Обсуждали, что же предпринять. И тут Василий предлагает: «Давайте отправим рапорт в штаб, попросим, чтоб послали нас на фронт». Мне и Житеневу эта мысль очень понравилась. Тут же, на листочке из школьной тетради, что была в планшете, написали, о чем тогда думали, и Николай побежал в штаб. Конечно, не одни мы писали. Тысячи подобных заявлений были. Но наше, наверное, поспело прежде других. Мы все-таки попали на фронт. Ходили в атаку.

Чем закончился дальневосточный конфликт — общеизвестно. Советская Армия, впервые после гражданской войны вступившая в бой с опытной кадровой армией врага, нанесла захватчикам сокрушительный отпор. Боевые действия по просьбе японского правительства 11 августа были прекращены. Об этом и о мощном патриотическом подъеме народа говорилось на XVIII съезде партии. На этом же съезде был полностью оглашен рапорт трех наших танкистов — документ безграничной преданности Родине:

«Мы, младшие командиры сверхсрочной и срочной службы — танкисты, воспитанные ленинским комсомолом,— командир танка Агарков В. М., мех. водитель Житенев Н. С. и ком. башни Румянцев С. М., овладев этой грозной машиной, горим желанием разбить зарвавшихся японских самураев и не можем сидеть спокойно в этот грозный час.

Просим Военный Совет 1-й армии Краснознаменного Дальневосточного фронта послать нас на поле сражения. Мы клянемся перед Родиной, перед партией, перед правительством, что за своих товарищей отомстим и будем беспощадно уничтожать фашистских гадов.

Просим не отказать в просьбе.
Командир машины Агарков.
Мех. водитель Житенев.
Командир башни Румянцев».

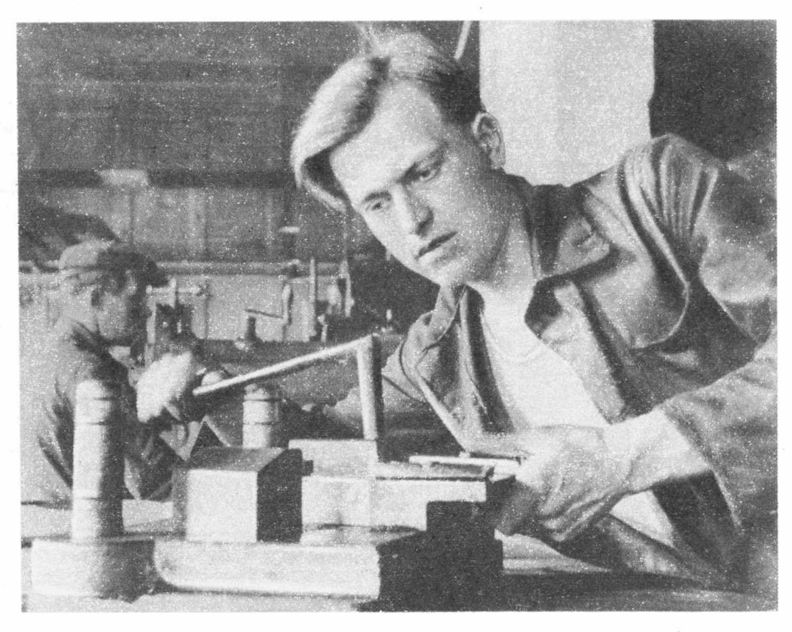
Кто же после этого решится утверждать, что песня о трех танкистах, положенная на музыку братьями Покрасс и ставшая подлинно народной, не про них? Дальнейшие события показали, что каждый на своем посту остался верен клятве, горячей клятве, принесенной в далекой юности.

Годы 1941—1945-й. В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ

В воскресенье, 22 июня, у Сергея Румянцева, слесаря рессорно-пружинного цеха ЗИЛа, был обычный рабочий день. Иначе и не мыслилось: для службы механика выходной — самая горячая пора. Идет ремонт оборудования, изготавливается оснастка, в мастерской шумно, грохотно. Но в тот день все перемешалось. Румянцев уже не помнит, кто именно прибежал из конторы и выкрикнул: «ВОЙНА!» В обед выдали всем противогазы и индивидуальные перевязочные пакеты. На другой день уже висел график и списки команд по охране корпуса.

1941—1945 годы. В. М. Агарков.

1942 год. С. М. Румянцев — слесарь ЗИЛа.

Каждому определено место, где стоять, чтоб сбрасывать зажигалки.

Румянцев работал днем, дежурил по ночам на крыше и бегал в перерыве в комитет комсомола и в военкомат: «Отправьте!» Отказывали: «Ты нужен здесь!» Да, он нужен был здесь. Демонтировал станки, когда началась эвакуация завода в Ульяновск и Миасс, в Челябинск и Шадринск... В тяжелые октябрьские дни не уходил из цеха, тут и спал, где придется. Одно время работал не в своем, другом цехе, где собирали ППШ. Потом вернулся в свой и делал любимые штампы, но на этот раз для изготовления деталей к «катюшам». Снова сутками не уходил из цеха. С ног валился от усталости и засыпал сидя, не успевая разуться. Из голенища его сапога непривычно торчала самодельная алюминиевая ложка.

— Из всех правительственных наград мне дороже вот эта,— говорит Сергей Михайлович, раскрывая коробочку с регалиями и извлекая из нее скромную медаль «За оборону Москвы».

И второму нашему танкисту Николаю Житеневу не удалось, как он ни стремился, попасть на фронт. Прочно, броней, закрепили в тылу, в том самом далеком Уссурийске. Да, он остался там еще в тридцать восьмом, и были для этого особые причины. Во-первых, начинал строиться завод, и демобилизующихся уговаривали, чтоб оформлялись туда. Но главное... словом, жила тут одна необыкновенно симпатичная Катя... Катя-телефонистка.

В войну Житенев сначала ремонтировал танки, и он, опытнейший механик-водитель, оказался действительно тут незаменимым. Потом стали восстанавливать гусеничные тракторы ЧТЗ-60 и С-65. Начиналось контрнаступление советских войск под Сталинградом, и тракторы из Уссурийска отправлялись на фронт, чтоб таскать тяжелые пушки.

Дальневосточники не только самоотверженно трудились. В цехах собирали валенки, полушубки и тулупы, снятые с собственных плеч, люди готовы были отдать последнее — ведь там, на линии огня, тяжелее. Девушки вязали шерстяные носки, варежки, шарфы и шили кисеты. А потом — Житенев был уже тогда парторгом цеха — в Приморье начался сбор средств на сооружение танковой колонны. Колонны мощных и грозных «тридцатьчетверок», которые делал Урал.

Приморский крайком комсомола обратился с просьбой к Верховному Главнокомандованию за разрешением подготовить для этой колонны двадцать экипажей. «Добро» было получено. День рождения Ильича — 22 апреля — стал днем рождения колонны: началось ее формирование. Сотни комсомольцев Владивостока и других городов подали заявления. Отобрали, послали на учебу, а потом и в Танкоград — Челябинск — за танками 63 человека. 63 из 350 жаждущих!

Ни сам Житенев и никто другой — да кто бы мог предположить такое! — не думал, что нежданно-негаданно пересекутся фронтовые дороги командира его танкового экипажа Василия Агаркова и танковой колонны «Приморский комсомолец»... Такое ведь могут специально придумать драматурги или сценаристы. Тем не менее это была сама явь, сама жизнь.

...Оренбургское железнодорожное училище прилагало все усилия к тому, чтобы такой бывалый человек, как танкист Агарков, не был мобилизован и остался у них воспитателем по военно-физкультурной подготовке, а сам Агарков добивался противоположного. И добился! Начался набор коммунистов и комсомольцев в воздушно-десантные войска. Василий попал, но десантником так и не стал. Сначала не доучился в военно-политическом училище в Подольске, потому что курсантам пришлось взять в руки винтовки и встать на оборонительные рубежи Москвы. Потом, после того как в Центральном Комитете комсомола им присвоили звание политруков батальонов, нашив по три кубика на петлицы, его как специалиста послали в Горький готовить для фронта танковые маршевые роты.

Только в начале 1944 года политрук получил назначение в 3-ю гвардейскую танковую армию генерала Рыбалко, уже овеянную славой в сражениях за Воронеж, на 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах. А 56-ю гвардейскую танковую бригаду этой армии, в одном из батальонов которой ему предстояло стать замполитом, он нагнал за Житомиром, по дороге на Шепетовку.

Там-то и довелось ему встретиться с добровольцами-дальневосточниками и танками их колонны. Встретиться, но не разговориться. Обратил лишь внимание на таблички с надписью «Приморский комсомолец», которые еще уцелели на бортах машин, уже видавших виды, изрядно потрепанных в схватках.

— Честно говоря, я не придал этому особого значения,— говорит теперь Агарков.— Тогда было много боевых машин и самолетов, построенных на личные средства, поступавшие от жителей городов и сел, даже именные танки и истребители. Однажды, правда, подумалось, что к рождению «Приморского комсомольца», возможно, причастен и мой далекий друг механик Коля Житенев. Ощущение было такое, будто он мне пожал руку... Держись, мол, Василий! Но время было, сами понимаете, не до сантиментов. Почти что каждый день шли в бой...

Вскоре Агарков участвовал в сражениях за освобождение Шепетовки. А первый свой орден — Отечественной войны II степени — Агарков получил за освобождение города Проскурова. Потом были Броды, знаменитые тем, что здесь попали в окружение восемь вражеских дивизий. Потом Висла...

Создать на левом берегу Вислы прочный плацдарм — такая задача была поставлена и перед 56-й гвардейской танковой бригадой.

Мостов через эту полноводную широкую реку не было. Значит, предстояло навести понтоны, соорудить паромы. Командиру бригады полковнику З. К. Слюсаренко не пришлось ломать голову над тем, кого поставить во главе передового отряда форсирования. Он уже убедился в смелости и находчивости замполита первого батальона гвардии старшего лейтенанта Агаркова.

...Взрывая утреннюю тишину, танки двинулись к переправе. Их засекли. Начался яростный обстрел.

Один снаряд попал в понтон. Старшина Миша Карпушкин, механик Агаркова, дал полный ход, и танк выскочил, буквально взлетел на западный берег реки. За ним — другие.

Вот что писал позже в книге «За отчий дом» замкомпотех роты, укомплектованной добровольцами 43-й танковой колонны «Приморский комсомолец», Петр Петренко:

«Находясь в передовом отряде бригады при форсировании Вислы, он (Агарков) скомандовал: «За мной!» — и поднял в атаку группу смельчаков, что сыграло большую роль в расширении плацдарма. Отважные действия Агаркова были высоко оценены командованием».

Оценка самоотверженных действий была заслуженно высокой: согласно документам, отправленным в штаб армии и фронта, В. М. Агарков был представлен, как он того и заслужил, к присвоению звания Героя Советского Союза.

Все в части знали о предстоящем высоком награждении, и когда танкисты навещали в медсанбате искореженного, подорвавшегося на мине своего замполита — в августе он ходил в разведку,— то каждый считал своим долгом поздравить его и делал это с радостью. День Победы, в то время как гвардейцы Агаркова оставляли свои росписи в Берлине, входили в Прагу, он встретил в госпитале. Выписался с открытыми ранами, беспомощный и исхудавший до неузнаваемости. Неизвестно, в чем только дух держался...

К несчастью, судьба сыграла с ним еще одну злую шутку: документы на представление В. М. Агаркова в числе других политработников к высокой награде где-то, на каком-то этапе по дороге с 1-го Украинского фронта в Москву потерялись... Забегая вперед, скажем, что сколько раз ни обращались по поводу этого дела разные организации, считающие необходимым восстановить правду, приходили канцелярские отписки вроде: за давностью лет не представляется возможным и так далее...

Однако мы думаем, что герою должно быть воздано должное. Герою!

ГОД 1985-й. ГОЛОСУЮ ЗА МИР!

И все же истории о трех танкистах предстояло продолжение.

— Как-то ко мне, прямо в облисполком, где я тогда работал, пришли ребятишки. Целая ватага. Следопыты из школы, в которой я учился,— записывали мы еще одно воспоминание В. М. Агаркова.— Держат в руках большую толстую книгу — стенографические материалы XVIII съезда партии. Открывают заложенную 278-ю страницу, где рапорт нашего дальневосточного экипажа с просьбой отправить на озеро Хасан и наши фамилии тут же. Объясняют: «Мы хотим найти этих самых танкистов. Живы ли? Где они? Вот тут фамилия — Агарков. Может быть, это ваш брат?» С этого все и началось. Активно заинтересовалось и наше местное телевидение, редактор Евдокия Горбанская разыскала адреса и написала письма Житеневу и Румянцеву. От них пришли телеграммы. Живы, мол, трудятся.

Василий Михайлович разволновался, достал флакончик с таблетками.

— Первая встреча состоялась у нас в Оренбурге. Встреча через тридцать лет! Коля Житенев прилетел. Это было 28 февраля 1971 года. А потом вместе с ним мы поехали в Москву. На Казанском вокзале нас ждал Румянцев. Я его сразу узнал — тот же рост богатырский, те же светлые глаза. Только вот ржаной чуб стал белым. Телевидение снимало. Показывали по программе «Время». С тех пор мы уже крепко держим связь, постоянно переписываемся. Знаем все друг о друге...

Прошло еще тринадцать лет. На календаре год 1985-й, год сорокалетия Великой Победы.

Мы позвонили в Уссурийск. Телефона у Житенева нет, заказали разговор с уведомлением. Николай Сергеевич говорит, что с 1954 года до самого ухода на пенсию работал начальником цеха. Но и сейчас не без дела, занимается общественной работой. Жена его, Екатерина Евсеевна, тоже, конечно, на пенсии. Два сына. Получи-

1971-й. Встреча через тридцать два года в Москве — С. М. Румянцев, В. М. Агарков, Н. С. Житенев.

ли высшее образование. Один пошел по его линии — механик. Работает во Владивостоке. Другой — горный инженер в Комсомольске-на-Амуре. Четверо внуков, один уже отслужил в армии, и даже правнучка появилась...

В Москве мы поехали в Коломенское, в гости к Сергею Михайловичу Румянцеву. Он бодр и энергичен, только совсем недавно, 11 мая 1984 года, ушел на заслуженный отдых. Сорок шесть лет своей жизни, начиная со 2 декабря 1938 года, отдал родному заводу. Даже в огромной многотысячной семье зиловцев не много найдется ветеранов труда с таким стажем. И все сорок шесть лет в пружинно-рессорном цехе. Был тут и мастером, и старшим мастером, и заместителем механика до ухода на пенсию. Но в 74-м, оформив пенсию, не ушел на покой — стал снова слесарем.

На его глазах и при его участии цех перебрался из старого, загазованного помещения, в котором еще при Рябушинском были склады, в новый корпус, красивый, как дворец. Румянцев здесь был не только мастером, но и заместителем секретаря партбюро, а потом и секретарем. При нем партийная организация цеха выросла в два с лишним раза.

С ней он в тесном контакте и поныне — наставник молодых. Вот и поговорив с нами, показав фотографии разных лет и газеты, уже ставшие историческими, заторопился в цех.

Спрашиваем о семье.

— Васса Ильинична, это жена моя, тоже на ЗИЛе работала. В настоящий момент она у Татьяны, дочери. Таня Бауманское училище окончила. А это Маша и Любаша,— с доброй улыбкой, озарившей его лицо теплом и светом, протягивает нам фотографию,— Танины дочки. С нами Миша живет, сын. Он тоже работает на ЗИЛе, инженер экспериментального цеха.

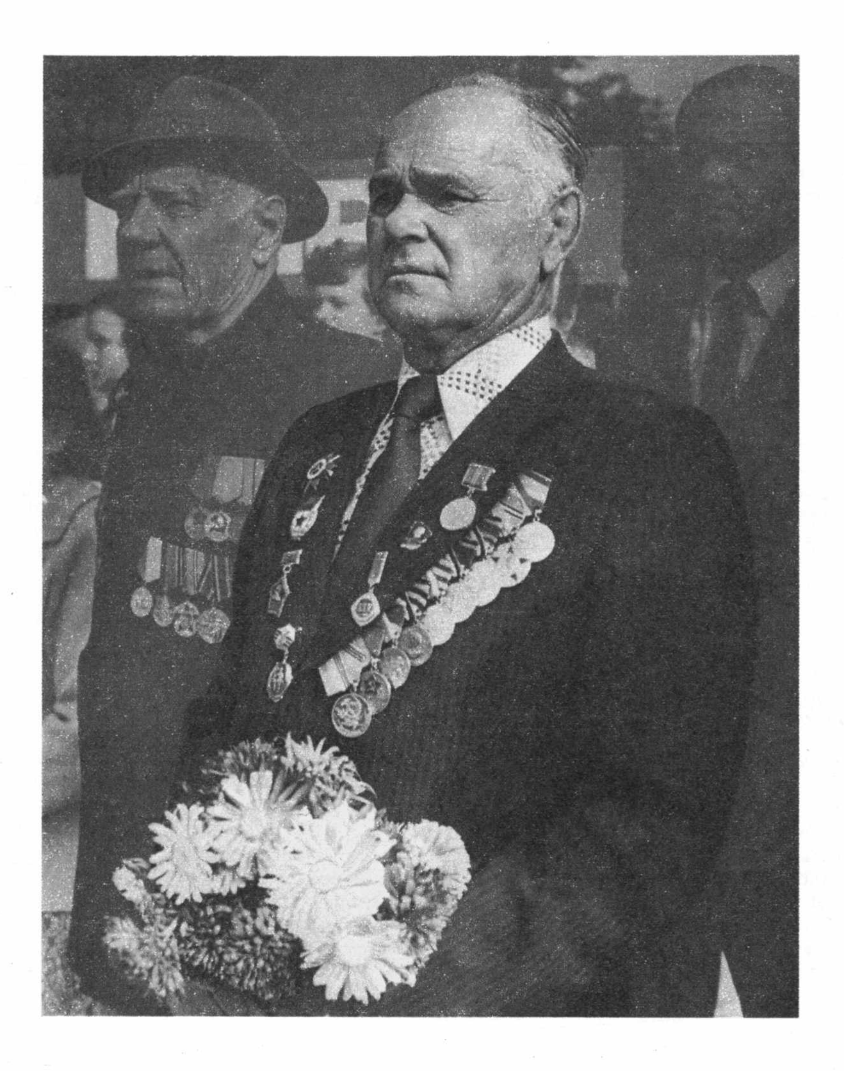
...А осенью 84-го был Оренбург.

Утреннее солнце не скупилось, лучистыми брызгами золотило чуть пожелтевшие деревья, ласкало головы ребятишек. И вдруг тонкие детские голоса, сначала нестройно, повели: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо...»

Это был не обычный сентябрьский день. Это был — ДЕНЬ МИРА. День, память о котором должна предостерегать, звать к бдительности, поднимать на активные действия во имя того, чтобы солнце мира не закрылось атомными смерчами. В этот день миллионы людей в разных странах еще раз дают клятву сделать все, чтобы избежать еще более ужасной, чем вторая мировая, катастрофы. Поколение, которое не знает, что такое война, призвано принять эстафету борьбы за прочный мир.

Вот о чем говорил своим внукам и правнукам Василий Михайлович Агарков, председатель городского штаба Всесоюзного похода по местам боевой и трудовой славы. Гордый, праздничный, не по годам осанистый, с цветами, подаренными маленькой школьницей, он стоял в первом ряду почетной колонны. Но все-таки что-то выдавало его волнение, быть может, эта напряженная уверенность и выдавала.

Он, прихрамывая, пошел к обелиску павшим воинам. Поклонился, бережно положил цветы...

1984 год. Оренбург.
В. М. Агарков на митинге
в День Мира.

Фото В. Андреева

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Хорошая книга — всегда праздник для читателей. Раскроем книгу Юрия Пухова «Вровень с веком». В ней мы найдем обширный материал по русской советской прозе от первых послевоенных лет и до последнего времени. Это исследование закономерностей и этапов развития нашей литературы, и литературные воспоминания, и страстный публицистический разговор с читателем о проблеме, которая давно волнует автора. Эта книга состоит из двух разделов: «Из литературной летописи» и «Жизнь и слово». И все ее одиннадцать глав — уяснение места и роли рабочего класса в общественной жизни и в литературе.

Ю. Пухов с доказательностью исследователя и убежденностью публициста утверждает, что тема рабочего класса как ведущей силы нашего общества была, есть и должна быть магистральной в прогрессивном движении литературы социалистического реализма.

С большим интересом читаются в книге страницы «литературной летописи», где исследователь ведет разговор о «Цементе» Ф. Гладкова, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Сталь и шлак» и «Обретешь в бою» В. Попова, «Журбиных» Вс. Кочетова, «Битве в пути» Г. Николаевой...

«Масштабность мышления, забота о делах государственных, сила патриотического чувства, личная заинтересованность в трудовых успехах своей бригады, своего завода, фабрики, стройки, овладение мастерством и профессиональным умением, дух коллективизма и творчества, высокая культура и чистота чувств, сложный духовный мир и ярко выраженная индивидуальность» — вот подлинный социальный и нравственный облик советского рабочего класса, утверждает автор, и именно его и должны правдиво и высокохудожественно раскрывать советские писатели.

Критик и литературовед Ю. Пухов не сторонний наблюдатель, а сам активный участник литературного процесса, своими книгами и статьями стремящийся повлиять на его развитие. Он вторгается в литературные споры 50—70-х годов, развенчивает произведения, где центральными героями представлены люди инфантильные, иждивенчески и нигилистически настроенные, ноющие и только требующие. Он резко выступает против так называемой теории «дегероизации», приглушившей в какой-то период бойцовский характер произведений некоторых писателей. Но хотелось бы услышать в этой книге мнение критика о другой тенденции в литературе, которая в свое время получила название «лакировочная». Была ли такая тенденция, или этот термин оказался несостоятельным?

Главы второй части книги Ю. Пухова («Жизнь и слово») посвящены творчеству отдельных писателей, у которых одной из главных стала тема рабочего класса и труда. «Энергия творчества» — об А. Первенцеве, «Живительные соки земли» — о С. Бабаевском, «Отвечая за жизнь» — об А. Блинове, «В мире добрых чувств» — о В. Щербаковой и «Рождение писателя» — о Б. Шереметьеве, самом молодом из названных писателей, моряке по профессии. В этой главе Ю. Пухов поведал о том, как на его глазах и при его участии проходило становление Б. Шереметьева как писателя — автора романа «Красная эскадра». Эти главы наиболее интересные в книге.

В книге «Вровень с веком» ярко и отчетливо вырисовывается и образ ее автора. «Я» в книге — это не только Юрий Пухов, это и образ критика-гражданина, страстно заинтересованного в судьбах отечественной литературы, умеющего говорить о наболевшем живым, взволнованным языком. Думается, что эта книга привлечет внимание широких читательских кругов, интересующихся текущим литературным процессом.

В. ТЮРИН, кандидат филологических наук

Ю. Пухов. Вровень с веком. М., «Современник», 304 стр.

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Отец, разреши к тебе?

Он нарочито бодро повернулся у письменного стола к вошедшему в кабинет Валентину — босой, в незастегнутой безрукавке, тот переступил порог, наклонив в дверях голову, и Крымов с тревожной радостью обнял его против обыкновения, похлопал по горячей от долгого лежания на солнце спине.

— Проходи, сын, проходи, я рад, мы с тобой не так часто видимся. Садись, Валя, кури, а я посмотрю на тебя вблизи,— сказал Крымов легким тоном, каким разговаривал с детьми, и показал на сигареты на тумбочке в изголовье тахты.— Кури, пожалуйста.

— Я не курю, отец,— ответил Валентин и присел на край тахты в неудобной настороженности, нахмуренный, большерукий.— Я начал и бросил: прочитал все, что пишут о раке, особенно англичане... К сожалению, курит Людмила.

— Стало модным среди женщин,— сказал Крымов и тоже сел на тахту, разглядывая сына с внимательным недоверием. Неужели это плоть его и Ольги, неужели это он, Крымов, мужской сущностью своей проявился в сыне, в неуклюжем, худом, баскетбольного роста юноше, через меру серьезном, рассудительном, строгом, ничем не похожем на отца в юные годы, исполненные военной отчаянности, но унаследовавшем тот же серый цвет глаз, тот же запах кожи (что крайне удивило однажды Крымова)?— Однако дурная и чужая мода наверняка пройдет, как пройдет все.

Он договорил последнюю фразу полуиронично, точно бы предлагая вольную необязательность разговора, но лицо Валентина оставалось сосредоточенно серьезным, и Крымов спросил:

— Как у тебя дела?

— Отец, я никак не могу сориентироваться в жизни.

— Вот как? Сориентироваться?..

Валентин не подхватывал его полуироничного, ни к чему не обязывающего тона, которым часто пользовался Крымов, чтобы тактично не обострять их взаимоотношения, ибо убедился с некоторых пор в ненужности переламывать упрямство, несговорчивость сына, не расположенного ни шутить, ни смеяться над чем-либо и над кем-либо, самоуверенно желающего обходиться собственным умом.

На третьем курсе он начал получать повышенную стипендию и, освобождаясь от зависимости и Ольгиных забот, наотрез отказался пользоваться домашней денежной помощью, сменил костюмы на дешевые курточки, покупая их самостоятельно, а раз после объяснения с обиженной матерью сказал отцу угрюмо и бесповоротно: «Я не хочу пользоваться ни твоим именем, ни твоими средствами. Я буду сам». И это стремление к ранней по нынешним временам материальной независимости (разумеется, частичной), точнее — к самоутверждению на зыбкой почве студенческой, хоть и повышенной, стипендии, сначала озадачило Крымова. Он, оказывается, и не подозревал такого упорства в сыне, зная в то же время, что скороспелая тяга к самостоятельности и неуправляемое мальчишеское самолюбие принесут ему не свободу поступков, ожидаемую им, а болезненные удары жизни, не терпящей излишней пренебрежительности к принятым нормам зависимости в современных родственных взаимоотношениях.

— Отец, я не могу сориентироваться в жизни,— повторил Валентин.— Никак не могу.

— Мне казалось...— Крымов вытянул из пачки сигарету, неторопливо размял ее,— мне казалось, что тебе всегда все ясно, сын.

— Не надо иронии. Я уже не мальчик, который хочет быть взрослым.

— Слушаю тебя, слушаю, Валя...

Весь кабинет был полон солнца и воздуха, напитанного запахом листвы; птицы, истомленные зноем, пели в саду вяло, нескончаемо длинный июльский день переходил в длинный вечер, и было слышно, как оса, залетевшая в окно, тоненько звенела, ползала по зеркалу, где в отсвечивающей глубине купались зеленые ветви берез. «Сейчас он скажет то, чего я не ожидаю,— подумал Крымов.— Он ищет слова, чтобы не обидеть меня».

А Валентин сидел на краю тахты, сжимая коленями большие руки, поперечная морщинка разделяла переносицу, серые глаза хмуро сосредоточились на зеркале и не моргали, но явно было — он не видел ни зеркала с его зеленой глубиной, ни назойливо звеневшей осы, и Крымов повторил:

— Я слушаю, Валя.

Он спросил тихо:

— Скажи, отец, как определить вину преступника и жертвы?

— Вину жертвы?— удивился Крымов.— Что ты имеешь в виду? Или кого ты имеешь в виду?

— Я имею в виду тебя, отец.

— Интересно. Продолжай, пожалуйста. Я слушаю.

— Ты сможешь мне ответить откровенно? Иначе я не буду ничего спрашивать. Сможешь?

— Постараюсь.

Валентин плотнее стиснул сцепленные пальцы между коленями, с мрачноватым напором сбивчиво заговорил:

— Отец, происходит какая-то несправедливость, какая-то мерзость вокруг твоего имени... Какие-то слухи, сплетни... У нас в институте, как ты знаешь, народ разношерстный, некоторые злорадно поглядывают на меня и шепчутся: вот он, наследник известного Крымова, который дошел до преступления, и тэдэ и тэпэ. Что они, с ума посходили?

— Мне уже отвечать?

— Нет, подожди, я не все еще... Не понимаю одного, отец, не понимаю, откуда развелись шептуны и почему хотят верить клевете и всяким злобным слухам поклонники маркиза де Сада! Как они могут представить тебя в роли преступника? Или хотят, что ли? Нет, отец, человек не венец творения и никакое там не гордое звучание. И какое там еще непротивление и самоусовершенствование по Толстому! Скажи, почему зло остается безнаказанным?

Валентин хрустнул пальцами, сумрачно глядя куда-то в направлении книжных полок, а он, Крымов, предполагая нелегкий разговор с неподатливым сыном, молчал, ясно понимая, что не сможет ответить Валентину мудрой, отцовской, проверенной опытом формулой. Ибо не было у него одномерного ответа, того ответа, взятого у святой или порочной истины, что поставила бы раз и навсегда все на предназначенные места, свою и чужую жизнь, и определила бы твердые границы между да и нет, после чего собственная позиция четко и навсегда объяснила бы весь мир вокруг, который, однако, с великим непостоянством кривлялся, кокетничал, смеялся, убивал, извращал натуру по кем-то навязанным противоестественным законам.

— Я отвечу, Валентин, как смогу,— проговорил наконец Крымов и, не закурив, бросил размятую сигарету в пепельницу на тумбочке.— В войну погиб цвет народа. В живых из лучших сохранились немногие. А дети не стали лучше отцов, хотя нельзя осуждать какое-либо поколение целиком. Вот, может быть, поэтому теперь и мало кто рискует броситься грудью на амбразуру, защищая свою и чужую честь...

— Грудью на амбразуру?— повторил Валентин и опустил голову.— Это что, отец, заслонить своим телом пулемет?

— Я имел в виду метафору,— проговорил Крымов, ужасаясь тому, что мелькнуло в лице сына, когда он опустил голову.— Я не о том героизме, который закрывает пулеметы грудью, хотя в жизни бывают и безумные мгновения. Я хочу сказать о другом. Понимаешь, Валя, современная цивилизация повела мир по ложному пути. Умные люди изобрели машины, но техника не нашла умных командиров, не подчинилась и стала управлять людьми. И изнежила их, отобрала у них силу духа. А вместо него вложила в душу счетную линейку, которую техника производит... В конце пятидесятых годов появился новый вид приспособленцев к благам цивилизации — родные благоденствующие братья во всем мире. На Западе их называют конформистами. Это касается и нас. Мы не отгорожены бетонной стеной.

— А ты, отец, к кому себя относишь?— недоверчиво спросил Валентин, и по жесткому тону его почувствовал Крымов, что сын непримирим ни к врагам его, ни к каким-либо смягчающим оправданиям сложившихся обстоятельств.— Надеюсь, ты не конформист?

— Я испорченный человек, Валя. Я режиссер и строю мизансцены жизни, в этом мое несчастье,— сказал с грустной усмешкой Крымов.— Даже собственные похороны я могу увидеть со стороны и поставить сцену. Впрочем, говорю неточно. Вернее, так — желание познать, что подобная неприятная сцена дала бы людям и что отняла бы у них. Не осуди, сын, за громкие слова, но в последние годы я думаю о том, где лежит тайна жизни и тайна смерти, которая объясняет наши поступки. И, наверное, здесь полезнее быть адвокатом, чем судьей. А это не всегда удается. В двадцатом веке совестливые люди в общем-то не очень счастливы, сын. Несчастных счастливцев меньшинство. Весь мир стал или становится несчастным. А я, если хочешь, пытаюсь понять, когда и где человек свернул или сворачивает с пути истинного. И я вместе со всеми...

— Отец, ты идеалист! А я хочу знать, что такое подлость и что такое честность! И — все!— воскликнул Валентин и встал с отчужденно насупленными бровями.— Тогда кто назвал добро добром, а зло злом? Почему добро мы принимаем как добро, а зло как зло? И где он, истинный путь цивилизации, отец? Техника и наука вовсе не зло, а благо, как горячая вода! А ты знаешь, что нужно человечеству для спасения? Укажи! Может, пришло время второго пришествия и второго библейского чудака?

— Ты слишком возбужден... и сердито говоришь со мной. Сядь,— сказал Крымов и мягко взял сына за попытавшуюся вырваться руку, потянул книзу, заставил снова сесть на тахту.— Страшного суда, а не просто пришествия, ты хотел сказать,— поправил Крымов.— Что ж, может быть, и пора судить человечество за все зло и глупости. Но будет ужасно — суд нравственный подменят судом атомным. И суд превратят во всеобщую казнь, а землю в пепелище.— Он помолчал, досадуя, что ему сейчас мешало что-то быть убедительным с неподатливым и бескомпромиссным Валентином.— И все-таки, сын, есть нравственный путь, хоть и не единственный...

— Какой путь? Истинный? Какой он из себя?

— Невозможный. Это сострадание. Чувствовать и понимать страдание другого. Но для этого должны родиться в мире тысячи терпеливых проповедников.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—13.

— Отец, это слова, слова! Сострадание хорошо только между порядочными людьми,— выговорил Валентин рвущимся баском.— А как сострадание к сволочам всяким? Тоже?

— Точного ответа у меня нет. Я хочу сказать, Валя, что сволочи и несволочи связаны одной веревочкой,— проговорил медлительно Крымов.— То есть один человек связан с другим и со всем живущим на земле, и это вроде единой сети. Из нее часто невозможно вырваться.

— Значит, преступник и жертва — оба виноваты, раз они в одной сети.— Валентин нехорошо рассмеялся, и в смехе его были и протест, и нервозность растерянности, несвойственные сыну.— Значит, оба они преступники.

Крымов ответил сухо:

— В том случае, если жертва соглашается стать жертвой.

— И ты никогда не считал себя жертвой? Ни разу в жизни? Ты всегда побеждал?

— Не на все я тебе могу ответить. Чаще побеждали меня.

— Я не о том.

— И я не о том. Но понял тебя так, как надо. В войну я поражался, как много людей обреченно, без борьбы, без последнего сопротивления давали в немецких концлагерях расстреливать себя. Поверь, Валя, в разведке я знал свой последний шаг, даже если израсходован последний патрон в пистолете.

— Ты хочешь сказать о ненависти и презрении?

— Нет. Это не выход. Есть кое-что выше.

— Что же?

— Отсутствие боязни. Перестать бояться за себя — это выше ненависти. На войне иногда удавалось. Редко, но бывало.

— И ты ничего не боишься разве?

— Боюсь.— Крымов тронул худое колено сына.— Боюсь потерять вас: мать, Таню, тебя. Значит, слаб.

— Отец...— сорвавшимся баском произнес Валентин и поспешно отвернулся, договорил:— Если ты так о себе, то что же ты обо мне думаешь?

— Ничего плохого.

— А в войну ты меня в друзья не взял бы,— сказал вызывающе Валентин.— Ты, пожалуй, всех нас, двадцатилетних неумеек, презираешь.

— Нет. В друзья я бы тебя взял. Но мы и так с тобой...

— Неправда. Между отцом и сыном не может быть дружбы.

— Вероятно, ты ошибаешься.

Вот он сидел рядом с ним на тахте, его сын — упрямец, спорщик, наивный умница, его мужское продолжение на земле, ни обликом, ни жестами, ни единой черточкой характера не похожий на отца в двадцать один год, на того бравого лейтенанта, командира взвода полковой разведки с насмешливой независимостью во взгляде, готового к действию и риску, сразу поверившего в собственное бессмертие на войне. Так что же толкало его к тому раннему повзрослению, к тому риску, к той вере в себя — смертельно занесенное над головой острие? Бездна между бытием и небытием? И что делало инфантильными, беззащитными его сына и этих много знающих, интеллигентных, начитанных парней, рано знакомых с формальной логикой и алогичностью,— тихое благополучие, изнеженность в семейном быту, сверхобильная до противоестественности забота родителей о чадах своих? Или отсутствие самостоятельности? Можно было бы, конечно, всему дать объяснение, как почасту и делается в жизни, чтобы оправдать успокоительное и выгодное сию минуту людям мнение. Но любое объяснение ничего не изменяло в самом поколении, подчиненном какой-то заразительной неизбежности времени, никем из современников полностью не осознанного. Оно, время, складывалось из тупых и острых углов, из ненужных вещей, лишних денег и безденежья, несовпадающих восточно-западных мод и конструкций, где нередко проступал заимствованный расчет даже в любви, в приглашении гостей, когда искусственно растопленный холод еще больше увеличивал отчуждение, чего не было и в помине в счастливую пору военной и послевоенной молодости Крымова, в пору опасности, бедности и надежд. И он ощутил некое сложное положение сына в институте, созданное, по-видимому, и его непомерной серьезностью по отношению к другим, и неприятными событиями, связанными с ним, Крымовым.

— По-моему, ты ошибаешься, сын,— сказал Крымов насколько можно спокойней.— И я рад, что твоя дружба со мной...

— Неправда,— прервал Валентин и нахмурился.— Невозможно. Отец есть отец. Я ведь не могу тебе сказать то, что сказал бы другу.

— И у тебя его нет?

— Настоящего — никогда не было. Сейчас у меня нет настоящих друзей. Есть соучастники компаний и танцевальных радений. Завидую, что у тебя есть Стишов, вот он, наверное, не предаст.

— Только наверное?

И Валентин ответил холодно и убежденно:

— Отец, я знаю, что друзья предают первыми. Как и жены.

«Раньше я ни разу не задумывался, что сын одинок».

— Жены? Почему жены?

Валентин выпрямился, поперечная морщинка резче обозначилась между его темными прямыми бровями, божеская отметинка способного человека, как определял про себя эту морщинку Крымов. Но тут же лицо сына выразило снисходительное удивление, и голос его прозвучал немного оживленнее, будто речь зашла о мимолетной шалости:

— Такова уж природа женщин, отец.

Крымов вздохнул в озадаченности.

— Прости, у тебя невеста, Валя. Как-то не вяжется с этим твоя романсовая фраза. Вы что, поссорились?

— Не думали.

— Я могу предполагать, что ты любишь Людмилу?

— Если бы знать, что это такое, отец.— Валентин закинул голову, проговорил с чуждым ему насмешливым уверением:— Я не могу с тобой откровенно. Как-то не очень ловко... Я женюсь на ней. Людмила беременна, и я женюсь... Ты не очень шокирован моим легкомыслием?

Валентин опять нехорошо рассмеялся, и Крымов подумал, что его смех и вопрос о легкомыслии — все чужое, это не его сущность, а нечто оборонительное, слабое в явной защите, к которой он прибег в попытке самоутверждения перед отцом.

— Не очень,— солгал Крымов и прибавил вынужденно участливо:— Все, надо полагать, естественно. Только маме раньше времени не нужно об этом.

— Мама многое воспринимает слишком трагически. Но ничего. Мы будем пока жить у Людмилы. Я буду подрабатывать. Через два года кончу институт. Буду снимать какую-нибудь картину... Проживем в любви и согласии. Вот так!

Его лицо некрасиво дернулось, снова приготовленное к защитному смеху, но Крымов попросил негромко:

— Не надо так смеяться, сын. Я на твоих баррикадах. Ответь мне, пожалуйста, Валя: ты любишь Людмилу?

— Не знаю, отец. Я хотел бы, хотел бы, но что поделаешь... Я знаю: полюблю ее, когда будет ребенок. А как ты поступил бы на моем месте? Как ты... именно ты?..

Валентин ослабленно ткнулся всем телом вперед, сцепливая большие руки между коленями, похрустывая пальцами, окончательно растеряв неприступную самоуверенность, и Крымов с горькой жалостью отметил, что его серьезный сын, его продолжение на земле, его в конце концов надежда, не рисковал и не обладал смелостью разобраться в самом себе в свои двадцать лет, когда без долгих раздумий верят первым чувствам. «А имею ли я право спрашивать, как у них случилось?»

— В таких вещах, Валя, совета не дают,— сказал уклончиво Крымов и обнял сына за плечи.

— Так кто, кто же может мне посоветовать, кроме тебя?— проговорил Валентин, и в голосе его заколебалась натянутая струна.— Советовал же ты мне, когда я поступал в Институт кинематографии. Ты хотел, чтобы я пошел на операторский, и я пошел...

Он неловко пошевелил плечом, освобождаясь от руки отца, и тот почувствовал здоровый сладковатый запах молодого тела, прогретого на пляже солнцем, и это телесное, родное, физически сильное, и эта обнаженная растерянность Валентина кольнули Крымова терпким сожалением: нет, он могу бы знать, но почти не знал своего сына.

— Какой бы совет я тебе ни дал, ты должен по-мужски принять решение сам,— повторил Крымов твердо.— Представь: в войну сапер ошибался на заминированном поле один раз. Немного неточности с механизмом мины — и не поминай лихом. Женитьба и развод — не смертельное дело. Но рану могут нанести смертельную.

— А как было у тебя с матерью? Как у тебя

См. стр. 28—29.

УСТРЕМЛЕННОСТЬ

См. стр. 9

— КИТЭ пришлет к вам в хозяйство своих агрономов. Они посмотрят поля и скажут, что и как лучше выращивать. Сколько и каких понадобится семян, удобрений, машин, посчитают, во что все это обойдется. И назовут главную цифру гарантированного урожая. КИТЭ предоставит вам самые лучшие семена, технику — словом, все, что нужно. Объединение берет на себя покупку машин (на деньги самого кооператива) и техническое обслуживание их, обеспечит снабжение запчастями. Оно же обучит ваших трактористов, механизаторов обращению с нужной техникой, организует для них курсы повышения квалификации.

За все эти услуги КИТЭ получает определенную плату, а головное хозяйство — в данном случае «Красная звезда» — обусловленную договором долю от прибылей своих партнеров. За десять лет урожаи пшеницы, кукурузы, сахарной свеклы у них удвоились.

Таких производственных систем в сельском хозяйстве Венгрии много. Причем один и тот же кооператив может быть одновременно членом нескольких объединений. Есть системы, которые специализируются на животноводстве, на винограде, фруктах, занимаются выращиванием грибов, цветов.

Именно создание индустриальных систем позволило поднять сельское хозяйство Венгрии на качественно новый уровень.

КОМПЬЮТЕР ПРИШЕЛ В ШКОЛУ

Два года назад в Венгрии в соответствии с решением правительства все средние школы получили по крайней мере одну ЭВМ. Но откуда взять столько компьютеров? И вот Институт организации науки и информатики объявляет конкурс. Победителем стала небольшая ЭВМ, выпущенная будапештским предприятием «Хирадаштехника» специально для школ. Она проста, надежна, относительно недорога, хорошо выглядит внешне и, что немаловажно, способна выдержать обращение начинающих программистов.

— Сегодняшним школьникам предстоит жить и работать в XXI веке,— говорит директор гимназии Ференц Калман,— и мы должны подготовить их к этому. На наших глазах компьютеры из мира фантастики пришли в повседневную реальную жизнь. В цехе, на ферме, на почте, в бухгалтерии — всюду приходится иметь с ними дело, не говорю уж о научных лабораториях и институтах. Выпускники нашего математического класса получают высшее техническое образование, и уж им-то без общего языка с компьютером не обойтись.

— А помогает ли ЭВМ на обычных уроках?

— Конечно,— отвечает преподавательница математики Марта Колтаи.— Вот смотрите.— Она вставляет кассету с магнитофонной лентой, на которой записана программа, нажимает кнопки, и на экране появляется схема распределения зарядов элементарных частиц.— Это тема очередного урока физики. Наглядно и хорошо запоминается.

Вообще, как говорили мне в этой гимназии, на уроках с ЭВМ заметно возрастает активность ребят и интерес к учебе.

Знакомство учеников с компьютером начинается в первом классе гимназии (наш девятый класс) на уроках техники. Предмет этот введен недавно, четыре года назад. На первом уроке ребята учатся, как включать машину, как «стирать» изображение с экрана дисплея, затем постигают азы программирования, знакомятся с теорией систем, процессами управления. Решают такие, например, задачи: как организовать движение автобусов в городе. Или «проектируют» жилой район с учетом, что там должно быть столько-то магазинов, столько-то детсадов, что магазины должны быть расположены не дальше чем в десяти минутах пути от любого дома... То есть школьникам предлагают не заучивать готовые формулы или суммы знаний, а думать, анализировать и самим принимать решение. В этом принципиальная новизна предмета, что значится в расписании как урок техники.

Пока я беседовала с учительницей, юные математики колдовали у компьютеров.

— Посмотрите сюда,— обратились они ко мне. И я увидела на экране дисплея слова: «Сердечно приветствуем наших советских гостей в гимназии имени Даниэля Бержени». Дальше шел текст, тоже на русском,— история гимназии начиная с 1858 года. Я вытащила блокнот и ручку.

— Хотите списать? Не надо, подождите минутку.

Ребята нажимают какие-то кнопки, и вот уже из машины выползает серебристая бумажная лента, на которой отпечатана вся летопись гимназии. Научил машину писать по-русски Петер Фечо.

— Трудно было? — спрашиваю.

И он объясняет:

— Видите, каждая латинская буква состоит из отдельных точек. Чтобы получилась русская буква, надо эти точки перегруппировать. Вот я и составил такую программу, чтобы машина могла это сделать.

Признаюсь, мне, человеку, далекому от математики, было интересно общаться с этими ребятами. Привлекала их серьезность, уверенность в обращении не с учебными пособиями, а с настоящей, вполне взрослой техникой.

И я вспомнила свой девятый «А», нашего учителя физики. Он ходил в сапогах и в кителе. Никто не видел его с палочкой, но все знали, что у него протез. Он был ранен в конце войны. Где-то под Балатоном.

ПАРТИЗАНСКИЙ ДОКТОР

Я смотрела с горы Геллерт на расстилающуюся внизу панораму Будапешта, густо испещренного белыми мазками — зима нынче выдалась непривычно долгой, снежной,— и пыталась представить себе, как выглядел город сорок лет назад, когда советские солдаты дрались за каждую улицу, каждый дом... 13 февраля Москва салютовала войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов, освободивших Будапешт...

Я видела снимок, сделанный в те дни на улицах города,— воины Советской Армии раздают хлеб жителям столицы.

— Тогда русское слово «хлеб» знал каждый будапештский ребенок,— вспоминает Оттоне Гамбургер. Двенадцатилетней девочкой она попала в будапештское гетто. Ее бабушка умерла там, а мать не могла подняться от голода, когда дверь подвала открылась и солдаты с красными звездочками на ушанках показали, что можно выходить.

— Много дней мы ели только то, чем делились с нами советские бойцы,— рассказывала эта женщина.— Вкус солдатского хлеба не забуду, пока жива. Несколько лет назад, будучи в Москве, я купила буханку русского черного хлеба и поцеловала его. Ту буханку я привезла домой, в Будапешт, созвала детей, внуков и сказала им: «Этот хлеб спас жизнь мне и дал жизнь вам. Помните об этом! Всегда!»

Память о днях войны... Каждый, кто пережил те страшные и славные годы, хранит ее.

В книге С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны» есть фотография — группа венгров, перешедших на нашу сторону и сражавшихся в партизанских отрядах на Брянщине.

— Вот с краю на этом снимке я,— показывает Андор Кёрёши. Я встретилась с ним у него дома, в Будапеште, на улице Виранош.

Летом 1942 года безработного выпускника медицинского факультета гитлеровцы отправили в трудовой батальон, который строил укрепления в местечке Середина-Буда, это на границе Сумской и Брянской областей. Там Андор познакомился с учительницей Катей, партизанской связной. От него она узнала, что фашисты собираются расстрелять находившихся в заключении родственников партизан.

Ночью партизаны организовали нападение, освободили узников и, забрав раненых, двинулись в лес. С ними ушли сорок два венгра, в том числе и Андор Кёрёши. Узнав, что он врач, его направили в партизанский госпиталь, которым руководил Григорий Агабабян, начальник санитарной службы бригады «За власть Советов».

Оперировать он начал сразу же, как попал в отряд. Операционная размещалась в землянке, стены которой были обтянуты парашютным шелком.

— Знаете, что меня тогда поразило? У раненых бойцов я увидел книги. Толстой, Бальзак. Это когда каждая четвертушка бумаги для самокрутки была на вес золота,— вспоминает партизанский доктор.— Но самым большим открытием для меня было мужество советских людей, их поистине героическая способность переносить страдания, их непоколебимая вера в победу.

Доктор Кёрёши вспоминает, как у них кончились обезболивающие препараты. «Оперируйте, я потерплю,— обратился к нему боец.— Мне надо поскорей вернуться в строй».

Когда Андор первый раз после войны приехал на Брянщину, боевые друзья повезли его в лес, туда, где был партизанский госпиталь. К венгру подошел, хромая, какой-то человек и обнял его со словами: «Доктор, помните меня, вы спасли мне жизнь?»

И доктор вспомнил. В операционную внесли раненого. Взглянув на его ногу, Андор понял: без ампутации не обойтись, может начаться гангрена. Среди инструментов не было хирургической пилы. Пришлось простерилизовать обычную ножовку...

Целый год доктор Кёрёши врачевал партизан. А потом он организовал госпиталь в Суземке, который обслуживал целый район за линией фронта.

Среди наград у заслуженного врача ВНР Андора Кёрёши орден Отечественной войны I степени и венгерский орден Свободы.

— И вот эта книжечка для меня тоже очень дорогая награда,— доктор Кёрёши протягивает мне довольно толстенькую брошюрку карманного формата. Открываю наугад: «Как устроить крушение поезда с помощью клиньев» и рядом схема. «Как обезвредить мину», «Устройство гранаты» — тоже с рисунком-схемой. Да это же учебник, учебник партизанского дела! На обложке из грубой сероватой бумаги читаю: «Спутник партизана». Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» 1942 год. На титульном листе надпись: «Партизану Брянщины Андору Кёрёши от партизана Георгия Юдичева. 19.IX.1968 г.».

— Это подарок бывшего секретаря Брянского подпольного райкома комсомола. Я хотел бы через «Огонек» поздравить всех моих боевых друзей с великим праздником — 40-летием Победы.

Будапешт — Москва.

НА ТРЕТЬЕЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Монумент Освобождения на горе Геллерт * Ева Дебреи работает на «Орионе» * В венгерскую столицу пришла весна.

НА ЧЕТВЕРТОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Будапештский оперный театр недавно отпраздновал столетний юбилей * Танцует дьерский балет * Певица Этелька Чавлек известна еще и как мастер керамики * Сцена из оперы Ф. Эркеля «Банк Бан».

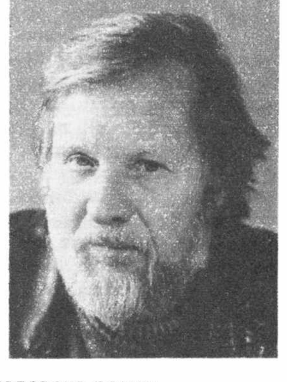
Д. Сикейрос. ПОРТРЕТ ХОСЕ КЛЕМЕНТЕ ОРОСКО. 1947.

Д. Сикейрос. РОСПИСЬ БИБЛИОТЕКИ В ШКОЛЕ «МЕХИКО». Фрагмент. 1941—1942.

Предчувствия

Алексей МАРКОВ

Всему свой срок, всему начало...
Чуть воцарились мир и тишь,
Нужда страны его послала
В край, где мадам Кюри блистала,
В столицу физиков — Париж.
Ночной Париж! Великолепно
Писали о твоей душе...
Едва ль свою внесу я лепту
В то, что написано уже!
Но обойти молчаньем Сену,
Почти как Волгу обойти!
Ведут на Сену непременно
Моих героев все пути.

Сегодня русский академик
В последний раз пришел сюда.
Фонарь. Гранитные ступени.
Мерцает темная вода.
И запах мокрого каната,
Гниющей тины запашок —
Все это вспомнится когда-то,
В душе разбередив ожог.
Огни, огни в зеленой Сене,
Сады в воде отражены,
От старых башен пляшут тени,
Им снятся радужные сны...
Глядят в ночную Сену окна,
Домов причудливая стать,
В сентябрьской мороси измокнув,
Качается лодчонок рать.
А над земною красотою —
Краса сияющей звезды.
Париж любуется собою
В зеленом зеркале воды.
И отражение Парижа
Прекраснее, чем сам Париж:
Полуразрушенные ниши,
Давно не крашенные крыши
Ты в отраженье не узришь!

Балконы с выбитой решеткой,
Атлантов неказистый вид,
Угасший блеск кариатид
Вода с какой-то силой кроткой
Вам в первом блеске отразит...
Ничтожество, подонство жизни,
Архитектуры спешной вязь
Не навевают укоризны,
В воде вечерней отразясь...

— Деяний наших отраженье
Не так ли, госпожа Кюри,
Плоды трудов и вдохновенья
Нас краше, что ни говори!
Творенья разума людского,
Поделки человечьих рук —
Красивей нас, даю вам слово,
Мой дорогой, прекрасный друг!

...Остановились, помолчали,
На балюстраду опершись.
Мария вдруг не без печали
Сказала: — Вот, разводит жизнь...
Но вы и я не позабудем
Наш общий многодневный труд,
И близок час: на радость людям,
Разъятый атом запрягут.
И заработают турбины,
Впитав энергию ядра,
Земные тайные глубины
Откроют сундуки добра,
И вспыхнет ядерное солнце,
Глухие ночи осветив,
Ни нефть, ни уголь не придется
Сжигать, планету закоптив.
На свете чистота наступит
Пространства — воздуха, воды...
Водицы человек пригубит —
Спасибо скажет за труды!

...Как незатейливую сказку,
Кюри прослушав монолог,
Улыбку подавил Вернадский
И вымолвил, суров и строг:
— А что, коль плод ночей бессонных
Во зло земле употребят,
И станет в мире слез и стонов
Не меньше, больше во сто крат?!
Питает человека разум,
Но... не довел бы до беды,
Не стала бы гора алмазов
Дешевле, чем глоток воды!
Своей невиданною силой
Открытья привлекут убийц —
Поглотят черные могилы
Людей, зверье, траву и птиц?..
И не придется ли науке
Свое же детище проклясть,
Рожденное в трудах и муке,
Попавшее убийцам в пасть?!
Допустишь это — не посетуй,
Перечить не пытайся злу:
Для палачей законов нету,
Они тебя сожгут за это,
Твой гений обратив в золу.

А внуки скажут, что достоин
Ты этой кары. Кто ж еще?
Ученый — это тоже воин,
Его призвание такое —
Мир подпирать своим плечом!..

Кюри задумалась сурово.
Сомненья вспыхнули в душе:
Вдруг это джинн? А джинна злого
В бутылку не загнать уже...

Отрывок из поэмы «Вернадский».

ЗРИМАЯ ПАМЯТЬ

Иногда в разговоре приходится слышать о том, что коллекционирование значков — фалеристика — дело, мол, несерьезное. В ответ я всегда привожу высказывание Гете, заметившего однажды, что коллекционеры — счастливые люди. Могу сослаться и на собственный опыт: каждый из значков (а их в моей коллекции свыше двенадцати тысяч) подарил мне не сравнимую ни с чем радость увлекательного поиска и открытия, чувство сопричастности с великими событиями. У меня много знакомых собирателей, и поэтому хорошо знаю, как велико познавательное, воспитательное значение коллекций, эстетическое воздействие значков. Многие из них являются настоящими произведениями искусства.

Свое название фалеристика берет начало от латинского слова «фалер» — так именовались металлические украшения, служившие воинскими знаками отличия в Древнем Риме. Это сравнительно молодой вид собирательства, ему не более двух веков. Свое второе рождение у нас в стране он получил в 1957 году, когда в Москве проводился VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Этому событию посвящено более семисот наименований значков, выпущенных многотысячными тиражами. Ныне коллекционирование металлических миниатюр (а бывают значки из пластмассы, стекла, дерева, керамики и даже бумаги) обрело тысячи поклонников, в ряде городов действуют клубы и секции фалеристов. Порой, правда, они испытывают затруднение, когда дело касается помещений для встреч: ведь в отличие от любителей почтовых марок, объединенных во Всесоюзное общество филателистов, у коллекционеров значков нет своей организации. И все же много любознательных приходит на их выставки. Каких только коллекций тут не увидишь: «Лениниана», «Великая Отечественная война», «Москва — столица СССР», «Города-герои», «История автомобилестроения», «Морской флот», «Заповедники СССР», «Выдающиеся деятели науки и культуры», «Метрополитены страны»...

Первым советским значком является латунный жетон, документально подтверждающий дату свершения Великой Октябрьской социалистической революции. На лицевой стороне его, в центре, изображены два перекрещивающихся флажка и тут же слова: «Да здравствует свобода. 25.X.1917». Флажки покрыты красной эмалью, и на каждом надпись «РСФСР». На оборотной стороне текст: «Да здравствует власть рабочих и крестьян». С этим жетоном связано много тайн — неизвестно, кто и где его изготовил, хотя есть основания считать, что появился он в начале 1918 года.

Первый значок, посвященный полету Юрия Алексеевича Гагарина, коллектив московского завода «Победа» сделал за два дня и первый экземпляр с дарственной надписью отправил в адрес космонавта.

Истинный собиратель может много рассказать о каждом экспонате своей коллекции. Мне как офицеру Советской Армии ближе всего значки, в которых отражена героическая история Вооруженных Сил СССР, ратный подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны. Именно этим темам посвящена моя коллекция «На страже мира и труда стоят часовые Отчизны», начало которой два десятилетия назад положили два значка «Город-герой Севастополь».

Сейчас в моей коллекции есть разделы «В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы», «Страж морских рубежей Отчизны», «Боевые награды Родины», сотни значков посвящены Великой Отечественной войне. Первые такие сувенирные значки появились в начале шестидесятых годов в связи с двадцатилетием битвы на Курской дуге и боев за Днепр. На значке с надписью «Курская битва. XX лет» изображена фигура воина, указывающего рукой путь танку, самолеты и контуры знаменитой «катюши».

Значки военной тематики выпускаются в Москве, Ленинграде, Волгограде, Бресте, Киеве, Одессе и других городах-героях. Для миллионов людей, посещающих эти места, они становятся сувенирами.

На четвертой обложке «Огонька» представлена небольшая часть моего собрания. На многих значках изображены памятники героическим защитникам Ленинграда, воинам и партизанам в Брянске, в Подмосковье, ансамбль-мемориал на Мамаевом кургане, застывшие на вечной стоянке боевые катера, танки, самолеты. К 100-летию со дня рождения Д. М. Карбышева появился значок с его портретом. «Никто не забыт и ничто не забыто»,— читаем на значке с портретом Олега Кошевого.

Традиционными стали выпуски, посвященные празднику Победы — 9 Мая. Два значка с датами «1945—1985» и орденами Отечественной войны, выпущенные к 40-летию Великой Победы, представлены в сегодняшней подборке. В числе первых они пополнили коллекции фалеристов.

В. ГОНЧАРУК,
подполковник медицинской службы

...В семье растет подросток. Через пятнадцать лет сегодняшние 12—14-летние мальчишки и девчонки вступят в новый век. Они придут в него сложившимися людьми. Но какими!

Подростковый возраст сложный, часто его называют переходным, иногда даже опасным. Каждая семья желает, чтобы сын или дочь выросли настоящими людьми, с чувством собственного достоинства, честными, трудолюбивыми. Но почему-то одному мальчишке стыдно просто сидеть на родительской шее, в то же время его сверстник отказывается от самой простой работы. Для одних ребят стало потребностью помогать пенсионерам и инвалидам, а другие не слышат чужого горя, и нравственная глухота перешла у них уже в черту характера. Нет ли нашей, родительской вины в этом! А если есть, то как ее избежать!

Мы задаем эти вопросы не случайно. Редакционная почта часто приносит письма, авторы которых озабочены затянувшейся инфантильностью детей, их нередким желанием только получать, ничего не давая взамен.

Сегодня, открывая рубрику «Внимание — подросток!», мы публикуем два письма, на наш взгляд, небесспорных, и просим вас принять участие в разговоре на страницах журнала, поделиться вашим собственным педагогическим опытом, советами, наблюдениями.

ВНИМАНИЕ — ПОДРОСТОК!

КОГДА ПО ЛАВКАМ НЕ СЕМЕРО...

До поры до времени семейные заботы, связанные с воспитанием сына, как я теперь считаю, были довольно легкими: вовремя отвести в детский сад, накормить, постирать, почитать, проверить уроки и т. д. Но вот сейчас нашему Максиму 14 лет, и каждый день он заставляет нас решать головоломки.

Расскажу для начала о семье. Я инженер, работаю каждый день, муж — научный сотрудник со степенью, и не с самой низкой. Максим учится в восьмом классе.

Первую задачу, которая не имела решения, он задал год назад. Как-то рано утром, еще до моего ухода на работу, раздался телефонный звонок. Неизвестная женщина представилась начальником отделения связи и начала осторожно расспрашивать о нашей семье. После моих ответов голос ее стал жестким, раздраженным:

— Не понимаю, неужели вдвоем не можете прокормить одного мальчишку. Зима, холодно... Газеты и журналы разносят ни свет ни заря... Сначала я решила: у вас, как говорится, семеро по лавкам. Оформим кого-нибудь, думаю, а он пусть работает. А тут выясняется...

Она долго еще отчитывала меня, говорила, что руководствуется лучшими чувствами и как это не стыдно посылать мальчишку просить работу.

Пришла на службу и, как всегда, поделилась случившимся. Меня убеждали, да я и сама была уверена, что Максим нисколько не опозорил нашу семью, как считала начальница отделения связи. Однако чего же ему не хватает? Почему он все сделал тайком? Для чего ему понадобились деньги? Возраст, сами понимаете, опасный. О звонке мы с отцом Максиму решили все-таки не говорить — понаблюдать...

А весной — новое дело. Максим принялся обивать пороги здания, в котором разместилась администрация зоопарка. Получив отказ в отделе кадров, часами ждал директора зоопарка. И надо сказать, добился аудиенции, но безрезультатно. Ему объяснили, что подростков на работу не берут, что это запрещено законом и вообще они, мальчишки, забывают о существующих правилах техники безопасности — народ-то они рискованный и, следовательно, ненадежный. А потом — как оплачивать этот труд?

Рассказывал он нам дома об этом довольно толково и связно. Сын хотел провести хотя бы один летний месяц не на даче или в пионерском лагере, он хотел работать и работу выбрал себе не самую легкую — мыть аквариумы, клетки чистить, дорожки подметать. Работу выбрал по душе, так как любил животных и начал увлекаться зоологией. Это с одной стороны. С другой же — он хотел получать за нее деньги. Как и зимой, когда устраивался на почту.

И мужа, и меня снова встревожили эти не полученные им деньги, которые, как мы считали, ему были не нужны. После откровенного и серьезного разговора выяснилось, что у Максима побуждения и намерения были самые добрые, он не хотел висеть как «медаль на шее», им руководило желание быть самостоятельным, попробовать жизнь, узнать цену деньгам. Должна заметить, что дома лишних денег он не выпрашивает да и от нас не получает.

Но «попробовать жизнь», узнать, что такое труд, сыну так и не удалось, хотя мы с отцом пытались помочь ему устроиться на работу.

И вот тут я подхожу к главному вопросу. Правильно ли это, что здоровый, физически крепкий 14—15-летний парень даже временно не нужен никакому производству, предприятию, организации? Не нужен только из-за того, что, как мне настойчиво объясняли, в нашем государстве нет эксплуатации детского труда и по законодательству оформляют на работу с шестнадцати лет. И еще из-за того, что кто-то не хочет за него отвечать, не знает, как оплатить его труд. Подросток — значит, не положено, значит, лучше не связываться.

А как же «души прекрасные порывы»? А как же трудовые ориентиры юношества, о которых мы сейчас, особенно в связи со школьной реформой, так много пишем?

Заключая свое письмо этими вопросами, я хочу сказать, что сыну мы все-таки нашли работу... в собственной квартире. Он моет окна, двери, полы, плиту. Скажете, что так и должно быть. Да, конечно. Но он получает за это деньги по расценкам фирмы «Заря». Деньги у сына уходят на аквариум и прочие его биологические увлечения...

Осуждаете? Не спешите с выводами. Примите информацию к размышлению...

С. ЗУБКОВА, инженер

Москва.

...ЛЕНЬ УЖЕ ВОШЛА В ПРИВЫЧКУ

По-моему, все знают, какая большая ответственность ложится на женщину, когда она одна воспитывает детей. Но сами матери эту ответственность чаще всего понимают неправильно.

Вот и я вижу, как моя соседка, в общем-то молодая 40-летняя женщина, бьется со своими девчонками. Хорошо, что не такие «крохи» они уже — старшей пятнадцать лет, младшей — двенадцать. Крутится, вертится, чтобы не только не хуже, а обязательно лучше, чем у других, было, чтобы безотцовщины дети не почувствовали, не попрекнули бы. Работу старается еще и на дом взять, устает, конечно. У девчонок чего только нет: и куртки модные, и платьица, и книжки, и билеты в театр достанет. Все бы это было хорошо, но я вижу, что доброта ее и бессонные ночи уже сейчас обернулись злом.

Помню, в прошлом году летом ее старшая, Марья, должна была отправиться с классом в Ставрополье—работать в школьной производственной бригаде. Так вот, Марья устроила дома такой скандал по этому поводу, что соседка моя срочно нашла справки и уважительные причины, чтобы оставить дочку дома.

— Наработается еще,— говорит.— Как знать, что ждет впереди. Я ведь тоже не рассчитывала, что моя жизнь именно так сложится...

А у дочек ее единственная заслуга, что хорошо учатся. Но, кроме уроков, делать ничего не хотят. Помощи по дому никакой, и я вижу, что лень у них уже вошла в привычку. Сейчас Марья только и говорит, что лето на носу, а она, видите ли, ни в Сочи, ни в Ялте еще не была ни разу. Младшая, Дарья, тоже за ней тянется. Как вечером ни загляну, только слышу: «Мама, мне нужно то, мне нужно это... Купи, дай...» Словно мать у них — кошелек, набитый деньгами. А вот о том, откуда у матери силы и здоровье берутся, ее красавицы сроду не спросят.

Почему я так близко принимаю к сердцу жизнь этой семьи? Потому что мне самой было двадцать пять лет, когда муж погиб на фронте и я осталась, как и моя соседка, с двумя ребятишками. Не буду писать, как было трудно. Но только теперь я поняла, что эти вот трудности, видимо, и помогли воспитать мне добрых и надежных помощников.

Т. КУЗНЕЦОВА, пенсионерка

Химки
Московской области.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

Московская организация Союза художников РСФСР выражает глубокое удовлетворение в связи с появлением на страницах журнала «Огонек» материалов, посвященных охране памятников истории и культуры. В частности, очень своевременна и важна статья «Решать не откладывая!» («Огонек» № 11) об охране домов на ул. Мясковского, представляющих собой часть бесценного культурного наследия Москвы.

Вопрос сохранения застройки исторически сложившихся районов Москвы чрезвычайно важен в условиях интенсивной реконструкции и реорганизации городской среды.

Поэтому широкая общественность Москвы очень заинтересована, если и впредь все актуальные проблемы сноса зданий и нового строительства в историческом центре Москвы будут освещаться на страницах вашего журнала.

Ответственный секретарь Правления МОСХ РСФСР заслуженный художник РСФСР
Е. П. ВАСИЛЬЕВ,
председатель Комиссии по охране памятников истории и культуры
Е. Г. КАЗАРЯНЦ

БЕРЕЖЛИВОСТЬ: РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ

ЭТО ВЫГОДНО КАЖДОМУ

По всей стране трудовые коллективы добиваются экономии материалов, сырья, электроэнергии, горюче-смазочных материалов. Известно, какой большой эффект дает использование вторичного сырья. Я обратил внимание на заметку «И на этом можно экономить», опубликованную в «Огоньке» (№ 20, 1984 г.). Речь в ней шла о том, что часто нерационально используется бумага. Неоднократно — и по телевидению, и по радио, и в периодической печати — отмечается, что необходимо беречь макулатуру, ценное сырье для целлюлозно-бумажной промышленности, что сбор ее — важное дело. А на практике? В больших городах люди заинтересованы в сдаче макулатуры. За нее можно купить редкие книги. А как быть тем, кто живет в маленьких городах, в селах? Сошлюсь на себя. От нашего поселка Ляличи до ближайшего приемного пункта макулатуры нужно ехать автобусом около сорока километров. За полгода у меня скапливается около тридцати — сорока килограммов бумаги, а девать ее некуда. И это лишь у меня одного. А у других?.. Некоторые выбрасывают в мусор ненужные газеты, журналы, тетради и т. д. Между тем многие охотно сдали бы макулатуру, будь тут хоть какой-нибудь приемный пункт, и особенно если появится возможность обменять ее на книги. Ведь это выгодно каждому! Почему бы в Уссурийске не создать разъездной приемный пункт, который бы, скажем, раз в месяц приезжал в окрестные деревни и села? Их у нас немало. Ведь сколько ценного сырья уходит на свалку.

Э. ТКАЧЕВ

Приморский край.

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Еду в поезде. Передо мною «Огонек» № 4 с материалом О. Петриченко «Человек у телефона». Подобную нервотрепку с телефонным разговором пришлось пережить и мне.

В Омске родилась моя единственная, моя первая внучка. Естественно, в телеграмме не передашь радость, охватившую меня. Решаю позвонить. В почтовом отделении Моревки покупаю талон, делаю заказ на три часа дня по московскому времени. И сразу отказ — только на 22 часа. Ну что ж, соглашаюсь. Вечером с мужем идем на переговоры, волнуемся. Ждем разговора. Безуспешно. Справочная отвечает, что такого заказа нет. Прошу в аварийном порядке восстановить заказ, на что получаю грубый ответ: «Не тратьте золотое время. Мы не на гулянке, не мешайте работать». Вновь набираю 0-07 и прошу настойчиво найти мой заказ, намекаю, что буду жаловаться старшей. В ответ львиный рев в трубку: «Не пугайте, не пугайте нас. Лучше не мешайте работать». Попыталась выяснить, кто со мной так «вежливо» беседовал, безуспешно. А время между тем подошло к полуночи. Сутки потрачены впустую. На следующий день беру билет на поезд и еду в Омск. Так, вместо того чтобы поговорить пять минут, еду за тридевять земель, а точнее, за 3,5 тысячи километров.

Подобная «культура», к сожалению, еще нередка в так называемой сфере обслуживания. Создается впечатление, что руководство со своими кадрами не работает, не воспитывает, не требует, а наши жалобы — вопль вопиющего в пустыне.

М. К. ГЕНБАЧ

Краснодарский край, п/о Моревка.

О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ И ЛЮДЯХ ПЛОХИХ

Я получила тревожную телеграмму из Крыма, где в селе Буревестник проживают мои родители (их фамилия Бабик) и два брата. Сообщают, что тяжело заболела мама. Я, конечно, помчалась к ней. Оказалось, что мама в больнице и ей уже значительно лучше. Много внимания и заботы проявили к ней лечащий врач А. Е. Грищенко, сестры, нянечки, весь медперсонал Нижнегорской больницы. Чего не могу сказать о местной поликлинике. Заболел старший брат, за ним младший, потом и я. Грипп проходил у всех с температурой 39—40 градусов. Решили поехать к врачу на прием посоветоваться, младший был совсем плох и остался дома. Там самозапись, что само по себе удобно, но когда больных слишком много, все ближайшие дни оказываются заняты ми. Так что уехали ни с чем. Брат оформил отпуск за свой счет и занялся самолечением. А младшему все хуже. Я еще раз пошла в поликлинику, попросила прислать врача на дом, на что получила ответ: «Все уже в разъезде. Врачей не хватает для детей, а вы со своим взрослым». Вызвать «Скорую» тоже не удалось. «Одна машина на весь район»,— ответили из окошечка. В результате сосед на своих «Жигулях» отвез брата в больницу, но уже с запущенным двусторонним воспалением легких. В приемной мы просидели три часа, за которые выслушали в свой адрес много всяких упреков! «Почему без направления? Ехали на машине, могли бы завернуть в поликлинику, сходить на прием к врачу, теперь мы не сможем оформить ему больничный лист». И множество еще подобных рекомендаций... Я сказала, что у больного температура 40 градусов, а ближайший прием участкового только через три дня. «Скорая» в сельской местности может приехать дня через три-четыре, тем более к терапевтическому больному.

Н. СЕРГЕЕВА

Коломна, Московской обл.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Публикуя письмо читательницы М. К. Генбач, редакция, конечно, не надеется, что руководство почтового отделения Моревки оплатит ее вынужденное путешествие к дочери за тридевять земель. Но, полагаем, оно напомнит своим работникам недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по укреплению материально-технической базы и развитию услуг телефонной связи, предоставляемых населению в 1986—1990 годах и в период до 2000 года», напомнит об их прямых обязанностях и строго накажет виновных.

Думается, что и вторая жалоба — читателя Н. Сергеевой из Коломны не останется без внимания. Заведующий Нижнегорской поликлиникой В. В. Пешков, главврач Е. А. Авдейчик, от вас редакция ждет обстоятельного ответа о принятых мерах к виновным в безразличном отношении к больным.

ПИСЬМО НЕ ОПУБЛИКОВАНО. МЕРЫ ПРИНЯТЫ.

«Участник Великой Отечественной войны К. А. Таланов является инвалидом по общему заболеванию, неоднократно проходил освидетельствование, и в зависимости от состояния здоровья ему устанавливалась группа инвалидности (в разные годы это были и вторая, и третья, и первая группы). В своей жалобе К. А. Таланов не согласился с последним заключением автозаводской ВТЭК и был еще раз переосвидетельствован в областной ВТЭК, вторая группа инвалидности подтверждена.

Сообщаем, что К. А. Таланов проживает в изолированной однокомнатной квартире со всеми удобствами. Ему как участнику войны предоставлена возможность по заказу получать продукты на дом без дополнительной оплаты за услуги. Пионеры установили над ним шефство. Путевка в санаторий будет выделена автозаводским райсобесом во II квартале 1985 года.

Секретарь Горьковского горкома КПСС
А. СОКОЛОВ».

«В ответ на жалобу ветерана войны В. Ф. Шальнева сообщаем, что Управлением бытового обслуживания Киевского горисполкома дано указание тресту «Киевбытремстрой» принять заказ на ремонт паркетных полов в его квартире в самое ближайшее время.

Зам. нач. Управления бытового обслуживания населения
Л. Е. ПРОМЫСЛОВ».

Киев.

«В связи с ходатайством председателя Президиума Совета ветеранов радистов-партизан полковника в отставке тов. Маслакова об улучшении жилищных условий ветерану войны А. В. Копачевской сообщаем следующее.

Проверкой установлено, что А. В. Копачевская ранее проживала в однокомнатной квартире в Красноярске. В 1979 году, оставив свою жилую площадь, переехала к дочери и была прописана в доме, на правах частной собственности принадлежащем ее зятю. Вскоре А. В. Копачевская попросила ее поселить отдельно, и ей была предложена комната площадью 18,9 квадратного метра в трехкомнатной квартире, от которой она отказалась.

В настоящее время решением Томилинского поселкового Совета народных депутатов тов. Копачевской как участнику Великой Отечественной войны предоставлена отдельная однокомнатная квартира по ул. Гоголя.

Секретарь Люберецкого горкома КПСС
К. КАЛИМАНОВ».

«Жалоба жителей дома по улице Фр. Энгельса о плохом отоплении рассмотрена.

Горжилуправление совместно с предприятием «Калугатеплосеть» приняло необходимые меры и обеспечило нормальную работу системы отопления в доме.

Заместитель председателя Ленинского райисполкома г. Калуги
С. АСТАХОВ».

См. стр. 22—23.

Игра

все произошло?— спросил требовательно Валентин.— Ты ни в чем не сомневался?

— Никогда и ни в чем,— ответил Крымов.— Когда я увидел ее в первый раз, на меня нашло какое-то безумие. Что-то вроде дурмана... И не улыбайся, сын. Это так.

— Отец, ваше поколение было счастливым. Вы знали, чего хотели.— И Валентин возбужденно поерзал.— Отец, я не за тем к тебе пришел, извини, я не за советом. Я как-нибудь сам...

— Так будет лучше, Валя. И знаешь, тот дурман не прошел у меня до сих пор.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В то новогоднее утро они последними вышли на крыльцо в жестокую стужу сугробного замоскворецкого дворика.

Вокруг заиндевелых лип розовел морозный январский воздух.

Он стоял внизу, у крыльца, и в игривой безнадежности протянул ей руку, помогая сойти, сказал не без ободряющей наглости:

— Держитесь крепче, дама моего сердца. И все будет в порядке, если я не умру на дуэли.

Она изо всей силы сжала его руку, но не сошла по ступеням до тех пор, пока не замолкли во дворе удаляющиеся голоса, смех, скрип снега за воротами. Подняв голову, она смотрела на него, и тонкие у́гольные брови ее изумленно круглились.

— Что значит «все будет в порядке»? И что за рыцарские пошлости — «дама моего сердца»? По-моему, вы начитались романов Вальтера Скотта!

— Но вы действительно дама моего сердца, черт возьми!

Весь вечер он не мог понять, что именно неотразимо притягивало в ее лице, и только сейчас, в свете ясного стеклянеющего утра ошеломленно увидел: у нее были мягкие, бархатные, с нежной косинкой глаза и чуть полноватые губы, готовые к радости.

За столом она сидела напротив него, мелкими глотками отпивала вино, держала бокал застенчиво и раз спросила его плавным голосом: «Вы такой невесе-елый — вам здесь скучно?» Перебарывая неловкость, он пробормотал студенческую остроту: «У меня бабушка корью заболела»,— и хотел придать начатому разговору непринужденную легковесность. Но, случайно повернувшись, увидел в зеркале чье-то напряженное, красное лицо и не сразу узнал себя, поражаясь своей безграмотной неспособности поддерживать застольный разговор в компании гражданских. И тут он разозлился на собственную неуклюжесть, выпил с отчаяния сверх меры и, поднятый головокружительной волной, принялся острить без стеснения, произносить тосты, опрокидывая на столе рюмки полой недавно купленного, заменившего гимнастерку пиджака. Она же, удивленная, посыпа́ла солью скатерть и весело говорила, что Новый год напоминает древний праздник Диониса и проливать вино — ритуальное священнодействие.

Ровно в двенадцать часов, дурачась, под хлопанье пробок от шампанского он по-солдатски закричал «ура», после чего в порыве новогодних чувств начал обходить стол, чокаясь, говоря каждому поздравительную чепуху, потом остановился возле нее, сказал с бедовой решительностью: «Горько!» — и в обморочном шутовстве поцеловал ее дважды, а она не успела опомниться, запротестовать, лишь сказала шепотом:

— Что за «горько»? Вы с ума сошли! — И, краснея, добавила со смехом: — Просто чудак какой-то!

А когда отодвинули стол и зашумела танцевальная толчея, он сел на диван, в багровую тень абажура, закурил и, вспотев от волнения, увидел, как неаккуратный, растрепанный, с хмельным лицом парень подошел к ней и пригласил танцевать, однако она взглянула на парня мельком и отрицательно покачала головой. «Молодец! — подумал он.— Ну хоть на секунду взгляни на меня, я не такой уж плохой, честное слово». В это время ее позвали, и она, обдав ветерком, запахом платья, прошла мимо дивана, где он курил. Она, должно быть, ощущала, что он, глупо расплываясь, смотрит ей вслед, потому что обернулась, повела в его сторону спрашивающим взором и пожала плечом.

Он был молодым человеком заурядного облика, поэтому нередко испытывал боязливую ревность, глядя на красивых женщин, встречавшихся на улице или в компании, а когда находил в их внешности какой-то недостаток (несколько длинноватый нос, слишком широкие бедра, не вполне прямые ноги), он с успокаивающей иронией думал: «Значит, образцов прекрасного нет и среди них». Но тогда целую ночь он не узнавал себя, подхваченный дерзостью балагура, смелостью отчаяния, секундно страшась, что туман вот-вот рассеется, и мигом проявятся ее несовершенства, и все станет явным обманом.

Сойдя с крыльца, как только затихли смех, визг снега, голоса за воротами и дворик опустел, розовея в январской заре, они оба стояли, не понимая, что произошло; вокруг зимнее утро, пустота неба с бледным, нетающим месяцем, ледяной пар, сугробы спящего Замоскворечья — неужели кончился ночной дурман, веселая кутерьма в этом уютном деревянном домике и надо было возвращаться ему в студенческое общежитие, ей домой куда-то на Остоженку?

— Вы произнесли какую-то глупость,— сказала она.— Не заметили?

— Совершенно верно. У меня это бывает. Хоть отбавляй.

Ее пальцы ждуще шевельнулись в его руке, и глаза с косинкой коснулись улыбкой его зрачков.

— С Новым годом! А где ваш приятель с патефоном? Помните, как все было смешно и неправдоподобно?

— Я вас увидел вот тут, во дворе,— ответил он и, едва слыша ее голос, поплыл в темной глубине ее бархатных глаз, вспомнив, как они с другом ввалились в маленькую переднюю, отфыркиваясь, отряхиваясь, внося в тепло студеность снежного московского вечера, а она, случайно встретившаяся им во дворе, тоже оживленная, снимая ботики подле вешалки, рассказывала кому-то: «Смотрю, две фигуры топчутся около сараев, за ручки дергают. Спрашиваю: вам куда? Мы, отвечают, в каком номере дома? Заблудились, бедненькие. Вот привела вам гостей!» И его друг, аспирант Горного института, душа парень, ухажер, со словами «спасительница наша» находчиво и храбро бросился перед ней на одно колено, по-гусарски ловко помог стянуть ботик, и это рассмешило ее.

— Все было смешно,— повторила она, не отводя глаз от его зрачков, и тихонько высвободила руку.— Вы немножко пьяненький, но вы хотя бы помните, что сказали тогда в передней?

— Наверняка...— ответил он, по-прежнему не в силах до конца сообразить, о чем она спрашивает.— Наверняка напорол...

— Вы тогда сказали: «Тут черт-те что, сам черт ногу сломит в этих дворишках с сугробами! Вот встретили два дурака красну девицу, жар-птицу, и даже не познакомились!»

— Я так сказал?

— Вы еще добавили: «Вот музыку принесли. Один патефон для двух компаний».

— О, жуткий глупец! Непроходимый болван! Пень стоеросовый с глазами!

— Что вы, наоборот, было хорошо! Вы просто сказали от смущения,— возразила она и оглядела дворик, где они стояли одни посреди огромных сугробов, на которых лежали краснеющие пятна.— Кажется, нам надо идти...

— Ну не идиот ли! — проговорил он, зажмурившись, и вообразил весь вечер и себя, развязного, острящего, самоуверенного, и стыд захлестнул его: ведь она слышала его невыносимое ерничество. («Вы х о ч е т е шампанского?» Он ходил вокруг стола с бутылкой и говорил: «Хочете или не хочете?» На него смотрели в ожидании каламбура, но каламбура не получилось. «Что вы хочете этим сказать?» «А что вы хочете?») «Так что со мной случилось? Я как в дурмане, как будто выпил сладкой отравы, хотел понравиться ей, и во мне сломался какой-то винтик».

— Я был пьян,— выговорил он виновато.— И вы должны меня ненавидеть...

— О чем вы? — изумилась она.— Вам нравится снег? Падающий снег перед Новым годом?

— Н-не понимаю...— пробормотал он.

— Что ж здесь понимать? Идет снег, горят фонари, а вы около сараев топчетесь с патефоном и вдруг встречаете жар-птицу — пожалуй, это уже интересно! И вы тогда не были пьяны. И был канун Нового года. А сейчас мы другие. Мы постарели на один год. Вот и все. Проводите меня до автобуса. А жар-птицу вы не поймали...

Она спокойно, дружески погладила рукав его шинели и пошла к воротам по заледенелой тропинке, чуть волновалась над ботиками меховая оторочка ее узкого пальто с пелериной. Он тупо двинулся за ней. «Вороне как-то бог послал...» — завертелось, застучало темными молоточками в его голове при виде плавного, ритмичного колебания ее пальто, и он даже не поверил недавнему бесстыдству собственных плоских шуток, пошлому крику «горько!» и тому двоекратному поцелую в щеки, вызвавшему у нее испуг (она прикусила губы, точно от боли). «И это я, солдафон, наглец, полез с дубовой рожей в райский сад! Ха-ха, кавалеро!..»

— Спасибо. Здесь я сяду сама. А вам, по-моему, на трамвай. Вон там, видите, остановка? Как мне повезло — автобус идет!.. А утро какое чудесное! Наверное, такие холода бывали в семнадцатом веке. Представляете, резные хоромы, дымок из труб, окошки угольками горят на заре и галки над куполами церквей, как сейчас. Чудесно!

— Сейчас?.. Вы сейчас уедете на автобусе? А на улице без единого прохожего, еще ранней, еще опустошенной новогодним праздником, утро стыло в морозном пару, в крупном мохнатом инее на проводах, в лиловой мгле заваленных снегом подворотен, над малиново рдеющим куполом полуразрушенной церкви висел, истаивал прозрачной пластинкой месяц, там хаотично, черно, тревожно вились галки, звонко щелкали в прокаленном воздухе, и этот древний звук тоской разрывал ему душу.

— Подари мне на прощанье блеск твоих чудесных глаз, предстоит нам расставанье, мы на запад уходим сейчас...— пропел он дурашливо, сдвинул армейскую шапку на затылок, будто желал сделать веселую выходку деревенского парня, и, сдернув перчатку, протянул руку.— Ну, давайте пять! Ваш автобус! Покеда! («Что я говорю? Бред! Безумие! Я просто свихнулся!») Подари мне на прощанье...— опять фальшиво пропел он в безнадежности стыда оттого, что она не подавала руки, покусывая нижнюю губу аккуратными, ослепляющими зубками.— Подари мне на...

— Пожалуйста, подарю, только перестаньте,— прервала она и поднятыми глазами с презрительным сожалением обвела его глупо оживленное лицо.— И уходите, уходите быстрей, несчастный!..— договорила она и повернулась спиной, быстро сошла с тротуара на мостовую навстречу автобусу с бело заросшими инеем стеклами, хрустевшему колесами по льду.

— Постойте! — крикнул он, и в горле сорвалось, он задохнулся, но сейчас же вскочил следом в распахнувшиеся с треском двери холодного, почти пустого автобуса (трое пассажиров дремотно ежились на разных сиденьях), вырвал из кармана шинели мелочь, бросился к кондуктору, толсто закутанному в тулуп.— Два билета! Один мне на память! — выговорил он в исступлении и наклонился к ней, уже севшей на скрипучую обивку бокового места, заговорил четко, дерзко, самонадеянно: — Если вы не дадите мне свой телефон, то я опять поцелую вас... при всех! Вот здесь. Знайте, что вы против меня совершили преступление! Если бы я вас не увидел...

— Уходите же, уходите, клоун несчастный...— проговорила она с гадливостью и, прислонясь головой к заиндевевшему стеклу,

неестественно засмеялась: — Да что вы делаете? Какое несчастье!..

— Я прошу ваш телефон!—умоляюще крикнул он, не обращая внимания на недоуменно уставившихся пассажиров, и, вроде бы из тумана поймав ее голос, выскочил из автобуса, ударенный по плечам сдвигающимися створками двери.— Кажется, она сказала номер, или мне послышалось... Записать, записать,— бормотал он полоумно, прикладывая автобусный билет к фонарному столбу, и огрызком карандаша записал номер.— Или показалось мне?

Он стоял один на мостовой, отупело глядя на завивающийся по снегу дымок автобуса, и студеным воздухом сдавливало дыхание.

Целую неделю длилась непрерывная мука, он пытался понять и не понимал, что происходило с ним, неясно осознавая будничную жизнь вокруг: появлялись и пропадали вблизи знакомые и незнакомые лица, проходили тенями фигуры профессоров в аудиториях, доносились откуда-то издали голоса студентов, звонки трамваев, звук его имени, порой окружала холодноватая тишина аудитории, где наискось лилось зимнее солнце, отражалось на столах, шуршали страницы, затем вместо обеда обжигало водкой в забегаловке, наконец зажигались огни и возникали окна, задернутые занавеси, подворотни, согнутые тела атлантов, подпирающих балконы с витыми чугунными решетками над старыми подъездами Остоженки. Здесь он ходил часами, подолгу всматривался в номера квартир, взбегал на этажи, неутомимо ждал на лестничных площадках, на углах и напротив арок во внутренние дворы, надеясь встретить ее, ждал терпеливо и упорно и, лишь продрогнув окончательно в метельные ночи, возвращался в общежитие по обезлюдевшим переулкам, подняв не согревающий воротник шинели, носом вдыхая мокрый молодой вьюжный воздух. «Я найду ее, найду ее!» Дурман того вечера и того морозного новогоднего утра не отпускал его, жег позором, стыдом, но одновременно и овладевал им подобно сладостной неизлечимой болезни, которая в желанном бреду приближала ее плавный голос, мягкий, слегка с косинкой взгляд, ее волнующееся над ботиками пальто с пелериной. И преследовала бесконечно повторявшаяся в ту ночь навязчивая мелодия песни «Подари мне на прощанье...», и заезженное шипение патефонной пластинки, и свой фальшивый голос, пропевший этот мотив на автобусной остановке. Но чаще всего он видел ее, прямо сидевшую на боковом сиденье, с изогнутыми бровями, розово освещенную утренним солнцем через мерзлое стекло, и ее неприязненный шепот проходил через него током: «Уходите же, уходите, клоун несчастный...»

Позднее он не мог бы логично и точно объяснить, каким усилием воли, какой одержимостью, какими изобретенными комбинациями телефонных чисел (номер, записанный на автобусном билете, не отвечал), каким ежевечерним изучением ворот и подъездов Остоженки он в конце концов нашел ее. И невозможно было бы объяснить, почему она согласилась пойти с ним в гости к другу, аспиранту-горняку, уезжавшему в командировку.

А скромная обитель его друга близ Таганки (комната и кухня) была в тот вечер сказочным царством тишины, невиданного блага, ошеломившего тем, что рядом была она, касалась натопленной голландки, оглядывала книжные шкафы, старинное трюмо,— и он опять почувствовал горячую волну ядовитого дурмана, хотя не пил ни капли, почувствовал, что сходит с ума, что сейчас начнет острить, шутить без разбору — неужели опять?

И он свистнул с насмешкой над собою, лег на диван, просунул под голову руки и, покорный, стал глядеть на нее с ребяческой завороженностью.

Она сидела в кресле, смотрела задумчиво чистыми темными глазами, а он в обезоруживающем безмолвии не мог представить, как набрался смелости поцеловать ее тогда, в Новый год, и после говорить всякую ерунду.

— Оля,— позвал он шепотом.— Ты хочешь, чтобы я умер?

— Послушай... кажется, ты сейчас не пьян?

— Не уверен. Оля, умру или от своей глупости... или оттого... что я не знаю, что со мной творится... Сядь ко мне на диван. Не бойся, ради бога.

Она пересела на диван, и снова, как в новогодний вечер, его лицо опахнуло мягким ветерком от ее движения.

— Погладь меня,— попросил он и зажмурился.

— Что?

— Погладь меня по голове.

И он взял ее руку, помня ждущее прикосновение вот этих легких пальцев три дня назад в замоскворецком дворике, провел по виску, по волосам, положил голову ей на колени, потерся щекой, чувствуя шерстяной запах плотной юбки, тепло сдвинутых коленей, таких округло женственных, таких страшных в своей близости, что сказал замирающим шепотом:

— Оля, у меня голова кружится, как на краю пропасти.

— Наказание какое! Ты офицер, у тебя пять орденов, а ты, как мальчишка...

— Оля... Хочешь, я умру на твоих глазах?

— Что ты делаешь? Зачем? — проговорила она и выпрямила спину, напряженно глядя в окно.— Зачем? Это какое-то несчастье...

А он молчал, все потираясь щекой о шерстяное тепло ее юбки, о ее колени.

За окном тихого царства этой комнатки на Таганке зимние сумерки все гуще наливались синевой, засветились первые огни, падал и падал неторопливый густой снег, заваливая переулок. Изредка под туманными фонарями проходил бесшумный троллейбус, сбрасывая с проводов фиолетовые искры, на далеком мосту медленно ползли уже по-вечернему светившиеся трамваи, звон их едва пробивался сквозь лениво текущую завесу снегопада.

Потом предупредительно постучали в дверь. Вошел его друг, в бурках, в пальто, с чемоданчиком, уложенным, по-видимому, на кухне (чтобы не мешать им), не зажигая света, кашлянул и, обычно настроенный на игривый разговорчивый лад, спросил чрезмерно прямо:

— Ты его любишь?

— Невыносимо дурацкий вопрос!— Она встала, свела брови.— А если да? А если нет? Что из того? Где у вас выключатель? Включите свет!

— Спокойной ночи. У меня поезд через час,— сказал друг, смущенно сощурясь на зажженный свет, и надел шапку.— Ключ остается. Желаю молодым счастья!

Он попятился к двери, доброжелательно и сочувственно кланяясь.

— Пока! До встречи, остряк! — крикнул Крымов и, вскочив с дивана, закрыл за ним дверь, постоял у порога, засунув руки в карманы.— Да, если да, и да, если нет,— проговорил он резко и через плечо взглянул полувопросительно.— Все равно ты будешь моей женой.

«Опять началось безумие! Опять дьявол вселился в меня!»

— Я? Твоей женой? Разве я могу быть женой странного и совсем непонятного человека?

Он сказал неподчиняющимся голосом:

— Ты еще увидишь, какой я странный, какой непонятный, но какой смелый парень! Знай, что я служил в разведке. Ты представляешь, что такое полковая разведка и что такое ходить в тыл к немцам?

— Пожалей, пожалуйста. Неужели ты хочешь победить меня, как в войну? Ты самолюбивый хвастунишка...

— Оля, милая, уезжай сейчас же, я знаю, тебя ждут дома! Уезжай. Так будет лучше. Иначе... («Опять, опять!..»)

— Спасибо. Я поеду. А что иначе?

— Иначе я ничего не смогу с собой поделать. Уезжай, я прошу тебя. Я люблю тебя. Я черт знает как люблю тебя!..

Он проводил ее до автобуса, потом долго топтался под фонарем, морщась, чиркал спичками, а поднявшийся меж домов ветер срывал, тушил огонек, мокрый снег налипал на сигарету. В ладонях, по-фронтовому сложенных ковшиком, он все-таки сумел прикурить, сделал затяжку, но снежный смерч с неистовой силой мстительно выбил жарок из сигареты, и тогда он впервые за много лет в бессилии заплакал. Он плакал со сладострастной злобой к себе, к этому неподвластному безумию, ко всему, что было связано с тем предновогодним роковым вечером и тем инистым утром в замоскворецком дворике.

Что это было — дурман или естественное состояние? Ему было ясно одно: он любил Ольгу без памяти, прежние случайные встречи с другими женщинами не вызывали того безумия, той ненасытной нежности, той постоянной неутоленности, какую он испытывал к ней.

Да, то было другое время, и они были другими, тогда начиналась незабвенная пора молодости.

Продолжение следует.

Петро МАХ

КАРАВАЙ

По стерне ходил мальчонка,
Колоски ища на поле...
А в глазах мальца — чудесный
Каравай душистый хлеба...
И просил малец у солнца:
«Погоди еще, не прячься,
Мама ждет меня, тревожась,
В нашей светлой белой хате...»
И представил, как из печи
Каравай достанет мама,
Теплый, розовый и круглый
И на солнышко похожий.
Будет всем сегодня праздник.
И соседей не забудем
Угостить пахучим хлебом...
...Но влетели на рассвете
Тупорылые машины,
Заклейменные крестами,
И огня стальные пики
В небо врезались и в землю...
...А малец бежит дорогой,
Колоски сжимая крепче.
Но его настигла пуля —
Чернота глаза сомкнула.
И споткнулся, и упал он.
Но еще во мраке видел,
Как катилось по дороге
Золотого хлеба солнце.

ПАМЯТЬ

Принимаю все к сердцу близко,
Путь свой меряю росной тропой.
По соседству живу с обелиском,
Словно ставшим моей судьбой.
Я к нему подойду,—
и снова
Отзвук боя в ушах прозвенит...
Наша память —
души основа —
Нам войну забыть не велит!

ДВЕ МАТЕРИ

Над озером белая чайка.
Над берегом — женщина в черном.
«Где птенчик мой?» —
чайка клекочет.
«Где сынку мой?»—
женщина плачет.
Знать, буря убила чаёнка,
Сыночка война погубила...
А матери поседели.

Перевел с украинского
Вл. СЕРГЕЕВ.

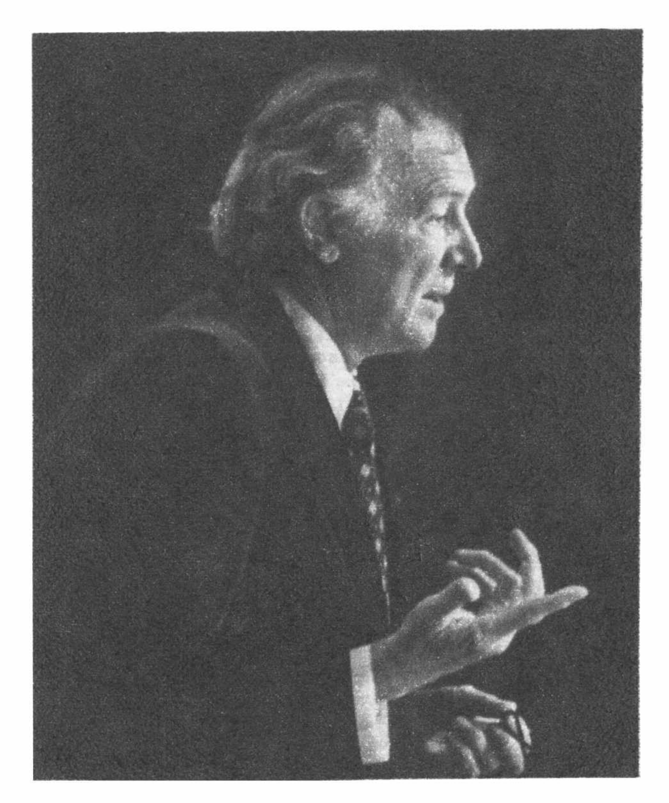

Фото В. Заболотских

Мир Смоктуновского

Народному артисту Советского Союза Иннокентию Михайловичу Смоктуновскому исполнилось шестьдесят лет.

Но писать полагающуюся в таких случаях юбилейную статью не хочется. Вряд ли и самому Смоктуновскому она доставит радость: известно, он почти не дает интервью, считая это пустой тратой времени, не любит распространяться о том, как складывалась его судьба в искусстве, полагая, что это только его личное дело и касаться других оно не должно.

Актеру всегда особенно интересно, когда говорят не о нем самом, а о его творчестве. Поэтому мы не будем сегодня подробно рассказывать о том, как семнадцатилетний Иннокентий Смоктуновский оказался на фронте, воевал, был в плену, потом бежал, снова воевал, после Победы работал в периферийных театрах до тех пор, пока судьба не свела его с Большим драматическим театром имени М. Горького, где ему была предложена роль князя Мышкина, прославившая его на всю страну,— Смоктуновский посвятил этому несколько страниц в своей книге «Время добрых надежд».

Поговорим о его искусстве.

У Иннокентия Михайловича Смоктуновского были роли, которые вошли в золотой фонд советского театрального искусства.

Прежде всего это князь Лев Николаевич Мышкин в «Идиоте» Ф. Достоевского, роль, после которой Смоктуновский «...и проснулся знаменитым».

На первых репетициях «Идиота» в БДТ Смоктуновский играл как-то застенчиво. Чувствовалось, что роль идет очень трудно, что ему не все дается даром и что есть минуты, за которые он платит дорогой ценой. Роль не получалась, и Смоктуновский несколько раз подавал заявления об уходе из театра. Это, между прочим, поступок: представьте себя на месте провинциального актера, который после пятнадцати лет напряженной работы на периферийной сцене вдруг получает возможность сыграть Мышкина в одном из крупнейших театров страны и вдруг добровольно отказывается от роли и укладывает чемоданы...

Через несколько дней после премьеры «Идиота» один из крупнейших советских ученых-литературоведов, профессор Н. Берковский, опубликовал рецензию на спектакль, в которой писал, что спектакль БДТ «с Иннокентием Смоктуновским во главе... будет особо отмечен в истории советского театра». Эти слова оказались пророческими.

Ах, какой это был Мышкин! Его не с кем сравнить, с ним трудно поставить кого-нибудь рядом. Кем был его Мышкин? Изгоем личного счастья? Меланхоликом? Или, может быть, просто... больным человеком, ведь Мышкин у Достоевского, как мы помним, часто говорит о своей болезни? Нет и нет. Смоктуновский выходил за рамки любых определений, но одно, пожалуй, можно сказать твердо. «У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире,— говорил Достоевский устами Версилова,— тип **всемирного боления за всех**». Мышкин—Смоктуновский олицетворял собой именно этот человеческий тип. Боление за всех — это свойство игры Смоктуновского, оно глубоко и проникновенно обнаружило себя и в последующие годы, когда он сыграл сначала царя Федора Иоанновича в трагедии А. К. Толстого на сцене Малого театра, а затем чеховского Иванова во МХАТе.

Царь Федор был сыгран Смоктуновским с глубочайшим трагическим содержанием. Смоктуновский заставил слушать именно царя Федора, только царя Федора, заслонив собой остальные персонажи спектакля. Может быть, у Смоктуновского в «Царе Федоре Иоанновиче» получилось не все, что он хотел, ибо известно, что в процессе работы он не раз вступал в принципиальную и глубокую полемику с режиссером. Но того, что получилось, достаточно, чтобы признать работу Смоктуновского выдающимся произведением сценического искусства.

Было бы, наверное, странно, нелепо пытаться разгадать Федора—Смоктуновского. Найти к нему ключ. Смоктуновский на каждом спектакле играл царя Федора поразному. Он, надо сказать, вообще не умеет раз и навсегда «сделать» роль, запомнить все найденные им же самим интонации, жесты, движения, мизансцены спектакля и механически «тиражировать» их из вечера в вечер. Даже для самого себя царь Федор — Смоктуновский очень часто был полной неожиданностью. В нем сочеталось несочетаемое. Он представал в спектакле как высшее воплощение человеческой сложности и глубины.

Третья, не менее важная работа Смоктуновского на сцене — роль Иудушки Головлева в «Господах Головлевых», спектакле Льва Додина, на сцене Московского Художественного театра. Это, безусловно, одна из лучших, если не лучшая интерпретация «Господ Головлевых» на отечественной сцене. В спектакле происходит любопытнейшее психологическое саморассмотрение героев. Расползаясь по миру, зло обрекает человечество на вымирание. Актер и режиссер видят в «Головлевых» своеобразный апокалипсис. Они читают роман Салтыкова-Щедрина глазами людей XX столетия. В современном мире, подчеркивает Смоктуновский, люди почему-то все более и более утрачивают простые человеческие привязанности и чувства. На смену человеческим отношениям иной раз приходят исключительно деловые отношения, и Иудушка у Смоктуновского в высшей степени деловой человек! А вокруг— трупы. Умирают братья, мать, сыновья. Зло не имеет границ: Смоктуновский играет безграничное зло. Один человек может уничтожить весь мир, говорит своей игрой Смоктуновский.

Еще и еще раз прислушаемся к этим словам.

Иногда кажется, что мышление Смоктуновского глубоко ассоциативно. Что рожденные ролью мысли лишь тогда делают Смоктуновского актером, когда оканчиваются чем-то вроде моментального проникновения в глубь человека или его жизни, сиюминутного эксперимента, отложить который ему не позволяют ни пытливый ум, ни легко увлекающаяся натура. Смоктуновский настолько внутренне богат, настолько предрасположен к решению хитроумных человеческих проблем, что каждая строчка роли способна вызвать в его мышлении цепь непрерывных ассоциаций. Работа его мысли целиком и полностью подчинена эмоциональным интересам. Он необыкновенно восприимчив. На репетициях все буквально схватывает с полуслова. Сразу начинает экспериментировать, предлагать варианты — один, другой, третий, и даже когда Смоктуновский останавливается на чем-то одном, нет никакой гарантии, что именно этот «вариант» он использует на спектакле. А не изобретет что-либо новое.

«Я всегда безропотно иду на поводу у драматургии... Стараюсь погрузиться, целиком уйти в нее. Позволяю ей себя гнуть, мять, терзать»,— говорит он в газетном интервью. При таком подходе к работе актер обычно не стремится пронести через всю свою роль какую-то одну, строго определенную идею. Часто ее просто не существует. Но... рождается образ, который почти невозможно создать актеру, наделенному жестким концептуальным мышлением, подчиняющим материал выражению одной, предельно конкретной идеи. «Художественный образ...— писал когда-то А. М. Горький,— почти всегда шире и глубже идеи, он берет человека со всем разнообразием его духовной жизни, со всеми противоречиями его чувствований и мыслей».

В том, что ассоциативность действительно накладывает свой глубокий отпечаток на мышление Смоктуновского, можно быстро убедиться, читая его статьи. Вот, например, маленький отрывок из его воспоминаний о раннем утре в ленинградской гостинице после первого гастрольного «Царя Федора»: «Общее настроение солнечного утра исподволь подтачивалось чем-то, от чего хотелось побыстрее уйти, не думать, освободить себя. Хотелось снова заснуть, чтобы предотвратить приход этой вползающей тоски, готовой вот-вот обернуться конкретным разящим горем. Что такое? Даже задохнулся. Неужто лишь оттого, что непривычно валяюсь в постели? Перевернувшись со спины на бок, стараюсь отогнать это ощущение из давно прошедшего детства. Было ли оно вообще, это самое детство? Нет, было. И вроде радостное, с темными родимыми пятнами тоски. И вдруг вспомнилось одно из них...» (разрядка моя.— А. К.) Вот так развертывается цепочка мыслей. Точно так же на сцене не-

ожиданно рождаются такие эмоциональные всплески, такая буря чувств или, наоборот, такая тоска во взгляде, страх и отчаяние в жестах актера, что эмоциональный эффект зачастую оказывается совершенно ошеломляющим. Смоктуновский играет, полагаясь исключительно на интуицию. Он не умеет планировать каждый свой шаг. Мысль лишь тогда имеет для него внутреннее значение, до тех пор «работает» на его роль, пока это не становится принципом обязательного воспроизведения, своеобразной «данью» каждому спектаклю.

Речь и мышление у Смоктуновского всегда разделены. Его речь не служит выражением готовой мысли. Слово Смоктуновского неконстантно. Оно изменяется (на каждом спектакле) в зависимости от функционирования мысли — беспрестанно изменяющейся. У Смоктуновского мысль не выражается, но как бы совершается в слове, «уходит» во внутреннюю речь, звучит исподволь, между словами.

Существует мысль о принципиальной невоплотимости «Гамлета». В мировой литературе нет, наверное, более противоречивого образа. Тем не менее почти все исполнители Гамлета стремились открыть в его характере, его судьбе некую дефиницию, главный, единственный мотив. Рождались интереснейшие актерские концепции. Они подробно изучены в театроведческой науке. Гамлета, каким его сыграл Смоктуновский, многие киноведы и театральные критики тоже пытались перевести на язык концепции. Некоторым это удавалось — и не без изыска. Но чувствовались откровенные натяжки. Концы с концами упрямо не сходились. Этого следовало ожидать. Смоктуновский играл так, что в каждой (или почти в каждой) сцене перед нами жил н о в ы й Гамлет. В отдельные минуты он менялся просто до неузнаваемости.

Когда-то Гете очень удивился вопросу Эккермана, какую идею он хотел выразить в «Тассо»: «Идею? Да почем я знаю. Передо мной была жизнь Тассо». Так и Смоктуновский: жизнь Мышкина, царя Федора, чеховского Иванова, дяди Вани, Герасима Порфирьича Маргаритова из «Поздней любви» Островского видится ему в сложном переплетении чувств, мыслей, поступков, которые не всегда связываются между собой единой логикой. В исполнении Смоктуновского каждый из этих людей — «одно из замечательнейших распутий русской жизни». Смоктуновский никогда не задавался вопросом, как в одном и том же человеке, в одном и том же характере может сочетаться то, что сочетаться не может: огромная воля, энергия, ум и — лень, да такая матушка лень, что переходит все границы (я говорю о его Федоре Протасове). Смоктуновский никогда не спрашивал себя, как, каким образом добро может соседствовать с бурными всплесками злобы и неизвестно вдруг откуда взявшейся решительности (царь Федор). Каждый из этих людей, его героев — человек. Когда Смоктуновский выходит на сцену, он невольно приносит с собой, дарит нам, зрителям, ощущение жизни. А это, наверное, в искусстве самое ценное.

О Смоктуновском, к сожалению, еще очень мало написано. А жаль. Он давно встал в первый ряд европейских актеров. Сложным, противоречивым, бунтующим предстает его портрет. И нередко — парадоксальным.

Что еще может желать критик?

А. КАРАУЛОВ

●

С Наталией Ильиничной Сац я знаком давно. В ней привлекает многое: широта знаний, глубина понимания искусства и то, что обычно принято называть эрудицией. Но сказать так о ней мало. Жизнь, необыкновенно насыщенная творчеством и созиданием,— пожалуй, главное, на что хочется обратить внимание читателя двухтомника Н. Сац «Новеллы моей жизни», вышедшего в издательстве «Искусство».

Как-то в разговоре Наталия Ильинична назвала свое детство «академией искусства». Читая книгу, убеждаешься в этом. Воздух родных стен, напитанный до предела темпераментом, фантазией и мелодиями отца—композитора Художественного театра Ильи Александровича Саца, посещения спектаклей К. С. Станиславского, личное общение с великими артистами Качаловым, Москвиным; участие в шуточных представлениях с актерами Художественного на природе — все это было ее «университетами»...

Революция призвала пятнадцатилетнюю Наташу служить ей ветелей социалистического искусства. Постановки Н. И. Сац тех времен отличались тщательной работой над художественным образом, выстроенностью драматургии и режиссерской смелостью. Я уж не говорю о личном обаянии Сац — сколько людей хотели с ней общаться, работать, просто познакомиться!.. Но и сама Наталия Ильинична всегда стремилась к расширению своего познания Человека, его возможностей, неповторимости. Новеллы об А. Эйнштейне, М. Меллановой нельзя читать без большого душевного волнения.

...Организация в годы войны детского театра в Алма-Ате, постановка опер в Казахском театре, каждодневная работа с детьми... Никто не мог отказать Н. И. Сац, если она просила выступить перед ними. Николай Черкасов, уставая после съемок «Ивана Грозного», безоговорочно подчинялся просьбе руководителя первого в Казахстане детского театра.

...Идет время. Наталия Сац снова в Москве. Снова в работе. Ей было пятьдесят лет, когда она окончила Государственный институт театрального искусства, а московские елки для школьников превратились при ее участии в яркие художественные события. Не забывая свое первое детище — Центральный детский театр, Сац вынашивает идею создания в Москве первого в мире музыкального театра для детей. И это ей удостоена высоких званий Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, народной артистки Советского Союза.

Хочется рассказать о взаимоотношениях Наталии Ильиничны с композиторами. Она так определяет их: «Подбрасывать поленья в костер авторского воображения».

Сила Сац — в умении разбудить в композиторе дремлющие творческие возможности. А. Н. Александров, Л. А. Половинкин, Т. Н. Хренников, Д. Б. Кабалевский — ее старинные единомышленники и соавторы. Отдельно хочется остановиться на создании вместе с Сергеем Прокофьевым музыкальной сказки «Петя и волк» — удивительно чистого, гармоничного, возвышенного и вместе с тем доступного для детей музыкального рассказа. Мы не перестаем удивляться его целостности и душевной щедрости авторов. Но как это было сочинено, как шли к этому творческому итогу режиссер и композитор — надо читать!

В новом здании Московского государственного детского музыкального театра на проспекте Вернадского ежедневно идут спектакли для юных зрителей. Этот театр в прямом смысле творение Наталии Ильиничны. Все заботы и тревоги, боли и радости при его строительстве превосходно описаны в книге. Н. И. Сац привлекла к работе над новым репертуаром молодых композиторов М. Минкова, Ш. Чалаева, А.

ОТКРОВЕНИЕ ТАЛАНТА

рой и правдой. Вчитываясь в страницы, посвященные первым трудовым и творческим опытам Н. Сац, поражаешься, с какой самоотдачей ворвалась в культурное строительство нового вчерашняя гимназистка и ученица музыкальных классов! Именно энтузиазм, осознанная необходимость творить новое, социалистическое искусство привели Наталию Сац к мысли о создании первого в мире театра для детей.

Интереснейшие музыканты, художники, артисты окружали театр, организованный и руководимый ею, и, подчиняясь ее воле (откуда такая целеустремленность и сила духа!), создавали для детей изумительные спектакли, где все работало на то, чтобы развить у ребенка художественный, эстетический вкус. Нельзя не напомнить о поддержке начинаний Сац со стороны Анатолия Васильевича Луначарского, подметившего в девушке то, что в свое время увидел Немирович-Данченко в ее отце: «Это был темперамент, точно родившийся для драматического театра, быстро воспламеняющийся и умеющий воспламенять других».

Талант, буйно расцветший в несколько лет, плюс незаурядные организаторские способности очень быстро выдвинули молодую женщину в число передовых деяется! Так же, как и в Казахстане военных грозных лет, в столице ее поддержали; было предоставлено здание, приглашены солисты, хор, оркестр. Начался новый виток жизни Н. И. Сац. За заслуги перед отечественной культурой Н. И. Сац

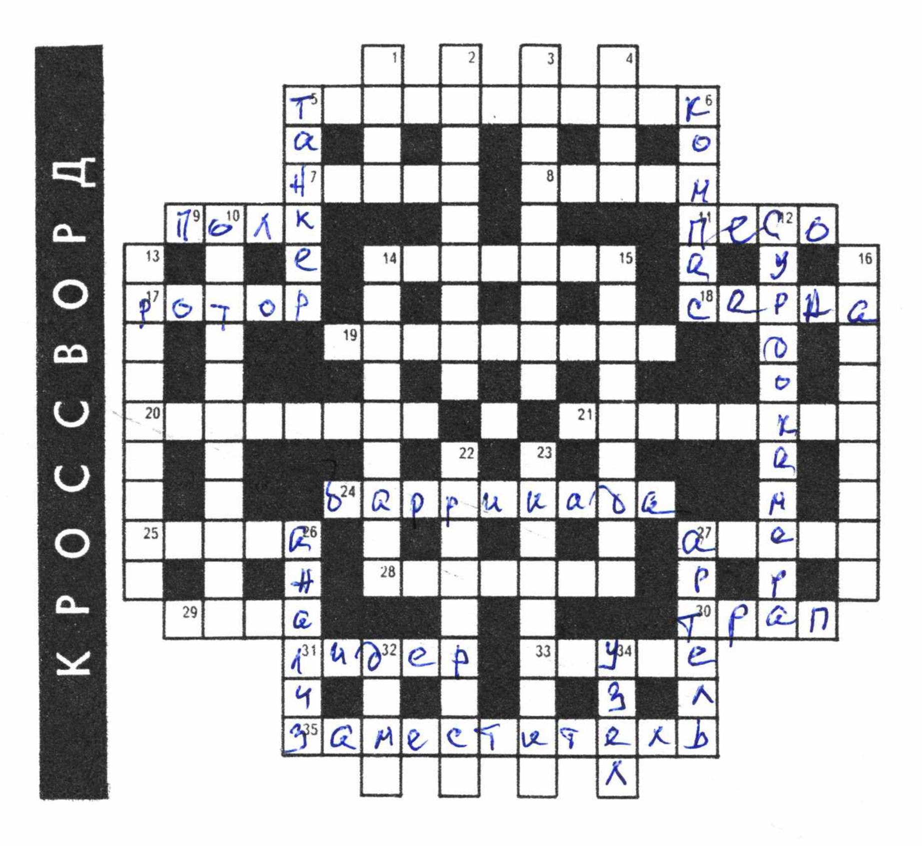

Чайковского... Все в театре происходит так, как мечтала Н. И. Сац: «Мне нужно, чтобы здание могло вместить дух творческих замыслов моих композиторов и мой тоже...»

...К. С. Станиславский и Н. К. Черкасов, С. В. Рахманинов и С. С. Прокофьев, Отто Клемперер и Галина Уланова, Куляш Байсеитова и Сергей Лемешев, а еще Эрвин Пискатор, Вальтер Фельзенштейн, Леонид Леонов и Игорь Ильинский, Михаил Кольцов, Евгений Вахтангов, Алексей Толстой, К. Паустовский и Л. Сулержицкий, И. Стравинский и Е. Ф. Гнесина — все вместились в книгу! В двухтомнике соседствуют классики русского театра и сегодняшняя творческая молодежь, виднейшие представители мировой науки и культуры и организаторы нашего государства, мастера русского слова и создатели советской музыкальной классики.

Книги прочитаны мною с редким наслаждением, наслаждением от встречи со светлой, живой мыслью автора, подлинным творческим огнем. Эти книги — откровение таланта, откровение художника и гражданина.

Александр **ФЛЯРКОВСКИЙ**,
заслуженный деятель искусств РСФСР

По горизонтали: 5. Промысловая рыба семейства карповых. 7. Дикая утка. 8. Способность логически и творчески мыслить. 9. Воинская часть. 11. Денежная единица Кубы. 14. Русский драматург, поэт XVIII века. 17. Вращающаяся часть машины. 18. Антилопа. 19. Сильное воодушевление, подъем. 20. Воинское звание. 21. Русский электротехник-изобретатель XIX века. 24. Искусственное оборонительное препятствие поперек улиц. 25. Перелетная птица с пестрым оперением. 27. Опера С. В. Рахманинова. 28. Единица плоского угла. 29. Приток Камы. 30. Судовая лестница. 31. Участник спортивного состязания, идущий впереди. 33. Река в Венесуэле. 35. Помощник начальника, руководителя предприятия.

По вертикали: 1. Советский шахматист, международный гроссмейстер. 2. Вид бисера. 3. Город в Центральной Италии. 4. Басня И. А. Крылова. 5. Судно для перевозки жидких грузов. 6. Прибор, указывающий направление меридиана. 10. Центр добычи нефти в Башкирии. 12. Помещение со звуконепроницаемыми стенами для подготовки космонавтов. 13. Лечебное мероприятие. 14. Слитное, согласованное звучание в музыке различных тонов. 15. Декоративное травянистое растение, цветок. 16. Государство в Центральной Америке. 22. Плоская кривая. 23. Завершение, заключительная часть. 26. Метод научного исследования. 27. Добровольное объединение для общей хозяйственной деятельности. 32. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 34. Единица скорости движения судов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 4. Эскадра. 5. Паспорт. 7. Голиков. 10. Шлем. 11. Храпченко. 13. Ааре. 14. Туапсе. 15. Инжир. 17. Офелия. 18. Нагульнов. 21. Ластик. 22. Котик. 24. Каньон. 25. План. 26. Венявский. 28. Купе. 29. Микенас. 30. Штурвал. 31. «Москвич».

По вертикали: 1. Асатиани. 2. Вайгач. 3. Фрагонар. 5. Палтус. 6. Семипалатинск. 8. Крашенинников. 9. Версия. 11. Хренников. 12. Одоевский. 16. Жилет. 19. «Разлом». 20. Шомпол. 22. Кинескоп. 23. Кокошник. 27. Втулка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Наташа Мясковская из ПТУ № 10 будет радиомонтажницей. (См. в номере материал «Как и мечталось...»).

Фото С. ПЕТРУХИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Значки, посвященные подвигу советского народа в Великой Отечественной войне. (См. в номере материал «Зримая память»).

Фото М. МЕЗЕНЦЕВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 11.03.85. Подписано к печати 26.03.85. А 00344. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 856. Заказ № 330.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Ю. Щенникова

Любопытство не порок

Не так давно стена зоопарка в одном из городов Дании зашаталась, и в ней образовалась дыра, в которую просунул голову сиамский слон. Все же интересно, что там, за стеной!

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

Фото А. Кулика

Привычка — вторая натура

Эта курица имеет странную привычку совершать прогулки по городу на руле велосипеда своей хозяйки Лиз Эбби. Стоит Лиз взять в руки велосипед, хохлатка мигом усаживается на руль и чувствует себя вполне уверенно.

«Космонавт» в городе

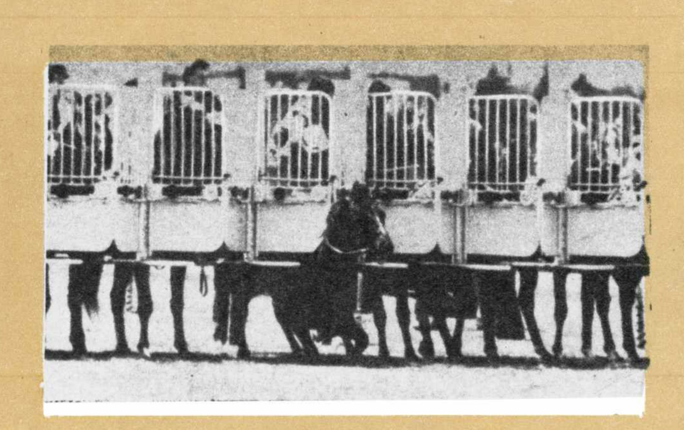
Приезжая в город, 57-летний австралиец Глен Васс ходит в специальном «космическом костюме», так как, стоит ему хотя бы зайти в какой-нибудь магазин, аллергия тут же сваливает его в постель. Костюм состоит из пластикового комбинезона, резиновых перчаток и большого шлема с фильтром для дыхания.

«Пестициды, гербициды и другие химикаты,— говорит Васс,— действуют на мою нервную систему. Я становлюсь немобильным, страдаю от сильной боли и не могу выходить на улицу после этого неделями».

Глен и его жена купили изолированную ферму в горах Южного Уэльса. Здесь он живет как все люди.

Фальстарт

Предстартовая лихорадка на скачках охватывает не только наездников, но и лошадей. Одна из них попробовала схитрить, забыв о жокее на своей спине.

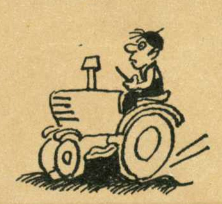

ПОГОВОРКИ СМЕЮТСЯ

Человек, решивший остаться холостяком, может быть, и дурак, но ему не столь часто напоминают об этом, как женатому. (Английская поговорка).

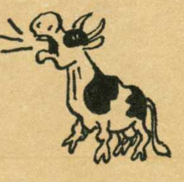

Ни одна кошка во имя бога мышей не ловит. (Персидская пословица).

Зацепился за пень, простоял целый день. (Русская поговорка).

Корова, дающая мало молока, много мычит. (Татарская поговорка).

«Шума много, а шерсти мало»,— сказал черт, остригая кошку. (Финская поговорка).

Худой, как скелет комара. (Японская поговорка).

Собрал Б. ГОРДЕЕВ.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663